

СМЕНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1982

ПРЕОБРАЖЕННАЯ СТРАНА

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета дружбы и подвига»

Решения ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС — боевая программа действий комсомольцев, всей советской молодежи

Решения ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС затрагивают важнейшие вопросы жизни страны. Хочу сказать об одной проблеме, которой Пленум уделил пристальное внимание.

Продовольственная программа — дело общенародное. Но мы понимаем, что одни предприятия и отрасли промышленности имеют к ее выполнению отношение более или менее опосредствованное, а другие — самое прямое.

Наш завод выпускает косилки различных модификаций — от тех, что разом захватывают траву на участке шириной пять метров, до небольших, рассчитанных на индивидуальное пользование, на приусадебные участки. Причем новые самоходные косилки используются не только для заготовки кормов, в перспективе их можно будет успешно применять в период жатвы, когда время не терпит и нужно во что бы то ни стало успеть скосить хлеб. Где же применяются наши косилки, в каких районах страны они нужны? Всюду!

Вот из чего мы исходим, когда оцениваем свою работу. Вот почему нам надо снова пересмотреть, отладить все ее звенья. Мы должны помнить, что на нашем предприятии вся работа — по профориентации и закреплению кадров, поиску резервов и улучшению социальных и бытовых условий, совершенствованию организации социалистического соревнования и стиля комсомольской работы — работа по выполнению Продовольственной программы. Как сказано в решениях Пленума, «надо, чтобы все практические действия... мы сверяли с Продовольственной программой».

Недавно у нас в комитете произошел такой случай.

Вдруг резко распахнулась дверь, и в комитет буквально ворвался Саша Бычков, слесарь из 22-го цеха. И сразу же, буквально с порога объявил:

— Все! Больше не могу — ухожу с завода. Немедленно.

С молодежью у нас на заводе положение нелегкое, а тут вдруг такое заявление от парня, который уже прижился, о работе своей рассказывает взахлеб.

— Ты, — говорим мы ему, — не горячись так и словами такими не бросайся. Лучше сядь да расскажи, в чем дело. И он рассказал.

На завод Саша пришел после службы в армии. Попал в двадцать первый цех. Завод наш немолод, ему уже за восемьдесят, а этот цех как раз из самых старых, темный, тесный, работают там в основном пожилые рабочие, а молодежь не держится — уходит.

Вот и Бычков собрался уходить. Но потому, что его из этого цеха перевели в новый. А новый цех — это чистое, просторное помещение, залитое солнцем, украшенное огромным многоцветным панно. Условия несравнимые, культура труда на порядок выше, а Бычкову тут неинтересно.

— Никого не знаю, — объяснял он. — Скучно мне одному в цехе — руки опускаются. С самого начала смены жду перерыва — к своим сбегать.

Понимаете, в чем дело — к своим. Да, двадцать первый из самых старых, но там работают люди, с которыми Бычков успел сдружиться, без которых ему уже нелегко. Но об этом никто не подумал, когда лучшего работника переводили с места на место. Привыкли, что молодежь тянется в новые цеха.

С Сашей мы поговорили, с завода он, конечно, не ушел, но случай этот заставил нас задуматься о многом. Прежде всего о необходимости внимательно относиться к каждому конкретному человеку. Особенно к молодому.

Это тем более важно потому, что у нас на заводе средний возраст работающих — сорок один год. Цифра, наводящая на грустные размышления. Но и не

повод для уныния, для того, чтобы махнуть на все рукой: не идут, мол, молодые к нам. Нет, как раз в последнее время, когда в результате реконструкции у нас появились новые, современные цеха с новейшей технологией и оборудованием, молодежь потянулась на завод. Возникли у нас комсомольско-молодежные коллективы, средний возраст которых не превышает 25 лет. Вот почему комитет комсомола постоянно организует конкурсы мастерства среди лучших молодых рабочих. Последний проводился среди молодых сборщиков. Специальность эта — самая распространенная на заводе. И тому лучшему, что жюри и участники увидели во время конкурса, мы постараемся обучить всю нашу молодежь.

Мы и раньше вели большую работу по профориентации. В подшефных школах приглашали ребят: «Приходите к нам после школы. Поступайте в наше базовое ПТУ, в наш техникум». А толку было немного. Хотя у нас очень неплохо обстоят дела с жильем — нет недостатка в общежитиях, а больше нашего завода никто в районе жилых домов не строит. Но стоило раньше школьникам появиться на предприятии, как все это теряло в их глазах всю привлекательность. Ведь они видели старый завод,

лишь полной взаимозаменяемостью, смежными специальностями овладели все двенадцать членов бригады и сварили за месяц больше двух тысяч ротационных косилок. А это рекорд. Но, считают сварщики, теперь этот рекорд должен быть нормой.

Сегодня я вспомнил об этом случае потому, что решения XIX съезда комсомола нацеливают нас прежде всего на серьезную, кропотливую, ежедневную, неформальную работу с людьми. Обязывают нас вести эту работу решения майского и ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. Увеличение производства сельхозмашин, улучшение их качества — один из важнейших пунктов разработанной партией Продовольственной программы.

...Классная руководительница нашей подшефной школы обратилась в бригаду делегата XIX съезда комсомола Виктора Люлькова с просьбой взять в бригаду парнишку. Вроде бы хочет на завод. Правда, сразу предупредила учительница, парень воспитывался бабушкой, разбалован донельзя. Так в комсомольско-молодежном коллективе появился Сережа Титов. Отнеслись к нему ребята сначала хорошо, а потом заметно остыли. Парнишка оказался с ленцой, и немаленькой. Просто удивительно бы-

Николай ВАРЮХИН,
секретарь
комитета ВЛКСМ
Люберецкого
завода сельхозмашин
имени Ухтомского

ИСКАТЬ И НАХОДИТЬ

Реконструкция многое переменяла. Много, но не все.

Есть привычка связывать все производственные неурядицы с плохой работой поставщиков. Не поставили, недодали — ничего нельзя было поделать. Так вот, наши поставщики подводят нас крайне редко. Жаловаться нам на них — грех. Значит, искать резервы нужно внутри завода.

Сейчас у нас налажен контроль за соблюдением трудового распорядка. Выяснилось, например, что многие участки и бригады, работая во вторую смену, заканчивают работу раньше положенного — кто на полчаса, кто поменьше, а в результате набегают весьма ощутимые потери. Сначала мы пытались решить проблему только серьезными, откровенными разговорами, беседами с людьми. Но они действовали лишь на короткое время. Тогда мы провели рейды, которые помогли выявить причины преждевременного окончания работы. Оказалось, что самые характерные — частая поломка оборудования, порой безответственное отношение к своим обязанностям руководителей подразделений во время работы второй смены.

Но ведь есть у нас коллективы, которые многие поломки способны устранить своими силами. — к примеру, работники участка мастера Иванова из кузнечно-прессового цеха № 10. Здесь рабочие из-за поломок практически не простаивают, потому что постоянно помогают наладчику, обслуживающему оборудование. Этот опыт необходимо распространять как можно шире. Дело стоит того. Так, в бригаде электросварщиков Николая Смирнова люди доби-

ло, сколько человек может затрачивать сил, изобретательности, энергии только для того, чтобы... ничего не делать.

Не у всех в бригаде выдержки и терпения оказалось столько же, сколько у бригадира. Ведь не помогли ни разговоры по душам, ни самые последние предупреждения. А Люльков ждал, верил, надеялся — поймет парень, привыкнет к рабочей жизни. Потом заметил, что тянет парня к моторам. Завел об этом разговор — оказалось, мечтает стать шофером, а на курсы его не принимают: молод. Попросила бригада перевести парня в заводской гараж — пока слесарем. Нет, он там не исправился, как по волшебству, но интерес к работе у него появился. А это уже много.

Виктор Люльков уже много лет возглавляет цеховое бюро комсомола инструментального цеха, не один год его бригада шефствует над классами в подшефной школе, постоянно впереди во внутривзаводском соревновании на приз ветеранов труда завода, кавалеров ордена Ленина. По итогам прошлого года ребята стали лауреатами премии комсомола Подмосковья в области производства. Словом, надежный, стабильный лидер. Благодаря такому лидеру и комсомольская организация инструментального цеха № 27 регулярно в победителях. Жаль вот только, что другие комсомольские организации цехов никак не могут бросить им вызов. То ли не решаются, то ли не уверены в своих силах.

Права, конечно, была Светлана Иванова, комсорг цеха № 2, когда как-то заметила, что сам по себе механический рост числа комсомольцев в новых цехах

еще не гарантирует подъема социалистического соревнования на новую высоту. Вовлечение молодежи в соревнование — это один из самых важных моментов в работе по закреплению ее на заводе. Потому что человек, постоянно и активно участвующий в соцсоревновании, почувствовавший его вкус, — это уже не посторонний человек на заводе. Соревнование нужно людям, чтобы интереснее было жить и работать. Посмотрите, кто получает удовольствие от работы? Тот, кто работает активно, кто неравнодушен к результату. Тот же, кто ко всему равнодушен, только себя и станок мучает.

Еще в одном Светлана Иванова была, безусловно, права: комитет комсомола не может быть только регистратором чьих-то успехов и чьих-то неудач. Нужно быть прежде всего организаторами.

Мне кажется, у нашего завода хорошие перспективы.

Заново отстроены два крупнейших цеха — сборочный и механический. Полным ходом идет реконструкция кузнечного. А литейный планируется в ближайшее время перевести за черту города. Ведь литейка — это копыт, гарь. А наш город сейчас так разросся, что завод оказался практически в его центре. Переведем литейку за город — не только территория разгрузится, но и воздух в городе станет чище. Живут-то в нем наши же рабочие.

Важно только сразу во всем выходить на новый уровень — технологии, культуры труда, отношения к делу. Иначе и новые стены не вырачат. Иначе будет, как в корпусе № 75, где размещен участок шестерен. В современном помещении — устаревшие способы вывоза стружки, заправки масла.

Участок и сейчас работает неплохо, сумел полностью удовлетворить потребности завода в шестернях. Весь простор идет за счет ввода и освоения нового оборудования. Так, рабочие своими силами установили и отладили новые зубофрезерные станки. Здесь постоянно ведется поиск способов сокращения ручного труда, сохранности дорогостоящего инструмента, улучшения условий труда. В цехе не хватает девяти человек, но рабочие своими силами изготовили оснастку станков и справляются с программой. Кстати, большинство рабочих здесь — комсомольцы, молодежь. В дни работы съезда комсомола и позже ребята выполняли сменные задания на 140—150 процентов.

Как видите, люди хотят работать по-новому, стремятся к этому. Поэтому нельзя терпеть те недостатки, о которых шла речь выше.

Накануне съезда комсомола мы провели несколько субботников, оставались после смены, работали на сэкономленном сырье — изготовленные машины подарили совхозу «Лидино». Сейчас нам очень важно сберечь этот высокий настрой. Коллектив завода это понимает. Так, месячный план по нормативно-чистой продукции мы выполнили на 115 процентов. Вместо 370 отправили на поля 420 машин.

А в конструкторском бюро в чертежах, на ватмане уже находятся образцы будущей, еще более современной техники, с более высокой производительностью. Сократить до минимума путь от чертежей до готовой продукции — эта задача тоже должна быть постоянно в центре внимания комсомольцев завода. Сейчас опытный образец косилки КМБ-1 проходит различные испытания на заводе, за его пределами. В экспериментальном цехе идет сборка образцов, устраняются замечания, сделанные потребителями и испытателями, доводят детали и узлы. И именно здесь, в цехе, можно часто встретить молодого конструктора комсомолку Татьяну Воробьеву. Прямо на месте она участвует в оперативном решении возникающих проблем. Вот стиль работы, который должен стать стилем каждого сельмашевца.

Ноябрьским Пленумом ЦК КПСС перед нами поставлены задачи важные. И выполнимые. Если работать с умом и на совесть.

...Необходимо поднять активность самих трудящихся масс. Это сегодня важнейшая задача партийных комитетов, советских, профсоюзных и комсомольских органов.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС
Ю. В. Андропова на ноябрьском (1982 г.)
Пленуме ЦК КПСС

Валерий ГАНИЧЕВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Дело наше обычно тормозится там, где мы подводим друг друга. Читаешь нередко в газетах: план производства важной для общества продукции сорван. И производитель с некоторым облегчением сообщает: поставщики подвели... У некоторых хозяйственников и рабочих даже сквозит удовлетворение: ведь эта необязательность, неответственность позволяют и их грехи прикрыть, собственную безалаберность оправдать: мы как другие!..

А стоит внимательно посмотреть вокруг, и увидишь, сколько самоотверженно работающих людей рядом,

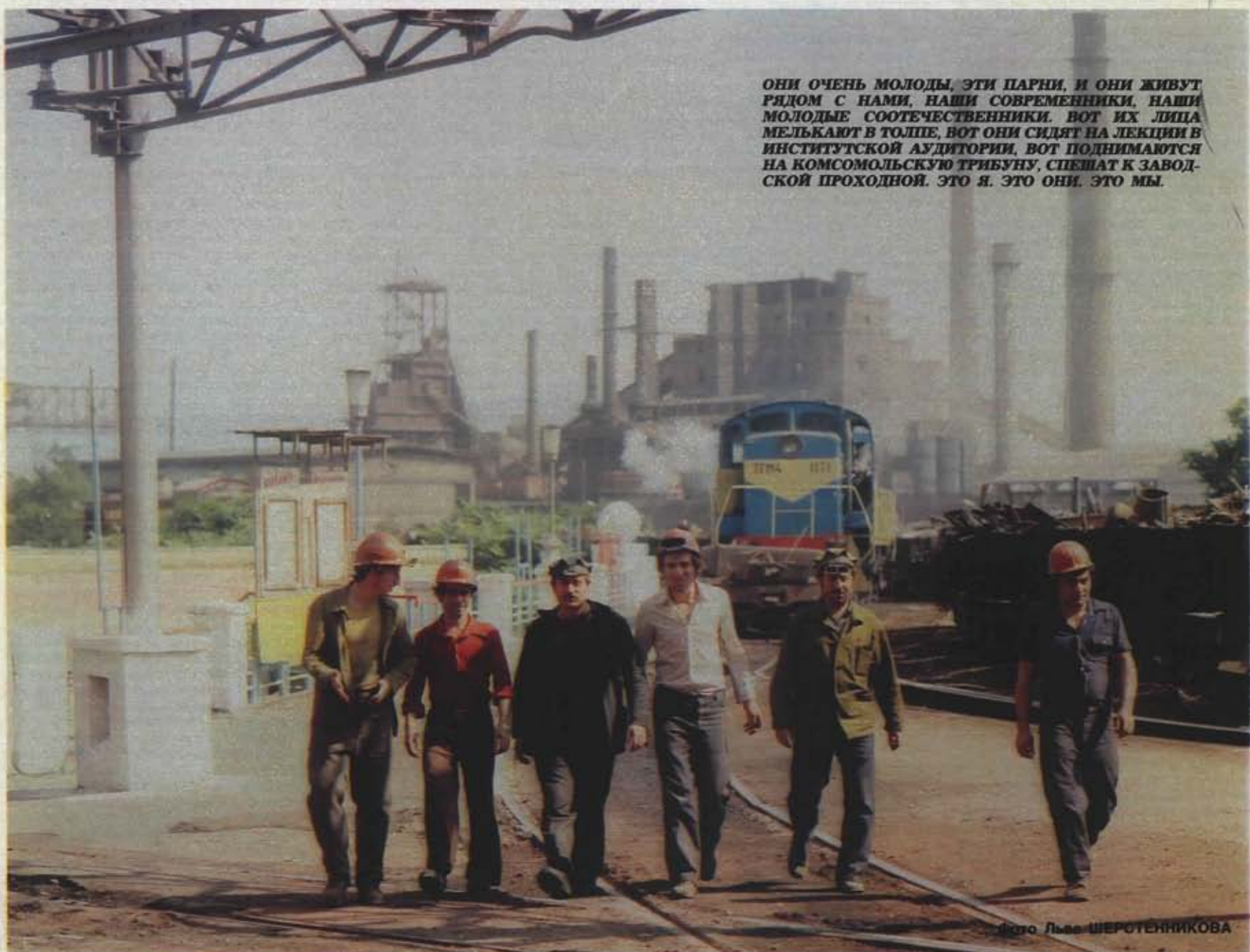
сколько ответственных членов нашего общества. Для них выполнение плана, разработка проекта, создание новой модели, овладение наукой, воспитание детей не только личное дело, не только самоотдача, но и возможность принять участие в общем деле, в общем движении, почувствовать себя членом великого братства друзей, сотоварищей, соратников, которые ему необходимы и благодарны.

Человек, говорил К. Маркс, не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека, государство, общество.

Мир человека нашего общества обширен и многогранен. Подлинное счастье, свободу, духовное обогащение находит он тогда, когда включает свои личные усилия в общее дело, служит ему и как следствие получает общественную поддержку, утверждается в своих человеческих правах.

Сопричастность — назвал бы я эту нашу народную, ныне социалистическую черту советских людей.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

ОНИ ОЧЕНЬ МОЛОДЫ, ЭТИ ПАРНИ, И ОНИ ЖИВУТ РЯДОМ С НАМИ, НАШИ СОВРЕМЕННОКИ, НАШИ МОЛОДЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ. ВОТ ИХ ЛИЦА МЕЛЬКАЮТ В ТОЛПЕ, ВОТ ОНИ СИДЯТ НА ЛЕКЦИИ В ИНСТИТУТСКОЙ АУДИТОРИИ, ВОТ ПОДНИМАЮТСЯ НА КОМСОМОЛЬСКУЮ ТРИБУНУ, СПЕШАТ К ЗАВОДСКОЙ ПРОХОДНОЙ. ЭТО Я. ЭТО ОНИ. ЭТО МЫ.

Фото Льва ШЕРОТЕННИКОВА

Сопричастность — то есть участие в деле, двусторонняя связь, близость к общему, сродственность идеи, связанность единым.

Работают при суровых сибирских морозах тюменские землепроходцы, качают нефть, гонят газ из толщи земли, и мчатся машины по дорогам Украины и Белоруссии, идут по полям Узбекистана хлопкоуборочные комбайны, отправляются корабли из портов Прибалтики. **Сопричастие!**

Днем и ночью убирают в осенние месяцы хлопок старики и молодые, колхозники и рабочие, студенты и школьники в Средней Азии и Азербайджане, и миллионы метров ткани, выпущенные трудолюбивыми и самоотверженными ткачихами Ивановой, Калининной, Шуи, уже украшают статных красавиц Кубани, Грузии, Дальнего Востока. **Сопричастие!**

Разрабатываются в Москве и Ленинграде, Новосибирске и Минске новые проекты, возникают конструктивные идеи, находят подтверждение глубокая мысль, и возводятся гигантский комплекс КАТЭКа, отправляются с миссией дружбы за границу советские сторонники мира. **Сопричастие!**

Наш комсомол всегда был сопричастен делу народа, откликнулся на самые актуальные задачи, возникающие в обществе, шел на самые важные, сложные, опасные участки жизни. Вспомним некоторые лозунги, какие выдвигались в разное время перед членами Союза. «Молодежь, к оружию! Революция в опасности!», «Юный пролетарий! Бери священную винтовку в мозолистую руку!», «Докажем империалистам всего мира, что молот и серп в наших руках работают не хуже, чем винтовка и пулемет», «Учитесь, учиться и учиться!», «Комсомолец, обучи одного неграмотного!», «Даешь Магнитку!», «Комсомолец — на трактор!», «Комсомолцы, учитесь стрелять метко, поражать фашистского зверя!», «Все для фронта, все для победы!», «Восстановим родной Сталинград!», «Даешь целину!», «Партия сказала: надо! — комсомол ответил: есть!», «Каждому молодому труженику — среднее образование!», «Вчера рубеж новатора — сегодня комсомольская норма». Всего лишь малая часть лозунгов и призывов, но какая насыщенность, устремленность, самоотверженность за каждым из них, какое ощущение необходимости общей, объединяющей, нужной и полезной идеи. Призыв к вдумчивому труду, полной отдаче сил, энергии, сопричастность общим делам твоего народа.

Сопричастность совпадает с активной жизненной позицией человека. И если человек — личность, то его активность, сопричастность не могут быть разовыми, это постоянный процесс душевного переживания, напряжения и ответственности.

— Вальде какие-то ребята стали, — заметил мне недавно один учитель. — Ничего не хотят. Делать ничего не умеют. Ничем не интересуются.

— Ну уж, так и ничем?

— Да, конечно, музыку громкую послушать не возражают. А в остальном... Знаете, не хватает им дерзости желаний в постановке жизненных целей, стремления к высокому.

— Ну, тут, может быть, вы не все знаете, о чем думают выпускники. А если они действительно о высоком не думают, то и вы виноваты: не разбудили этих чувств, не потревожили чело-веческую душу, не показали им, что без их участия многое в мире не будет решено, мир не станет лучше и красивее. Не может же юное сердце не откликнуться на искренний и горячий призыв, на полет мысли, на страстный клич...

А иной наш молодой, да и не только молодой, учитель, культработник, тренер, комсомольский руководитель требует от юного подопечного тех усилий

и творческих дерзаний, которые он сам не проявляет. Ему кажется, что ребята, поставленные в формально обязательные условия, должны действовать «согласно программе», «методической разработке», «указанию сверху» таким образом, чтобы не доставлять ни хлопот, ни забот.

Ясно, что авторитет такого воспитателя скоро рухнет, он сам превратится в озвучивающий инструкции аппарат, если не сможет каждый день быть настроен на сердце, разум того, кого воспитывает, если не включит в воспитательный процесс все свои нравственные ресурсы, не будет сопричастен страстям и идеям века.

Действительно, когда личность заменяет творческое отношение к жизни, к каждой новой возникающей ситуации повторением, которое становится штампом, тогда завоеванные позиции начинают превращаться в догматические каноны, стереотипы, и в таком случае личность, как отмечали философы, умирает заживо, она тоже превращается в шаблон и в конце концов надоедает, перестает интересоваться людей.

Здесь и кончается сопричастность, человек сам порождает отчуждение, безразличие и даже неприятие со стороны других людей.

Но участие в большом и серьезном деле, борьба за его торжество не сразу приносит результаты, плоды. На этом пути человека ожидают трудности и поражения, непонимание и даже отрицание чистоты замыслов. Надо быть глубоко убежденным, стойким и сильным, чтобы отстоять истину, добиться воплощения собственной идеи. Однажды на встрече писателей, происшедшей в Тюмени, первый секретарь обкома партии попросил всех низко поклониться вошедшему в зал известному писателю, лауреату Государственной премии С. П. Зальгину и сказал, что благодаря его усилиям, его и других товарищей, не произошла не-поправимая вещь. Войки и уверенные в себе проектанты, потратившие серьезные деньги на проекты, почти добились принятия решения о строительстве Нижне-Обской ГЭС, которая затопила бы своим водохранилищем гигантскую площадь, где ныне сосредоточены основные нефтяные вышки Тюмени. Сергей Павлович Зальгин отложил в сторону свои основные писательские обязанности, планы, замыслы и с методичностью ученого (он бывший преподаватель вуза, гидромелиоратор) вместе со своими товарищами принялся доказывать несостоятельность утвержденного проекта. Понадобилось собрать сотни авторитетных мнений, напечатать и размножить тысячи бумаг, выдержать бой во многих инстанциях. Каких только обвинений не пришлось выслушать: и некомпетентность, и консерватизм, и нежелание следовать по пути прогресса, и еще кое-что более угрожающее! Но в Центральном Комитете партии, Совете Министров проект не утвердили. Ныне нефтяная Сибирь известна всему миру, а писатель С. П. Зальгин продолжает заниматься своим творчеством. Но его действия в защиту тюменской земли в полной мере можно считать **сопричастием** великому делу. И это сопричастие, которое вроде бы вырвало у писателя из жизни не одну страничку, отняло сотни часов самого большого богатства — времени, вспоминается им с большим удовлетворением, как исполнение своего гражданского долга, как ответ на внутренний зов совести.

Помню, до войны у отца, бывшего питерского рабочего, принятого в год смерти Ленина в партию, висела политическая карта мира. Он подолгу стоял с нами, его сыновьями, перед ней. В мире тогда шла битва с рвущимися к мировому господству немецким, итальянским фашизмом, японским милитаризмом, и он приобщал нас,

мальчишек, к пониманию всемирности этой битвы, рассказывал о героизме испанских антифашистов, мужестве рабочих Шанхая, бесстрашии абиссинских повстанцев.

Позднее я не раз вспоминал эти уроки семейной политграмоты, приближения к мировым событиям, этого сострадания ближнему и далекому, первого осознания пролетарской солидарности. Великая традиция сопричастности ко всем значительным событиям века, сопереживания болям других людей, судьбам народов глубоко укоренилась в советских людях. Нам безразлична судьба чилийских горняков, крестьян Никарагуа, афганских демократов, польских трудящихся. Мы солидарны с американскими борцами за свободу, узниками уругвайских тюрем, палестинскими феодинями, с людьми Запада, мучительно осмысливающими жизнь. Мы протягиваем руку братской помощи вьетнамским людям, афганским революционерам, кампучийским друзьям.

Нет, мы не вмешиваемся в дела других стран, но мы солидарны с теми, кто отстаивает свободу, независимость, свое право на жизнь. Когда «Комсомольская правда» опубликовала письмо молодых рабочих с протестом против заключения в тюрьму американских борцов за свободу, тысячи писем молодых людей пришли в Белый дом. Чиновники госдепартамента были встревожены: ведь нельзя же, везде разглаголюствуя о демократии, отмахнуться от мнения нескольких сотен тысяч человек, заявить, что их письма — плод пропагандистской кампании. Тысячам, миллионам советских людей близки цели и смысл борьбы их сверстников, они сродственны идеям демократов, революционеров, коммунистов.

Этим самым я не хочу сказать, что взор молодого человека должен быть устремлен куда-то вдаль, в заморские страны. Нет, уметь увидеть горе ближнего, нужду соседа, радость друга — это тоже относится к разряду самых высоких чувств, которые необходимо уметь воспитать в себе, сделать их своей натурой. Надо наполнить свое сердце соучастием, состраданием, сопереживанием. Умей доверять людям и сам быть открытым их радостям и болям. И над всем этим чувство великой Родины, объединяющей, святой, высшей правды. И это единение с соратниками, чувство своей причастности к ближнему и дальнему приводит к человеку тогда, считает молодой поэт Николай Дмитриев, «когда твое дыхание слилось с натруженным дыханием страны».

Но это единение надо утверждать, за него надо бороться.

Есть люди, которые смотрят на мир как бы со стороны, не умея да и не желая разрешать конфликты, другие хотели бы лишь воспользоваться добротой и заботой ближних, не даруя им ничего взамен, третьи полностью предаются воле случая, пассивны — «все равно ничего не изменишь». У них чувство сопричастности не развито и даже отсутствует. Но им и не дано пережить счастье помощи людям, радость коллективного дела, сродственности и животворящей силы, скрепляющей идеи. Удивительно, но иногда самые позитивные явления и хорошие результаты при неумелом, неразумном отношении к ним превращаются в свою противоположность, начинают действовать в отрицательном плане.

Все больше хороших и красивых вещей появляется у нас в домах, все лучше одеваются советские девушки и юноши, все требовательнее их вкусы и запросы, растет общее благосостояние советских людей. Хорошо это или плохо? Ответ может быть один: отлично! Это важно для усиления творческого характера труда, для расцвета личности, для гармонического развития че-

ловека. Но здесь есть две стороны. Вторая может порождать потребительство, хищническое вещное сознание, корыстные устремления.

Ясно, что задача комсомола — решительно ставить заслон этой мешчанской психологии, рвачеству и потребительству.

Не может, например, не беспокоить, что нередко среди учащейся молодежи растет культ «благ», одежды, комфорта, драгоценностей, когда великозранные белоручки появляются в школу разодетые, как заморские попугаи, и даже в сиянии золота и драгоценных украшений. Мы не выступаем против этого в принципе — одевайтесь, как считаете удобным и красивым. Но если молодой человек не сделал еще никаких трудовых усилий, не имеет специальности, не умеет трудиться, то пользование многими из этих благ неэтично, а часто и аморально.

Некоторые из юных начинают свысока относиться к своим сверстникам, а часто и к учителям, ибо те не имеют таких заработанных их родителями вещей. Комсомольские организации, школа, родители должны со всей решительностью объяснить молодым, в абсолютном своем большинстве не-плохим ребятам, всю нескромность такого поведения. И не только объяснить, но всесторонне развенчивать пошлые, низменные, потребительские идеалы, противопоставляя им высшие ценности нашего общества.

Мы не можем проходить мимо всякого рода нарушений и даже преступлений, совершаемых на почве агрессивного потребительства, хищничества, захребетничества. Актуально было бы такое обращение: «Комсомолец, если с тобой рядом совершается расхищение социалистической собственности, спекуляция, воровство, — ты обязан немедленно вступить в борьбу с нарушителями».

Да, сопричастие нашему делу предполагает не только участие в творческой, созидательной работе, но и в разрушении козней старого мира, схватку с темными силами, борьбу с мраком и невежеством.

Комсомольские организации вправе потребовать и спросить со всех, кто не выполняет нормы нашей социалистической морали, кто начинает идти по пути стяжательства и паразитизма, кто сквозь пальцы смотрит на вятчичество, хищничество, тунеядство, бесхозяйственность и расточительство.

Но не надо и переносить всю ответственность за неправильный поступок или равнодушие куда-то на внешние факторы. Молодые люди становятся нередко соучастниками нечестоплотных и даже преступных дел. И тут-то и должна сработать Личность, ее Воля, Характер, Знание. Должен сработать зрелый Коллектив, Верный Друг, Заботливая Семья. Но прежде всего Сам будь ответствен, сопричастен к своим поступкам, оценивай их, контролируй свои действия, умей душевно потрудиться. Уметь трудиться — это важнейшее качество человека. Трудиться физически, трудиться умственно, трудиться духовно. Не все это умеют, и нам не следует жалеть сил, чтобы научиться этому. В первые годы Советской власти приходилось искать новые формы трудового объединения людей, учить их как коллективному, так и индивидуальному мастерству. А мастерство — необходимое качество каждого Работника. В памятке «Как надо работать», выпущенной из-под пера ученого и поэта-большевика А. К. Гастева, которая одно время висела в кабинете Владимира Ильича Ленина, были строки, обращенные к молодым и не потерявшие значения до сегодняшнего дня:

«Если решил, действуй», «Не бери много, учти хорошенько, то что есть», «Не воображай себя организатором, прежде чем не наведешь чистоту», «Не хвали своего дела авансом», «Сначала сделай учет, потом разворачивайся»,

«Сначала пристальное внимание — потом действие!», «Прекратите работу начерно», делайтесь артистами работы». Вот этот артистизм в деле, в работе, умение стать Мастером на любом участке труда и должно быть воспитано в человеке. Мастер — значит, сопричастен нашему Великому делу, Мастер — значит, нужен людям.

Сопричастность высокому предполагает духовное приобщение к народным сокровищам жизни. И это осмысление своего места в цепи истории, культуры, традиций народа обязательно для человека.

Был период, да и сейчас еще раздаются голоса, когда эту цепь считали обременительной, ее хотели разорвать, уничтожить как старое, отжившее наследие. После революции газета футуристов «Искусство коммуны» провозгласила: «В порядке крайней революционной спешности надо допустить гнилобго последыша буржуазии — поганую культуру ее и создать неслыханно новую цивилизацию труда». Мотивы разрушения, голого отрицания всего предшествующего, нравственное разгильдяйство, конечно, чуждо новому обществу.

В. И. Ленин всерьез предостерег разрушителей, обратился к молодым с призывом овладеть запасом тех знаний, которое выработало человечество. К демократической культуре, уходящей корнями в толщу народной жизни, к демократическим традициям и должен приобщиться молодой человек. Это труд нелегкий, он не всегда приносит на первом этапе удовлетворение, но с каждой ступенькой вверх открываются все новые горизонты, все понятнее и ближе становится мир искусства, все больше сопричастен ты к нему. «Красота спасет мир», — писал Ф. М. Достоевский. И в этом смысле у молодого человека должна быть широкая сопричастность истинной красоте для ее постижения и воссоздания.

Возьмем, например, музыку, песню. Песня всегда была боевой спутницей комсомольцев, она объединяла их, скрепляла единой идеей борьбы, дружбы, любви. «Дан приказ ему на запад...», «Вставай, страна огромная», «Забота наша такая» — эти слова известны комсомольцам всех поколений, они объединяли людей, вдохновляли, делали их соратниками. Немало поется и ныне хороших песен. Но не может не беспокоить, что коллективная песня часто уступает место пассивному прослушиванию. Ребята сами поют редко. Нет сопричастия. Музыка и песня звучат в основном с эстрады, по радио, в дискотеке. Да нередко и звучание это только зарубежное. Даже на стадионе редко услышишь отечественную музыку, все больше какие-то тропические ритмы.

Песня — душа народа, а нередко это забывается, и звучат из микрофона безделушка и пошлость. У некоторых «делателей песни» существует даже формула: «Чем пошлее, тем башлее», — то есть больше денег, «башлей», по их выражению, они получают за массовое исполнение. Вот тут-то сопричастия не нужно, его добиваются.

Мало знают ребята и народных песен, да их толком никто и не учит.

Песня и музыка — ныне поле битвы за молодежь. Усилили свои попытки с помощью всякой поп-музыки, музыкальной продукции «массовой культуры» воздействовать на молодое поколение социалистических стран различные центры буржуазной пропаганды. Они создают впечатление о надклассовости, беспартийности музыкального искусства, а за этими «теориейками» пытаются повлиять на сознание молодежи, отделить ее от многообразия прогрессивной музыкальной культуры, поставить заслон на пути к подлинным музыкальным ценностям, противопоставить вкусы

старших поколений молодым. Приобщение к царству великой, подлинной (а не подделанной) музыки, народной, советской мелодичной песни есть тоже процесс сопричастия истинной культуре. Наши воспитательные усилия, идейная работа направлены на то, чтобы создать у молодых людей крепкую связь времен, воедино связать прошлое, настоящее, будущее. «Мы воспринимаем прошлое, — отмечал Л. И. Брежнев, — как богатейший резервуар опыта, как материал для раздумий, для критического анализа собственных решений и действий. Мы черпаем из прошлого вдохновение для нынешних и грядущих дел».

Мы немало сделали за последние годы, чтобы пробудить историческую память молодого поколения, воспитать молодых людей на лучших патриотических и революционных традициях нашего народа.

Поход по местам боевой славы, Вакты памяти, музеи и уголки славы, возведение памятников и обелисков героям Великой Отечественной, сбор материалов о героизме наших отцов — все это прочно вошло в арсенал патриотического воспитания молодых. Наши противники не раз пытались извратить прошлое нашего народа, посеять нигилизм среди молодежи, вбить клин между младшими и старшими поколениями, очернить достойную высокую песни историю нашего Отечества, нашей Революции, найти в залежалых отбросах каких-то отщепенцев, чтобы с их помощью опровергнуть реальность исторических фактов, развенчать конкретную практику социализма. Но, зная историческое прошлое, активно участвуя в делах сегодняшнего дня, молодой человек, по нашему убеждению, как никто другой должен быть устремлен в будущее. Для него будущее — это его цель, это его жизнь через многие годы, это и общественный идеал. И от того, каким представляет себе молодой человек будущее, как он сопричастен ему, как видит конкретные пути движения к цели, как готовит себя к их осуществлению, зависит его мироощущение, настроение, энергия, целеустремленность, оптимистическое, жизнеутверждающее начало в жизни человека.

Будущее — такое же гигантское поле битвы, как прошлое и настоящее.

В стремлении победить потерявших уверенность в завтрашнем дне заправил Америки заявил о новой капиталистической эре президент США Рейган, предвещая, что коммунизму наступил конец. Предсказатели великой катастрофы, торжества дикости, неизбежности эксплуатации родятся в западном мире. За будущее борется и религия, обещая тем, кто будет послушно следовать ее канонам, «царство божье» на том свете. Мы отвергаем царство капитала на этом свете и не нуждаемся в «царстве божьем» завтра. Наша цель — бороться сегодня за высокий, вдохновляющий идеал коммунизма.

Яркое, образное представление о будущем, вера в высокие идеалы порождают великую энергию, стойкость и оптимизм, сопричастие нашему делу, устремленность вперед на творческие свершения. Это еще раз подтвердил XIX съезд Ленинского комсомола.

Тернист и сложен путь у тех, кто подставляет плечо под всечеловеческие заботы. Их груз нелегок, соленый пот застилает глаза, руки и плечи гудят от усталости, беспрестанно работает мысль. Но только по ним мы можем судить об истинных, настоящих людях нашего времени, это их шаг меряет история, только по их движению виден прогресс в мире, а их чувства и дела и определяют уровень современности, порождают надежду. Следуй им, молодой друг! Будь причастен ко всем радостям и болям нашего времени, неустанно борись за светлое будущее — коммунизм.

Пролетарии всех стран соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1333) ДЕКАБРЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: «Над белой пустыней».

Картина художника Кавиля МУЛЛАШЕВА из триптиха «ЗЕМЛЯ И ВРЕМЯ».

- 1 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: «ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА». Валерий ГАНИЧЕВ. «СОПРИЧАСТНОСТЬ».
- 4 «РЕКА ПОД РЕКОЙ». Фоторепортаж Валерия ЕВСЕЕВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 7 Конкурс одного стихотворения «ПОЮ МОЁ ОТЕЧЕСТВО».
- 8 Рассказ Льва ДАНИЛОВА «КОНЦЕРТ ЛУЧШИМИ АРТИСТИЧЕСКИМИ СИЛАМИ».
- 10 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ. Елена МИКУЛИНА. «СЧАСТЛИВАЯ ПОДКОВА». Рабочая повесть «Смены».
- 15 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
- 16 ЗАВЕРШЕНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДИСКУССИИ «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ». Альберт ЛИХАНОВ. «ВЫБОР ЦЕЛИ, ИЛИ РАССУЖДЕНИЯ О СМЫСЛЕ БЫТИЯ».
- 20 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «НЕПОХОЖИЙ ДВОЙНИК».
- 25 Петр НОВИКОВ. «ЗДЕСЬ ЖИЛ СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ».
- 26 МИР КАПИТАЛА: НАСИЛИЕ, ЖЕСТОКОСТЬ, СТРАХ. Михаил ОЗЕРОВ. «ОБЫКНОВЕННЫЕ НЕОНАЦИСТЫ».
- 28 Игорь МАСЛЕННИКОВ. «ЩЕКИ РУМЯНИТ ЛЫЖНЯ».
- 30 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 32 «ЛЮБО ПОСМОТРЕТЬ!». Фоторепортаж Римзиля ВАЛЕЕВА и Евгения УСПЕНСКОГО.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор А. В. Исавва.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

Экспедиция «Смены»:
Западная Сибирь —
факты. проблемы. люди

РЕКА ПОД Р

Валерий ЕВСЕЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

Огромный бивень мамонта лежал прямо на полу в кабинете секретаря райкома комсомола. На него приходили смотреть целыми группами и поодиночке — весть о впервые сделанной в окрестных местах находке разнеслась со скоростью звука. Бивень даже сфотографировали для районной газеты. Словом, диковина эта, дошедшая к нам через тысячелетия, вызвала вполне определенный сенсационный бум в городке. И все же тот давно почивший мамонт

умер бы от зависти еще раньше, узнай он, что его красавец-бивень не выдержал конкуренции в популярности с обычной стальной трубой.

Именно она занимала все внимание жителей маленького марийского городка Звенигово, лишь на момент отключившихся для обсуждения достоинств мамонтовой кости.

В те непогожие октябрьские дни эпицентр всех звениговских событий переместился сюда, на песчаный берег Волги, где лежали эти прозаические, виданные всеми десятки раз трубы.

...Мальцев с некоторым ужасом в глазах наблюдал за все увеличивающейся армией журналистов. Может быть даже, тогда он единственный мечтал о целом стаде мамонтов, лучше живых, появившихся вдруг неподалеку и способных увлечь за собой беспокойное племя людей с фотоаппаратами, кинокамера-

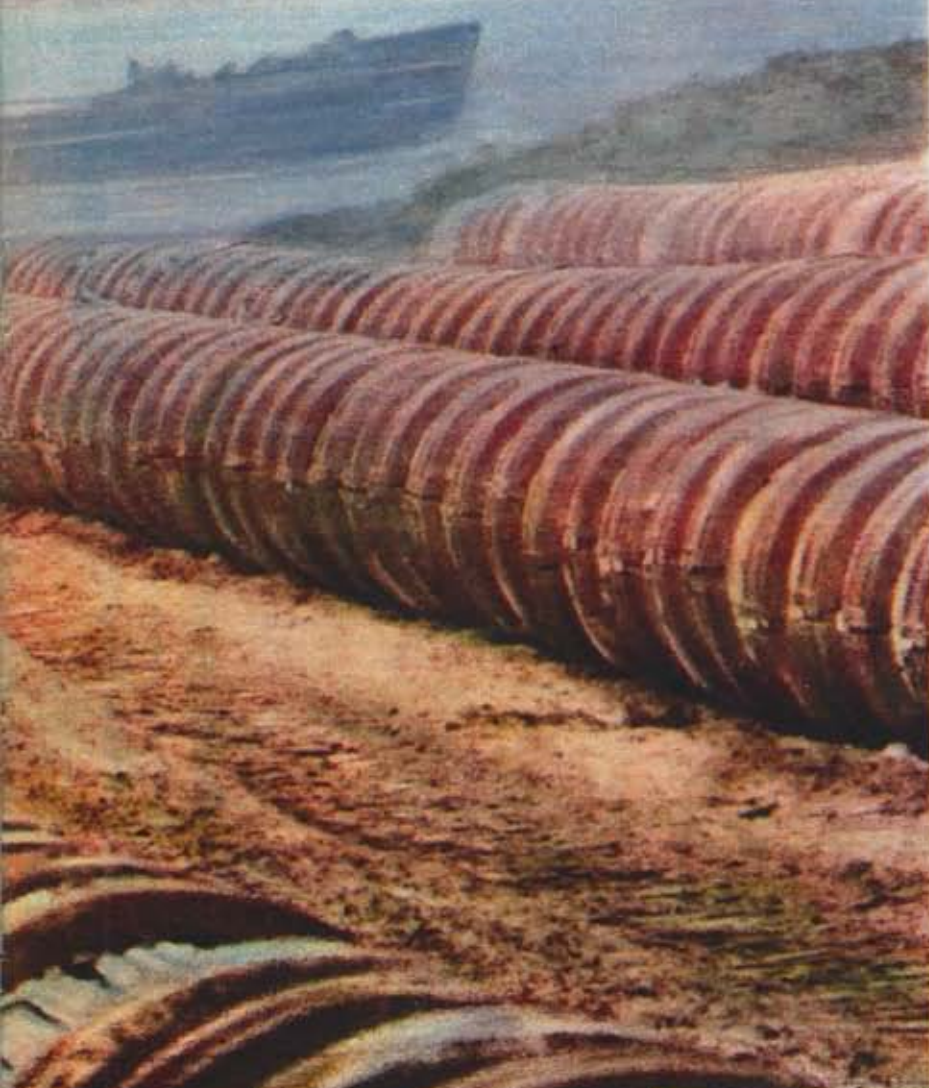
ЧТОБЫ ОБЛЕГЧИТЬ ПРОДВИЖЕНИЕ 400-ТОННОЙ ПЛЕТИ К ВОДЕ, МОШНЫЕ ТРУБОУКЛАДЧИКИ ПРИПОДНИМАЮТ ЕЕ НАД ЗЕМЛЕЙ.

ДВА ЗЕЛЕННЫХ ФЛАГА — ИДУТ ПОДВОДНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ. СТАРШИНА ВОДОЛАЗНОЙ СТАНЦИИ ФАРГАТ ШАЙДУЛЛИН ДОВОЛЕН: ВСЕ НОРМАЛЬНО.

**КРУПНЕЙШАЯ РЕКА КОНТИНЕНТА —
ОДНА ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ВОДНЫХ ПРЕГРАД
НА ПУТИ ГАЗОПРОВОДА
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА.**

ми и микрофонами. Репортеры, конечно, мешали в работе. Некоторые норовили чуть ли не под гусеницы тяжелой техники броситься, дабы найти более удачный ракурс для съемки пока еще неподвижно лежащей трубы. Позже на вопрос, чем же уникальны события, развернувшиеся на берегу Волги, Владимир Сергеевич Мальцев, заместитель начальника Всесоюзного объединения «Союзподводтрубопроводстрой» с присущей ему легкой иронией ответит: «Только обилием прессы».

Но он, конечно, слукавил. И читатель, взглянувший уже на фотографии, сопровождающие этот репортаж, тоже, конечно, понял, что речь идет о вещах далеко не обычных. Специалисты объединения и журналисты прибыли сюда ради события весьма важного: именно здесь и именно в те дни крупнейший в мире строящийся трансконтинентальный супергазопровод Западная Сибирь—Западная Европа должен был перешагнуть одну из серьезнейших водных преград на своем пути—величайшую реку континента Волгу. Эпитеты в превосходной степени здесь не случайны. Ибо, как ни шутив и ироничен был ответ Мальцева на вопрос об уникальности, но и серьезный смысл был заложен в нем тоже. Да, ничего сверхнового не изобрели на окраине Звенигова. Все это было уже раньше, все было тщательно и неоднократно обсчитано, испы-

тано, не раз проверено практикой. Но только, пожалуй, впервые все это соединилось вместе в том варианте, когда почти к каждому составляющему его элементу можно, не беря греха на душу, добавить эпитет в той самой превосходной степени. Крупнейший для водных переходов диаметр трубы—1220 миллиметров. Тяжелейший вес каждой плиты труб—до 400 тонн. Глубочайшая подводная траншея—в иных местах пятиэтажный дом можно спрятать... Впрочем, не станем утомлять читателя обилием цифр, пока что, возможно, еще мало что ему говорящих. К тому же и удивляться особенно нечему: коль скоро сравнивают трубопровод с газовой рекой, то здесь предстояло проложить большую реку под большой рекой.

Подготовка к этому началась еще весной, когда на песчаном пологом берегу Волги высадился первый десант работников Казанского специализированного управления подводно-технических работ №4 объединения «Союзподводтрубопроводстрой». Перво-наперво следовало соорудить крышу над головой. Это только так говорится—крышу, на самом деле недалеко от городской пристани начал расти целый поселок. Сегодня каждый входящий в него обязательно обращает внимание на прибитую к сияющему алюминиевым фасадом первому домику табличку с названием первой улицы—«Уренгойская». Так далекий город сибирских газодобытчиков «прописался» в марийском городке судоремонтников и судостроителей. А по улицам Звенигова засновали автобусы с неведомым здесь доселе маршрутным указателем «Уренгой—Ужгород». И в городской гостинице «Волна» администрация стала подумывать, не заказать ли ненужную раньше табличку «Мест нет». Уже каждому новому человеку, независимо от того, с каким делом приехал он в Звенигово, было не избежать вопроса вездесущих мальчишек: «Вы с газопровода, дядя?»

А между тем трубы будущего газопровода... купались в волжской воде. Еще несколько лет назад подобная процедура не была предусмотрена никакими производственными нормами. Раньше десятиметровые трубы завозили на место будущего перехода и уже там сваривали их в нужной длины плети. Такой метод требовал напряженной работы автотранспорта, строительства складских помещений, сооружения специальных сварочных стеллажей... Сей-

**ДЛЯ ЕЛЕНА ХУДЯКОВОЙ,
СТАРШЕГО ИНЖЕНЕРА
ГРУППЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ
ПРОИЗВОДСТВА РАБОТ,
ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ВОЛГУ —
СЕРЬЕЗНЫЙ ЭКЗАМЕН.**

ЕКО

**ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ
СТАЛЬНОЙ ОГОЛОВОК
ПЕРВОЙ ПЛЕТИ
КОСНЕТСЯ ВОЛЖСКОЙ ВОДЫ.**

И ВОТ ЭТОТ МОМЕНТ НАСТУПИЛ!

час же трубы сваривали и испытывали за 70 километров от проложенной проектировщиками трассы, на центральной базе в Казани. Потом на 200-метровые плети поставили торцевые заглушки — и плети сбросили в воду. 90-тонные стальные «бревна» связали в плоты, и мощные буксиры потащили их вверх по течению прямо к месту назначения. Надо сказать, подобный метод транспортировки плетей по воде был впервые внедрен именно в Казанском СУПТР-4. Эта работа управления отмечена серебряной медалью ВДНХ.

У Звенигова трубоукладчики осторожно приняли плети-путешественницы из воды и ровными рядами уложили на берег. Но это еще не все. Внимательный читатель вполне мог заметить одно несоответствие в нашем рассказе: дескать, плыли-то 90-тонные плети, а выше разговор шел вроде бы о тех же плетях, но весом в 400 тонн. За счет чего же так «поправились» они? В том-то и загадка, что 90-тонные плети плыли, что было полезно и весьма выгодно, но до поры до времени. До той поры, пока не начнут их укладывать на дно реки. Тут уж такая плавучесть совсем ни к чему. Волга — река рабочая. Судоходство здесь не менее оживленное, чем движение на автомобильной трассе. И вдруг поперек реки — плавающий шлагбаум! Чтобы такого не случилось, плети утяжеляют — вешают на них пригрузы, такие двухтонные чугунные бусинки, штук по сто пятьдесят на каждую плеть. Зафутерованные (обшитые досками, предохраняющими их от механических повреждений) и усеченные наназанными бусинками-пригрузами плети, лежащие на берегу, удивительно похожи на заготовки для какого-то гигантского ожерелья. Становится даже жалко, что пройдет несколько дней и ожерелье это станет недоступным для любования даже рыбам. Потому что и под водой газопровод будет под землей. Для этого мощные земснаряды вырыли на дне Волги траншею шириной в семь метров. А о глубине ее мы уже говорили — в иных местах она достигает 16 метров, высоты пятиэтажного дома. Такие ее габариты продиктованы рельефом волжского дна. Около 700 тысяч кубометров грунта было переработано при сооружении траншеи. Если бы из него «слепить» брусок размером метр на метр, то один бы его конец находился в Звенигове, а другой — в Москве. По 10—15-метров в день продвигался каждый из трех земснарядов, чтобы успеть подготовить для стального ожерелья удобное и ровное ложе к октябрьским дням.

...И вот они наступили. Вместе с фоторепортером повторяем путь, который проделали стальные плети, первая из которых должна завтра уйти под воду. Только плывем мы из Казани в Звенигово на быстроходном «Метеоре» и вместо суток нам требуется меньше двух часов. Над Волгой стоит туман. Накануне ночью выпал первый снег, и буровато-зеленые осенние берега уже отдают преждевременной сединой. «Метеор» останавливается в Звенигове лишь на несколько минут. Большинство пассажиров плывет дальше, но на подходе к раскачивающемуся на темных волнах двухпалубному дебаркадеру пристани многие покидают теплые салоны и выходят на открытую площадку — посмотреть на показавшийся на берегу плацдарм, с которого завтра начнется штурм Волги. Абсолютно точную информацию, как добраться «к газовикам», мы получили, еще не ступив на землю.

Впрочем, газовики — это слишком общее название всех, кто добывает газ, кто прокладывает ему дорогу сквозь болота и горы, реки и леса. Среди них — люди десятков различных профессий. Кто возьмется сказать, какая из них ведущая? А кто «основной работник» на протаскивании дюкера? Машинист трубоукладчика или водолаз, сварщик или моторист-лебедчик? Вопросы, которые навсегда останутся без ответа.

Сами себя они именуют одним словом — подводники. Про тех, кто работает вдали от речных берегов, говорят несколько свысока — сухопуты. Простим им этот тон превосходства, присутствующий всем, кто имеет отношение к якорям и тельняшкам. А здесь даже у начальства под воплем гражданскими рубашками с галстуками просвечивают бело-голубые полосы.

И если продолжать флотские параллели, то в тот день должна бы прозвучать команда: «Свистать всех наверх». Впрочем, и без нее на берегу собрались все, даже свободные «от вахты»: вдрут что понадобится.

Шли последние приготовления к началу наиболее сложного и ответственного этапа всех работ — протаскиванию дюкера. Уже проверено водолазами состояние подводной траншеи. Отбуксирована на правый берег и намертво закреплена там многотонная лебедка. Уложено на дно два с лишним километра многожильного, толщиной в руку троса, которым лебедка и потащит в воду многотонную машину. Аккуратно пронумерованы лежащие на левом берегу все двенадцать двухсотметровых плетей. К первой из них приварен конусообразный оголовок, который здесь все называют просто «пулей». К ней через специальный блок крепится конец троса. На красных покатых боках «пули» выведены слова: «Уренгой — Помары — Ужгород» и «Здравствуй, Волга!»

...И вот правый берег голосом старшины водолазной станции Фаргата Шайдуллина доложил по радиации левому о полной своей готовности к началу операции.

На левом берегу никакой суеты. Все на своих местах. Урчат моторами выстроившиеся вдоль плети трубоукладчики. Они должны приподнять ее от земли, дабы облегчить путь к воде.

Вспыхивают лампы кинохроники, высвечивая морось осеннего дождя. Начальник СУПТР-4 Владимир Георгиевич Пелипенко поднял над головой белый флаг. В небо ушла зеленая ракета. «Начать движение!» Уже совсем невидимый в сумерках правый берег ответил: «Вас понял, начинаю движение». В это время там моторист-лебедчик Виктор Ключников нажал на кнопку «пуск», и могучий барабан лебедки медленно начал вращаться. Глубоко под водой натянулся трос и стальное ожерелье сдвинулось с места. Но еще 24 минуты красная «пуля» ползла по песку, прежде чем впервые коснулась волжской воды. Еще минута-другая — и восклицание «Здравствуй, Волга!» полностью исчезло в воде. Теперь его можно будет увидеть только через несколько дней на другом берегу.

...День следующий и следующий за ним начались одинаково. На левом берегу сварщики приваривали к концу протаскиваемой накануне плети начало следующей. Работа эта сложная и ответственная. К ней допускаются сварщики только высокой квалификации. Вот почему, когда я впервые увидел совсем молодого парня в кожаной робе у трубы, то решил, что это подручный — возрастом на аса не тянул. Но оказалось, что у Александра Богунова — 5-й разряд и в свои двадцать лет почти пять лет рабочего стажа. Больше того, за эти годы успел получить специальность столяра, шофера, радиотехника. Но это все, как он сам говорит, между делом. Основная профессия — сварщик. Ее постигать начал, когда еще в школе учился — во время каникул, под началом отца, сварщика высочайшей квалификации, кавалера ордена «Знак Почета», участника множества водных переходов, в том числе через Дунай во время строительства газопровода СССР — Болгария. Надо ли удивляться, что после восьмилетки Саша, не раздумывая, пошел к нему в ученики. С тех пор и работают вместе.

Стык надо варить снаружи и изнутри трубы. И не придумано пока никаких приспособлений, чтобы с удобствами доставить сварщика в ее металличе-

ское жерло. И если от «входного отверстия» плети до шва двести метров, то двести метров эти надо проползти, извините, на карачках. Потому как, хоть и велик диаметр спускаемой под воду плети, но разогнуться человеку на 122 сантиметрах все же не удается. А Сашу, как говорится, бог ростом не обидел. И все же внутрь лезает, как правило, он. «Ты самый молодой, вот и давай, занимайся физзарядкой», — смеется его отец Николай Николаевич. Впрочем, кажется, это единственная «дискриминация», которой он подвергается на работе благодаря своему возрасту. Уважение и доверие к нему полное. И все же не могу удержаться от «каверзного» вопроса:

— Не тяжело ли под началом у родного отца работать, может, с чужими проще бы было?

Но ответ двадцатилетнего кандидата в асы электросварки тут же все ставит на свои места:

— А разве у нас здесь есть чужие? Мы все тут свои.

...Тем утром, когда сварщики, как обычно, варили очередной стык, водолазный бот, как обычно, отвалил от причала. Наш курс — к противоположному правому берегу. И, к месту сказать, в другую автономную республику. Крупнейшую реку Европы недаром называют рекой дружбы: для людей многих национальностей стала она Волгой-матушкой. И каждая стройка на ее берегах становится стройкой дружбы. Вот и на протягивании дюкера трудятся представители многих народов нашей страны. Конечно, вряд ли проектировщики экспортной магистрали Уренгой — Помары — Ужгород специально это предусматривали, но так уж получилось, что пересекает она Волгу совсем недалеко от того места, где сходятся границы сразу трех автономных республик России — Марийской, Чувашской и Татарской. И некогда в старину враждовавшие между собой народности Поволжья сегодня плечом к плечу прокладывают магистраль дружбы под рекою дружбы.

Путь в Чувашию нам преграждает растянувшийся, насколько глаз видит, остров. Но наш бот не ищет обходных путей, а уверенно направляется к самой его середине. Здесь, в створе линии дюкера, люди прорыли в острове более полукилометровой длины пролив, в который и ведут сейчас свое судно капитан-дублер Николай Конокоров и рулевой Борис Бутов.

Волжские горизонты подернуты легкой дымкой раннего утра. Неслышно выплывают из этой дымки степенные баржи, белоснежные пассажирские теплоходы, взметнувшиеся над водой «Метеоры». Даже пулеметное тархание мотора не может заглушить ощущения тишины, всегда появляющегося на середине большой реки. Редкое в эти дни солнышко, выглянув из-за облаков, желто-зеленой акварелью мягко прорисовывает очертания приближающегося берега.

Вот уже ясно виден отвоетанный у лесного кругогорья пятчочок, на котором установлена ярко-желтая лебедка с большой красной точкой в центре барабана, на который наматывается трос. Тут, на вырезанной в отвесной горе площадке, где работает горстка людей, ощущаешь себя участником десанта, выброшенного на необитаемую землю. Но вдруг откуда-то сверху по одному ему ведомой тропке спускается к нам пожилой человек из соседнего чувашского села. Пришел, говорит, посмотреть, что вы здесь делаете, как газопровод строите.

К тому утру барабан лебедки принял на себя уже максимально возможное количество троса. Предстояло смотать с барабана излишки и присоединить к нему новый конец стального каната. Все, что связано с тросом, будь это под водой или на берегу, — забота водолазов. Фаргат Шайдуллин четко отдает команды, расставляя людей по рабочим местам. Сам садится за рычаги трактора. Но стоило отвлечься, кажется, лишь

на минуту — и видишь его уже за рулем моторки, прямо-таки выпрыгивающей из воды: надо проверить место, куда трактор потащит уже использованный отрезок троса. Много забот у водолазного старшины, но, видимо, это только радуется Фаргата. Невозможно вспомнить его сидящим просто так. Уже потом, когда трос был «перезаряжен» в барабан лебедки и водолазный бот отошел от берега, когда появилась неизбежная вреде бы минута отдыха, я заметил, как Фаргат, наткнувшись глазами на швабру, которой дряют палубу, схватил ее, резко перегнувшись за борт, макнул в воду и стал до блеска отмывать свои резиновые сапоги. Практического смысла в этом занятии было не так уж и много — осенью за день такую процедуру надо повторять десятки раз, но так уж, видимо, сконструирован этот человек: ни на миг не может остаться без дела.

Теперь мы шли к едва различимому маленькому буйку — прыгающему на волнах коричневому металлическому бочонку. Под ним — лежащий на дне оголовок дюкера, та самая красная «пуля», протаскиваемая досюда за вчерашний день. Чтобы продолжить протаскивание, надо проверить, как улеглась труба в траншею, все ли в порядке там, под многотонной толщей воды.

Гремит якорная цепь. На мачте бота взвиваются два зеленых флага — идут подводно-технические работы.

Про шахтера поэт сказал: «Я работаю, как вельможа, — я работаю только лежа». Водолазы тоже не лишены «аристократических привилегий».

Сибиряк Александр Симбирев стоял на корме бота, привычно дожидаясь, пока товарищи закончат обряд его одевания. Шнурки на «ботинках» Саше завязывал заместитель начальника центральной лаборатории «Союзподводтрубопроводостроя» Михаил Клименко. Фаргат Шайдуллин внимательно проверял, как лежит «воротничок». Что ж, иначе в восьмидесятикилограммовые доспехи не облачишься!

Самый молодой из водолазной команды комсомолец Анас Хайруллин, успешный тем не менее уже поработать на двух протаскиваниях дюкера, шлепнул ладонью по медному шлему: «Пошел!» Рядом с зелеными флагами поднялся черный шар — водолаз под водой. Фаргат склоняется к переговорному устройству:

— Что видишь? Докладывай. Но слово «видишь» в подводном царстве имеет несколько другой смысл. («Как там видно? — переспросил меня потом Фаргат. — Как на земле с закрытыми глазами.») И Саша «видит» сейчас трубу руками. Но настолько хорошо изучен водолазами еще на берегу каждый выступ стального оголовка дюкера, что и в полной темноте загадок он не оставляет.

— Пуля в траншее, лежит хорошо, — слышится голос Симбирева.

А это значит, что можно двигать дальше тысячетонную, с каждым днем становящуюся все тяжелее нить.

...Восемь с половиной дней прошло с той команды: «Начать движение!» — до долгожданного сообщения с правого берега: «Пуля на берегу». По расчетам на это должно было уйти две недели. Специалисты, конечно, еще долго будут изучать все нюансы волжского перехода. Но уже можно сказать: установлен рекорд скорости протягивания дюкера.

Только не спешат подводники распространяться с гостеприимным марийским городком Звенигово. Обосновались они здесь всерьез и надолго. Нынешний дюкер — лишь первый из тех, что пройдут в этих местах. Следующим летом начнется прокладка второй подводной нитки экспортного газопровода Западной Сибири — Западной Европа. А потом на очереди еще десять дюкеров для газопроводов системы Западной Сибири — Центр.

Так что написанное на первой «пуле» приветствие «Здравствуй, Волга!» не потеряло своей актуальности.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Сергей АГАЛЬЦОВ,
учитель,
Красноводск

Перед дорогой

Моему маленькому другу
Саше Селянину, ученику
красноводской школы № 6

Вершины смутные полны покоя.
Седой утес: как страж глухих веков.
И если хочешь, можно здесь рукою
Коснуться проходящих облаков.
И мы сидим вдвоем; ведем беседу...
В твоём веселом солнечном краю.
Я грустен, друг мой?

...Скоро я уеду

К себе в Рязань, на родину свою.
Там все другое: светлый луг и поле...
Но, как святыню, ты люби свой край,
И среди этих гор на вольной воле,
Как птица пой,

как солнца луч, играй.

И если будущее в нашей власти,
Пусть радуют тебя и дождь и снег.
И ты люби земное наше счастье,
Как любит всякий добрый человек.

Иван БЛОХИН,
преподаватель,
Московская область

Теплый вечер,
Лежу у костра.
Пахнет вкусной ершовой ухой.
Не усну я теперь до утра.
Млечный Путь запылил над рекою.
И ни войн,

ни отравленных вод

И для радости поводов много.
Надо мной
Голубой небосвод...
Почему же на сердце тревога?

Виктор ВИШНЯК,
актер,
Москва

Глаза грачей
весной блестя влажно.
А жизнь, быть может, тем и хороша,
Что все первопричинно в ней и важно,
Как этих птиц ожившая душа.
Сады едва заметно шелестели
Подгнившей прошлогодней листвою,
И облака неистово летели
Среди машин по мокрой мостовой.

Игорь МЕЛАМЕД,
студент,
г. Львов

Сумерками ласково примятую,
Тишину у ног не опрокинь.
Крохотными, юркими цыплятами
В окнах суетятся огоньки.

А один, на тяжкий труд не сетуя,
Все стремится вышибить стекло
В мир, где месяц, добрый,
как наседка,
Обещает спрятать под крыло.

Александр ТОЧКИН,
монтажник,
Московская область

Речка Пенжина

На моторке по речке Пенжина,
Только радуга за кормой!
А на солках косынки снежные,
А над речкой июньский зной.
Здесь такое встречаешь запросто,
Удивляешься лишь потом,
Когда с ясного неба радостно
Захочет камчатский гром.
И на все на четыре стороны
Необъятный лежит простор.
Здесь по-своему жизнь построена:
Люди — золото, деньги — вздор!
Здесь живут по закону совести,
А иначе не может быть.
Не умеют лететь вполскорости,
Не умеют вполсилы жить!

Эдуард СУЕТИН,
инженер,
Новосибирск

Нелетная погода

В Сузуне дождь. Не прилетит АН-2.
На аэровокзале дверь закрыта.
На летном поле мокрая трава.
И с крыши набежало полкорыта.
Ушел кассир, накинув дождевик.
Намокшей хвоей пахнет все сильнее.
Представляю только, как ты ждешь,

на миг —

И в комнате гостиничной теплеет.
Завариваю крепкий черный чай,
Пью мелкими глотками,
чтоб согреться.
Оттаивает в глубине печаль
От этого проверенного средства.
В Сузуне дождь.
Не виноват АН-2,
Лишь красный лист
Летит над летным полем...
Я отдаю стихам все те слова,
Которые для встречи приготовил...

Юрий СВИЩЕВ,
инженер,
Москва

Я сделаю все,
чтобы сердце молчало.
Ни словом, ни жестом
не выдам его.

Чтоб ты никогда,
никогда не узнала.
И боль чтоб коснулась
меня одного.

Я сделаю все, чтобы ты не узнала,
Как мне тяжело
от тебя в стороне.
Чтоб ты никогда,
никогда

никогда не страдала,
Любовь моя будет
всегда лишь при мне.

Я сделаю все,
чтобы ты не страдала.
Уйду далеко, буду помнить о том,
Как редко ты взором
меня ожидала,
Мечтая все время о ком-то другом.

Владимир КОЧИАШВИЛИ,
хирург, доктор медицинских наук,
Москва

Колодец

Забросили колодец, забросали...
Зачем он, коли есть водопровод,
Ведь воду из него давно не брали
И досками зашили верхний ход.
Журавль его пустили на дровишки,
Ведро и цепь куда-то отнесли,
Лишь иногда играли

здесь мальчишки...

И тропки лопухами заросли.
И позабыли: чуть не два столетия
Своей прохладной чистою водой
Поил он всех, и в годы лихолетья
Журавль клонился гордой головой.
Но знаю я, что если, как горячкой,
Вдруг обожжет забывчивых беда,
Он оживет и влагою прозрачной
Всех оделит, как оделял всегда.

Елена НАУМОВА,
работница,
г. Киров

Вечерняя сказка

Окончен день, и в комнате моей
Проснулись вновь
таинственные тени.
Там по стене проносятся «олени»,
Там притаился кто-то у дверей.

Горит волшебным пламенем камин,
Я напряженно слушаю предметы.
Мне кажется, что все свои секреты
В минуты эти выскажут они.

И вот уже я слышу, у окна
Затрепетала еле слышно штора.
В ответ ей то ли шепот, то ли шорох,
Тяжелый вздох — и снова тишина.

Горит камин, и тени на стене
Отплясывают весело и дерзко.
...А кто-то плачет там,
за занавеской,
И Королева Снежная в окне.

Мне холодно становится в тепле,
Я чувствую, она уносит Кая.
Ее карета за окном взлетает,
И только след морозный на стекле...

Вдруг в мир моих таинственных теней
Врываюются непрошенные гости,
Галдят и удивляются: «Чего ж ты
Сидишь в такое время в полутьме?»

Я отвечаю шепотом тогда:
«Пожалуйста, не зажигайте света,
Не то большая снежная карета
Умчит от Герды Кая навсегда».

Игорь СЕЛЕЗНЕВ,
учитель,
Москва

В гору

Осталось до Ельца
не больше километра.
Крапивою глухой заросшие места.
От быстрой ли ходьбы,

от встречного ли ветра
Свистит в ушах моя любимая верста.
Здесь никого совсем,
но рядом — все, и в пору

Остановиться здесь
да и остаться здесь.
Любимая верста — моя дорога в гору.
Взойду на холм —
с него, увижу город весь.

Отсюда оглянусь —
уввижу, как я молод.
Здесь возраст мой!
Еще осталось мне овраг

Преодолеть — за ним
уже начнется город.
Любимая верста заплакала в ушах...

Геннадий КРЫЛАТЫЙ,
слесарь-сантехник,
Москва

Алдан

Далекий и суровый край, как та
Далекая туманность Андромеды...
В тайге плуствует золотой Алдан
По залежам гранита или меди.
Блестят в огне смолилки пихтача,
А пламя обжигает людям души.
Над самородком гордо здесь молчат,
Возвышенной не любят всякой чуши.
Размеренно уходят черпаки
За мерзлым грунтом в ледяную воду.
А все же есть на свете чудачки,
Что верят в златоносную породу...
О желтый привередливый металл,
Рассыпан в речках, точно зерна мака,
Скажи ты мне, как ты себя вогнал
В сердца вот этих

спящих по баракам?

Без трепета романтики — с тоской —
Они пришли на берега Алдана,
Где черный дождь,
где снег всегда сухой,
Где крепок чай из дымного тагана.
Пришли, чтоб вечно

разбудить в глуши,

В таежных, сонных дебрях Якутстана.
И растерять здесь золото души,
Что не сравнить
с металлом из Алдана.

Татьяна КАЙСАРОВА,
служащая,
Москва

Так медленно скользит река,
Песок на отмелях лоснится,
К воде припала сушеница,
Не смея сделать ни глотка.

Над лесом птицы поднялись,
Раскинулись прощальным кругом
И потянулись друг за другом,
Земле предпочитая высь.

А мне стоять на берегу —
Успокоенье и отрада,
И никуда лететь не надо —
С землей расстаться не могу!

Александр СУВОРИН,
инженер,
Москва

Повестка

От повестки не пахло порохом,
Только вздрогнуло сердце вдруг.
Мне судьба —

защищать все, что дорого,
И почувствовать вкус разлук.
Мне к лицу гимнастерка суровая:
Выдал мне ее старшина.
Мне судьба — сделать все,
чтобы новая
Не пришла к нам в страну война.

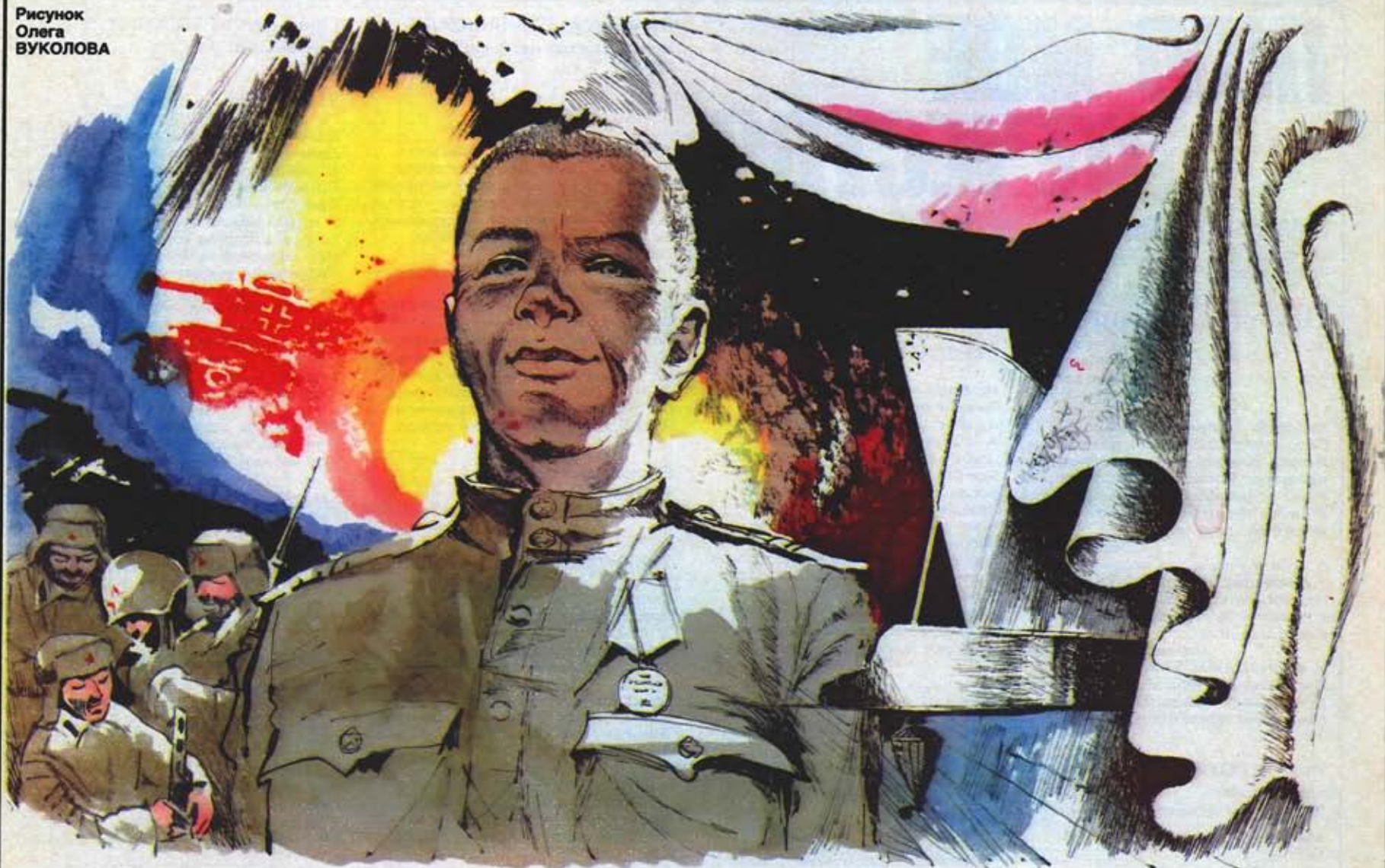
Юрий КИРИЛЛОВ,
военнослужащий,
Н-ская часть

Земля, ты отдыхаешь?
Все бело...
На белый снег ступив ногою смело,
Я ощущаю вдруг твоё тепло
Под елью голубой, заиндевелой.
Окрепший наст простуженно скрипит.
Поземки хаотичное движенье...
Как будто все живое крепко спит,
Но чувствует земное притяженье.

Рисунок
Олега
ВУКОЛОВА

КОНЦЕРТ ЛУЧШИМИ АР

Лев ДАНИЛОВ

РАССКАЗ

Если бы меня спросили, имел ли я близких друзей среди гениев (не тех — хрестоматийных, недостижимо отдаленных от всех, а земных, похожих на нас), я уверенно ответил бы: имел. Один был — точно! — гений. Я был с ним запросто — «на ты» и за руку. Мы с ним курили один «бычок» моршанской на двоих и в одном котелке над сильным пламенем горящего тротила из противотанковой гранаты варили пшеничный концентрат...

Его звали Валентин Балакирев. Он был сержантом и заведовал солдатским клубом в нашей воздушно-десантной бригаде. А гением назвал Балакирева начальника пищеблока старшина Яремко. Заслуженно назвал — после концерта, организованного Валькой для личного состава нашей бригады перед отправкой на фронт в декабре сорок четвертого. Павло Яремко от концерта был в совершеннейшем восторге. Он говорил: «Вот эт-то дали по искусству — будь здоров! Ну, просто гала-представление... Других слов нету. Не забыть до смерти...»

Конечно же, не мог быть рядовым концерт, в котором участвовали Барсова, Обухова, Качалов, Тамара Церетели, Изабелла Юрьева, шпаглотатель Арзамасский, Хенкин и конференсье Гаркави. Но о концерте чуть позже...

Служили мы с Валькой в ВДВ — войсках воздушного десанта. В войну они считались силами резерва Верховного Главного Командования, или, как сокращенно говорили, РГК. В резервах этих, кроме нас, парашютистов, находились еще и «эресовцы», летчики, танкисты, самоходчики и пушкари больших калибров. Служить в РГК совсем не означало быть вдаль от войны. Не тот это резерв, который укрывали от военных ураганов за Уральскими горами или сохраняли от беды и смерти в глубине Сибири. Другим был признак избранности этих войск. РГК — свежая ударная сила — всегда вводились на направления главных ударов и были, как правило, острее этих направлений. Ими закрывали

прорывы, производили прорывы, их бросали в любое пекло — ставить восклицательные знаки на войне. По окончании решающих сражений остатки от резервов отводили в тыл — на пополнение и новую учебу. В любой следующий момент они должны были быть готовыми по первому зову вновь оказаться в пекле, на прорыве, на направлении следующего главного удара...

Готовность номер один означала — каждая минута заполнена делами, похожими на войну. Спали лишь по пять, по шесть часов. Совершали марш-броски гвардейским шагом — девять километров в час, форсировали реки и болота — сейчас я даже и не упомяну всех названий речек, рек, речушек. Осталось ощущение, что в то время на земле болот было больше, чем сейчас, и холодней была вода, и тина гуще, и земля потверже и потяжелей, и склоны у оврагов резче круче. Порою было так невыносимо трудно, что фронт, который был до этого, совсем недавно, например, Карельский, мы вспоминали, в общем, далеко не худшими словами. Уматывались так, что еле-еле добирались до своих землянок и в сон проваливались, как в чернила довоенной густоты. А утром — снова марш-бросок, рытье окопов для орудий в полный профиль, стрелковых ячеек в полный рост, прыжки с парашютом...

Приземлялись мы на пашню бывшего колхоза «Пролетарский луч». Правда, уже несколько лет плуги не касались этих полей, и земля превращалась в залежь и целину. Снова поднимать ее пока было некому — колхозников в «Пролетарском луче» осталось десять человек: три бабы, шестеро детишек да председатель, инвалид войны с пустой штаниной и без глаза. И имущества в «Пролетарском луче» всего-то числилось: Грамота на вечное владение землей, печать правления и трактор «ЧТЗ» без гусениц...

На пашню прыгались легко. Но кидали нас и на лес, на камни, пни, бурелом с полутора-двух тысяч метров. Приказ был прыгать всем. Всех вывозили в воздух. Все прыгали: и повара, и старички старшины складов ПФС, артмастера, оркестр, штабисты, ординарцы, писари и водители... Не прыгал только Валька Балакирев. Нет, он не трусил, не боялся, не филонил, не скрывался от прыжков. Трусости в нем я не замечал. Однажды мы прыгали вместе, и никаких следов растерянности не было ни в его лице, ни в действиях. Валька прыгнул тогда в первый раз и после этого больше на аэродроме не появлялся. У него просто не было времени прыгать. Он был занят культмассовой работой — ездил в Москву

за книгами и сборниками новых песен, привозил костюмы и парики для постановок, добывал краску для стендов об успехах личного состава в боевой и политической подготовке. Он говорил, что жизнь по линии искусства ни на минуту не должна прерываться. И доставал такие звуковые художественные кинокартины, которые через обычную фильмопроводящую сеть никто достать не смог бы. Привозил очередную киноленту, показывал ее вечером, а ночью уезжал обратно, чтобы вернуть коробки вовремя.

Когда выяснилось, что Балакирев прыгнул с парашютом всего однажды, гвардии капитан Свитанков, замполит батальона, сказал про него: «Разгильдяй! Ко мне его, когда вернется!»

Но в тот раз Валька привез «Веселых ребят», и капитан Свитанков сменил гнев на милость. Правда, для порядка спросил:

— Что? Продолжаете разгильдяичить, сержант?!

— Нет, не продолжаю! — ответил Валька Балакирев. Он стоял перед замполитом подтянутый, заправленный и аккуратный. — Работаю по линии искусства для личного состава. Вот, привожу кинокартины.

— А можете достать... «Мы из Кронштадта»?

— Могу! Конечно же, достану...

На следующий день действительно привез. И Свитанков наперед решил так: — Ладно, пусть продолжает работать по линии искусства. Но чтоб прыжки мне подогнать!

И Валька ездил в Москву, доставал все-все-все, что нужно. Он говорил, что у него есть такие знакомства, которые никому и не снились...

Как-то почти под самый Новый, сорок четвертый год замполит Свитанков вызвал Балакирева и произнес внушительно:

— Есть такое мнение...

Валька стоял по стойке «смирно».

— Грядут события, — сказал капитан значительным тоном (то есть басом, негромко, с большими паузами не только между словами, но, казалось, и между буквами, составляющими эти слова), глядя при этом куда-то мимо Вальки. — И необходимо поднять дух людей. Нужно организовать концерт. Ясна задача? Понял?

— Все понял! Ясно, товарищ гвардии капитан!

— И чтоб прыжки мне подогнать!

— А Изабеллу Юрьеву — как, пригласить?

Для капитана Свитанкова цыганские романсы и старинные таборные песни были крайней художественной радостью, и, естественно, он ответил:

— Какой здесь может быть вопрос? Здесь двух вопросов быть не может!

Но тут же прибавил:

— Чтоб в концерте была видна и политическая направленность. Чтоб юмор также был, веселье и сатира против Гитлера с его человеконенавистнической теорией. Высокая политическая направленность, понятно?! Перед фронтом ребята должны зарядиться великой силой искусства. А сделать это могут только лучшие артистические силы... Действуйте!

Гвардии сержант В. А. Балакирев получил сухой паек и отбыл к вечернему поезду на разезд 143 для выполнения боевого задания. Все задания на войне и около войны были, естественно, только боевыми...

Трудными для обработки в списке артистов, которых желательно было, по мнению Вальки, пригласить в концерт, предвиделись четверо или пятеро. Остальные крепостями не казались. Но — счастье! — с этими четырьмя-пятью

Эстрадная певица сказала Вальке, что в ту пятницу у нее концерт в эвакогоспитале № 1369 и поэтому она не сумеет быть на выступлении в их бригаде. Но Валька ответил ей, что появиться в части без нее он не может, потому что там люди уходят на смерть и им очень нужен романс «Очи черные». Этот романс придаст людям силы, и они без страха пойдут вперед на разгром врага.

— Но концерт для раненых?!

— Он тоже состоится. А лишний концерт — весомый вклад в победу.

— Много приходится выступать, а это так внепланово...

Но Валька сказал ей, что война — в общем-то совсем внеплановое мероприятие.

Еще Валька сказал певице:

— Я был счастлив познакомиться с вами. Такое удовольствие — слышать вас, а еще большее — видеть...

Певица протянула Вальке руку. Он сообразил, что дамы так протягивают руки не для гвардейского рукопожатия. Он взял теплую ладошку в свои пальцы, попытавшись при этом щелкнуть каблучками (разношенные кирзачи со стоптанными, смятыми задниками эффекта щелканья со звоном шпор не произвели). Но оба — воспитанная женщина и сержант — все равно услышали щелк ботфортов со шпорами. И, стараясь не дышать — махорка хоть и моршанская, но все же не «Золотое руно», дух от нее тяжелый и не всякий его вынесет, — бравый сержант поцеловал ей руку. Певица притянула к себе Валькину голову и прикоснулась губами к его стриженному «под ноль» пятьдесят восьмому размеру шапки, пилотки и противогаза...

Концерт состоялся в столовой батальона — сразу после каши и горячего чая. Столовая эта была даже не земляной, а громадной ямой, над которой перекрещивались бревна с наваленным на них дерновым покрытием. В ней было темно и сыро от теплого пара кухонных котлов...

Замполит сказал: «Чтоб мне без «бисов»! Народные артисты устали».

Все было замечательно: и зал битком набит, конференсье во фраке, и выступавших больше чем достаточно. Валька постарался, чтобы концерт стал праздником искусства — ведь было сказано-приказано: лучшими артистическими силами. Да, кстати, всем приглашенным Валька говорил, чтобы они захватывали на этот концерт своих свободных в этот день друзей-артистов. (Валька делал поправку на жизнь: кто-то опоздает, кто-то заболел или еще что-то, в общем, как всегда...)

Бушевала на сцене великая сила искусства. А батальон... Спал тихо. Не храпел. Приучен был личный состав не демаскировать себя звуками — это тоже входило в боевую подготовку. Спали люди, не сопя и не ваяясь на бок, на плечи соседей, не клонясь вперед — на спины сидящих перед ними. Только, будто по негласной договоренности, будили друг друга по очереди — чтоб артистов не обидеть и чтоб было кому рассказать потом о том или ином номере концерта.

Комбат не спал, и замполит не спал. Начальник пищеблока старшина Павло Яремко тоже не спал. Он первым после окончания каждого номера хлопал в свои широкие сильные ладони. И тогда батальон просыпался, отзываясь на аплодисменты.

А на сцену выходили все новые и новые артисты и пели, и плясали, и показывали фокусы, а люди спали... И Валька спал, сидя в проходе. Он мог не смотреть концерт — он знал, кого приглашал и что каждый из приглашенных мог принести и дать людям. Мог послать: он выполнил боевое задание.

ТИСТИЧЕСКИМИ СИЛАМИ

все оказалось просто и нехлопотно... Комик-пародист, актер театра и кино согласился сразу.

Перед знаменитостью из драмы, заслуженным артистом, Валька изобразил трепетность, восторг и немоту. Он знал: великие не могут отказывать. Он вошел в храм. Он сказал, смущаясь и не находя слов в присутствии такой известной величины: вот, мол, какое... значит, дело... хотелось бы... вы — гвоздь программы... мы в бой идем...

Еще Валька говорил что-то про театр одного актера, о каких-то довоенных своих прекрасных впечатлениях от спектаклей с участием знаменитости...

Актер действительно был славным исполнителем. Но в Валькиных словах имелось преувеличение. Он чувствовал, что говорит несколько пышно. Но Валька должен был выполнить боевую задачу и поэтому бил наверняка. Он умел уговаривать людей...

Напоследок знаменитый артист неожиданно сказал:

— Приходите ко мне в училище. Я возьму вас на актерский факультет. Сделаю актером...

А Валька — что он мог ответить?

— Сейчас идти в актеры не могу... Потом, после войны... Спасибо, конечно, может быть, приду...

Балерины Улановой в Москве не оказалось. Была Уланова не то эвакуирована с ГАБТом куда-то в Куйбышев или Новосибирск, не то гастролировала где-то в Перми или Алма-Ате...

— Может быть, что-то нужно передать ей? — спросили Вальку.

— Нет, ничего. Я хотел пригласить ее на концерт.

— Ее нет.

— Да, понимаю... Но какой концерт без танцевального номера?

Тут Валька сказал, что есть интересная начинающая балерина — не то в самом Большом театре, не то в хореографическом училище при нем. Совсем девочка... Вот только как ее фамилия? Кончается не то на «...ская», не то на «...цкая». Не Уланова, правда, но ведь Уланова — одна.

Молодую балерину с фамилией, что оканчивалась на «...ская» или на «...цкая», Валька не нашел. Он и запомнить ее не успел. И как в конце концов звучала эта фамилия полностью, узнать ему было не дано.

Павло Яремко говорил потом:

— Такой концерт проспали, обормоты! Ну чисто идиёты... Да что вам толковать — вас даже искусством не примешь! Вам только покемарить втихую... Ох, и концерт был — не забыть до смерти! — Голос у Яремко был укоряющий и грустный.

Судьба не отпустила много времени Павлу Яремко на долгие воспоминания об этом празднике искусства: в последнем феврале войны старшина погиб на Первом Прибалтийском фронте. К этому времени все соединения воздушно-десантных войск перевели в наземные дивизии, десантных операций на той войне, видно, больше не планировалось, и стали мы уже не крылатой, а простой пехотой...

Я думаю, что из Вальки Балакирева мог бы получиться большой театральный деятель. Мог, да вот не получился. Погиб сержант на Балатоне. А было это в феврале, метель тротилом пахла... Сейчас легко сказать — конец войны, великий перелом и праздник рядом с нашей улицей. А сколько жизни взяли те последние недели? Смерть одинакова и в первый миг войны, и в середине, и в конце...

Смертельно раненного Вальку раздавил танк «тигр», вползший в расположение орудийной батареи, там, на курортном балатонском берегу. Ничего от парня не осталось. Только серебро медали «За боевые заслуги» сохранило тусклый блеск в твердоспесованном месиве из крови, глины и лоскутьев зеленой диагоналевой гимнастерки. Валька умел доставать себе шерстяное обмундирование. И носил его, хотя нам было положено только лишь х/б... Похоронили его в одной могиле с гвардии капитаном Свитанковым. Свитанков подорвал тот «тигр» гранатой. И эта же граната убила самого капитана. Между человеком и железом было пять метров, а противотанковая граната — восемьсот граммов тротила — обладала жуткой силой... А много ли в конце концов нужно человеку? Ой, как немного...

Да-а... Было это в феврале — на празднике РККА, последнем в ту войну.

Потом был март...

Апрель...

И май.

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета Дружбы и подвига»

Герой
для
подражания

СЧАСТЛИВАЯ

Славная когорта зачинателей социалистического соревнования в нашей стране знает имена Стаханова, Изотова, Кривоноса, Виноградовых... К этой когорте принадлежит и имя горьковского кузнеца Бусыгина. О том, как состоялась рабочая судьба Героя Социалистического Труда Александра Бусыгина, вы прочтете в предлагаемой повести.

Мы не случайно обращаемся к жизненному опыту знатного рабочего в год 60-летия СССР. Его нравственная и профессиональная закалка, его рабочий характер интересны, на наш взгляд, всем тем, кто сегодня, в 80-х годах, творит свое рабочее дело, воплощает в жизнь планы XI пятилетки. Особенно поучителен этот опыт для молодых. На XIX съезде ВЛКСМ среди других вымпелов лучшим комсомольским организациям профтехучилищ страны, победителям эстафеты ударных дел в честь XIX съезда комсомола, был вручен и переходящий вымпел имени Александра Бусыгина.

Мы обращаемся к читателям с просьбой рассказать, как работают они сами, в чем видят схожесть в атмосфере труда тех лет и нынешним временем. Думаем, что отклики читателей будут интересны и самому Александру Харитоновичу Бусыгину, который здравствует и живет в городе Горьком на улице Бусыгина. Этой публикацией «Смена» открывает новую рубрику — «Герой для подражания».

найдем чайную, горяченького хлебом и сразу в отдел кадров.

— Какой такой отдел кадров? — удивился Сашка. — Мы ведь с тобой на стройку шли. Нам бы десятника найти.

— Эх, ты, деревня! — усмехнулся Иван.

В отделе кадров строящегося автозавода их встретил пожилой седой человек. Спросив, откуда пришли, что умеют делать, он написал какую-то записку и сунул ее Сашке.

— Можешь на работу хоть сегодня становиться. Иди на площадку строительства, ищи Фомина. Раз топор в руках держат умеешь, будешь работать в бригаде плотников. Парень ты ладный, может, и будет с тебя толк. Иди!

— А дядя Ваня?

— С ним у нас другой разговор, — сказал строго седой человек. — Твоему дяде Ване мы другую работу найдем.

...Сашка шел по жидкой грязи. Мимо него тянулись по разбитой колее повозки с бочками бетона, лошади тяжело переставляли ноги. Навстречу ему так же натужно двигались телеги с бочками, полными краски, иные волокли за собой металлические балки... Кругом шум, гам. Кричали возчики, гудели паровозики, ржали лошади... Совсем голова пошла у парня кругом. «Здесь и пропасть недолго, — думал он. — Может, и не надо мне было из деревни трогаться?»

Он крепко сжал в кулаке бумажку, которую ему дали в отделе кадров.

Однако Фомин оказался мужиком славным. Ничего не спрашивая, сунув Сашке в руки американский топор, сказал:

— Становись рядом вон с тем стариком. Родионовым его кличут. Он тебе покажет, что делать.

Так 12 октября 1930 года восемнадцатилетний крестьянский парень Александр Бусыгин из деревни Заветлужье стал рабочим строящегося автомобильного завода в Нижнем Новгороде.

Первая ночь в общежитии, хоть и устал до крайности, прошла без сна.

Смотрел Сашка на белый потолок общежития, на окна, занавешенные белыми занавесками, ворочался с открытыми глазами на непривычной после деревенских полатей койке. Впервые он лежал на белой простыне, и боязно ему было: «Вот испачкаю, помню, а потом попадет от начальства»... И наволочка белая на подушке смущала. Слушал Сашка, как дышат во сне такие же, как он, работяги, а сам видел родную избу: печь, в углу стол, выскобленный добела женскими руками, полати... Повернется сосед на кровати, скрипнет она, а Сашке чудится — телок за печкой шевелится, поросенок повизгивает... И все слышится голос молоденькой жены Насти: «На кого же ты меня покидаешь, Санечка!»

...Плотники толпились у большой доски, прибитой к столбу посреди участка. Сашка пробрался к самой доске и с удивлением увидел, что на ней столбиком записаны фамилии плотников, в том числе и его, а рядом с фамилиями проставлены цифры с ноликами. Что означали эти цифры, Александр не понял, а потому, посмотрев на них и

пожав плечами, стал протискиваться назад. Но в это время плотники расступились, и к доске медленно подошел Фомин. Посмотрел на доску, пожевал губами, плюнул себе под ноги и пошел обратно. Вот тут-то он и столкнулся лицом к лицу с Сашкой и смуро бросил:

— Вот так, Бусыгин, неважно у тебя обстоят дела...

Сказал и прошел мимо, не оглядываясь. А Сашка как стоял, так и замер. В чем дело? Что такое про него на доске написано?

Вернулся. Действительно, против всех фамилий цифры какие-то проставлены. Правда, у него, Сашки, вроде поменьше, чем у других. У кого — 89, даже 92, а у него — 56. Но что означают эти цифры, совсем непонятно. Спросить боязно. Да и все уже разошлись по своим рабочим местам. Только остались он и Родионов. Старик молча сигарку крутит да на Сашку поглядывает.

— Дядя Родионов, чего тут понаписали?

Спросил и замолчал, а сам глазами так и впился в Родионова.

— Да ты не дрейфь, деревня. — Старик неожиданно хлопнул Сашку по плечу: — И другие ненамного тебя обскакали!

— Как это обскакали? — В голосе парня звучало такое искреннее удивление, что Родионов даже прикуривать перестал.

— Ты что, и вправду не понимаешь?

— А чего понимать?

— Так ведь это доска соревнования называется. На ней теперь каждый день будут писать, кто сколько выработал. Кто больше — тому почет, кто меньше — тому по загревку. Да ты не бойся, парень, я пошутил, это только так говорится, тому, кто не поспевает, помогать станут...

У Сашки задрожал подбородок. Он ничего не понял, кроме того, что его работой недоволен из-за цифр, которые кто-то написал мелом на доске. Может, их стереть? Чтобы и не было видно?

— Кому какое дело, как я работаю?

— Всем дело, — наставительно сказал Родионов. — Глуп ты еще, хоть и вымахал во куда!

Так ничего в тот день и не поняв, Сашка на всякий случай стал быстрее стучать топором, поменьше отдыхать и раздумывать о своей деревне.

На следующее утро он раньше всех подбежал к доске. Правду говорил Родионов, сегодня против его фамилии были написаны другие цифры. Не 56, как вчера, а 62 и еще нолики через палочку. «Вот удивительно, — подумал Сашка, — как же и кто это вычитывает?»

Теперь каждое утро, приходя на участок, Сашка прежде всего шел к доске и внимательно изучал ее. Цифры менялись, но все равно Фомин хмурился, Родионов вздыхал, а молодые плотники шумно требовали каких-то материалов. Сашка в эти споры не вникал. Но когда в день первой зарплаты получил деньги и смог отправить своей Насте целых пятьдесят рублей, рад был несказанно.

Однако радость его продолжалась недолго. Через три дня к ним на участок комсомольцы притащили

Рабочая повесть «Смены»

Елена МИКУЛИНА

ПУТЬ В НЕВЕДОМОЕ

Стемнело рано. И очень скоро Сашка потерял из виду своего спутника. Иван словно бы растворился в темноте. Вот только что был рядом, укоряюще бормотал: «Не кисни, парень, держи ухо востро, не отставай», — и вот уже нет его.

— Иван! И-ва-а-и!

Темнота откликнулась Ивановым голосом, и Сашка снова двинулся вперед, нащупывая босыми ногами (сапоги он нес за плечами) проезжую колею. И вдруг наткнулся на спину Ивана.

— Чтой-то, кажется, не туда мы идем, парень, — сказал Иван. — Кончилась дорога. Неужто заплутали?

И тут где-то сбоку мелькнул огонек.

— Гляди, — крикнул Сашка, — светит!

Избушка, к которой они дошли, была маленькая, приземистая. Но сколько ни стучали Иван и Сашка в запертую дверь, никто не откликнулся.

И опять шагал Сашка в ночи, теперь не отставая от земляка, шагал через силу, словно бы в полудреме, потому как был в пути с самого утра. Время от времени то впереди, то с боков вспыхивали огоньки, но Иван строго говорил: «Это болотные огни, надо в сторону от них держаться, парень, не ровен час провалимся в болото, иди прямо, по сторонам не гляди! Скоро рассветет»... Подбадривал: «Нам бы с тобой только до Урени дойти, а там хорошая, широкая дорога». До долгожданной Урени Сашка с Иваном добрались, когда небо посветлело и сквозь тучи стало проглядывать солнце. А в деревню Монастырку под городом Нижним Новгородом пришли только к полудню. От усталости и голода Сашку с ног валило. Хотелось лечь прямо на землю, пожевать краюху хлеба и... заснуть. Но земляк Иван решил по-иному.

— Перво-наперво, — сказал он, — давай ноги в какой-нибудь луже вымоем и сапоги наденем. Затем

ПОДКОВА

рогожное знамя. Прибили его на стене строящейся поликлиники, и оно трепыхалось на ветру, заслоняя солнце. Вся бригада приуныла. Сашку, когда он увидел рогожу, словно бы током в сердце ударило. Вот это позор! У других бригад на ветру, словно огонек, красные флажки польхают, а у них — рогожа! И показалось Сашке — плюнули ему в лицо и, сколько ни вытирай тот плевок, не стереть. Хмурый был и Родионов, и Сашке казалось, что вся вина лежит на нем, что это его маленькие цифры сотворили такое ужасное дело — довели бригаду до позорного рогожного знамени. После работы он остановил Родионова, сказал, потупив голову:

— Поговорить мне надобно...

— Ну, говори.

— Не гожусь я, как видно, в плотники. Может, мне назад, в деревню податься? Чем такой позор через меня терпеть всей бригаде, лучше я один уйду и стану бедовать...

— Ишь, — обозлился Родионов, — быстро ты сник! Нет, милый, ты послушай меня, старика. Нос вешать тебе не к лицу. У тебя ведь силы много. А отстаешь от других потому, что топором машешь часто зря. Ловкости у тебя маловато. Ты как-то без внимания к другим работаешь. Не приглядываешься. Давай-ка я тебя к Василию приставлю, он мужик очень исправный...

— Не надо меня к Василию, — опустил голову, сказал Сашка. — Вам же будет совестно, будто вы не можете научить. Вы лучше останьтесь со мной и покажите, как надо работать. У вас все время цифры большие высказывают на доске...

Так и порешили. Теперь каждый вечер после окончания работы Родионов оставался еще на часок на стройке и показывал Сашке свои приемы работы. К следующему подведению итогов социалистического соревнования бригада десятника Фомина получила право сорвать рогожное позорное знамя, а против фамилии Александра Бусыгина на доске соревнования стала круглая цифра «100».

Словно гора спала с плеч Сашки. После работы он шел по стройке свободным шагом, распрямив плечи. Приглядывался. А приглядываться было к чему.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Сашка проснулся внезапно. В дверь общежития кто-то сильно стучал.

— Пожар! Пожар! Вставайте!..

Общежитие строителей, еще несколько минут назад заполненное мирным дыханием спящих, вдруг приобрело сходство с растревоженным ульем. Наспех одеваясь, люди бросались к выходу.

Окна общежития атели далеким заревом. Со всех сторон к пожарнице бежали люди. Побежал за ними и Сашка. Горела только что-то отстроенная часть нового промышленного корпуса. Пожарные машины, машины с песком, грузовики с цистернами воды, люди в касках пожарников и просто в шапках, а то и с непокрытыми головами бросались в огонь, расшвыривая деревянную, уже тлевшую опалубку, баграми оттаскивали подальше штабеля досок...

Сашка уже кинулся в самую гущу, прорвавшись через охрану, но тут его схватил за плечо Родионов.

— Куда? Стой! Не суйся зря, лучше давай шланги подтаскивай, видишь, пожарники замучились...

Он подтаскивал шланги. Схватив у какого-то отдухавшего строителя лопату, перебрался из грузовика поближе к зданию песок, что-то кричал bestолково и снова кидался к шлангам.

К утру пожар был потушен. Здание стояло черное, обнаженное, словно крест на погосте. Площадка опустела. Размазывая по мокрому не то от слез, не то от пота лицу сажу, Сашка медленно побрел к общежитию. Пора было собираться на работу.

Хмуро, молча работали в тот день плотники. Во время обеденного перерыва, когда все уселись на бревнах и стали перекусывать кто чем успел в суматохе застались, Сашка, подсев к Родионову, тихо спросил:

— Дед, а как загорелось-то? Ведь убыток большой? Чего же глядели? А?

Родионов, молча крутя сигарку, из-под лохматых бровей поглядывал на окружающих. Закурив, долго кашлял и только потом, повернувшись к Сашке, сказал словно бы обиженно:

— Глуп ты еще, Сашка. Мало в жизни видел. Ну, что ты видел, скажи? Деревню свою, нужду, строгость отцовскую... Ты ведь хозяином в своей деревне еще не был. Гол, как сокол, никакого имущества еще не имел. Вот тебе и непонятно, как жаль человеку со своим нажитым добром расставаться...

И остался Сашка со своими вопросами. И всякий раз, когда по стройке проходил слухок, что арестовали какого-то поджигателя или злоумышленника, который проколот в гараже у грузовиков шины, Сашка только диву давался. Значит, живут с ними рядом люди, вместе со всеми на работу ходят, вместе со всеми хлеб-соль едят, а за пазухой держат камень и, когда улучат момент, тот камень пускают в дело.

Что говорить, трудностей в жизни строителей автозавода было немало. И неполадок хватало, машин не было, все больше ручной труд применялся. Но по-разному говорили об этих неполадках люди. Одни — с болью в душе, с желанием исправить, добиться лучшего, другие — с ненавистью и злорадством. Очень скоро Сашка научился различать эти «голоса», но возражать не решался, да и не умел он тогда выразить все, что его смущало.

И все же тянуло его не к тем, кто стремился только к одному — заработать побольше, отослать в деревню, а потом и самому уйти со стройки. Нравилась ему ребятня из стройбуча. Были среди них грамотные: читали газеты, спорили, гордились, что строят автомобильный гигант.

Ноябрь и декабрь 1930 года на стройке объявили месяцами большевистского штурма. Почти на каждом участке появились ударные бригады. Но громче всех звучали имена бригадиров Переходникова, Чулкина, Алексева, Лукьянова.

Гриша Переходников пришел на стройку с завода «Двигатель революции». По специальности слесарь, он на Автострое возглавил двадцатку комсомольцев, направленных в Гавань, на реке Оке, куда шли баржи со строительными материалами. Баржи прибывали вереницами, и двадцатка комсомольцев под началом Гриши Переходникова не успевала их разгружать.

Чтобы не тратить время на дорогу, Гриша Переходников разбил на берегу Оки палатки, там спали, там обедали, там отдыхали ребята. А завод торопил: давай цемент, давай кирпич, давай шпалы!..

Когда прибыл новый караван баржей с гравием, Гриша разослал своих ребят по рабочим общежитиям.

— Просите народ помочь!

Сашка словно бы ждал этого момента. Стоило посланцу Переходникова зайти к ним в барак и крикнуть: «Кто поможет? Баржи стоят неразгруженные. Гравия на стройке уже несколько дней нет!» — как Сашка первым вскопился с койки и стал одеваться. За ним вскопился младший сын Родионова, поднялись и другие.

Выбежали из барака, а на улице темень, хоть глаз коли. Сашка догадался первый, наматал паклю на палку, окунул в бочку солярки и зажег факел. За ним и другие. Более восьмисот человек с факелами зашагали в ночь, прорубая светом темноту.

...Сердито плескалась Ока. На небе ни звездочки. Облака низкие, сплошные. Ветер с ног сшибает, так и рвет, так и рвет...

Но Сашка, затянув на ватнике пояс покрепче,

поплевав на ладони, принялся за дело. Залезали лопаты, закричали сходни под тяжестью людей, толкавших впереди себя тачки с гравием, тащивших мешки и ящики.

Через несколько дней, услышав, что ищут добровольцев поработать в двухстах сорока километрах от Нижнего, в городке Плесе, где добывали тот самый гравий, который он грузил в Гавани, Сашка отпросился у Фомина.

— И чего тебе не работаете спокойно? — удивился тот. — Там, парень, в этом Плесе, не сладко.

— Ну и пусть, — нахмурился Сашка, — а мне охота. Отпустите! Всего ведь на неделю...

В Плесе и вправду было трудно. Разбили комсомольцев по сменам. В каждой — четырнадцать человек. Землечерпалка работала круглые сутки. Надо было успевать за ней и загружать без перебоев подающиеся баржи.

Без устали, как муравей, сновал Сашка с тяжелой тачкой по сходням — на берег и обратно.

Через неделю в Плес прибыла смена, и Сашка со своей бригадой вернулся на стройку. Думал: приду в общежитие, схожу в баню и залягу спать до самого утра. А утром скажу Фомину:

— Ну вот, ты пугал меня — тяжело. Ничего не тяжело, очень даже интересно было...

И как же был Сашка удивлен, когда, вернувшись из Плева, увидел, что их встречает толпа строителей. Им улыбались, их поздравляли, даже фотографировали. Называли молодцами героями...

На сердце было до того радостно, что хоть сейчас бы обратно в Плес и вместо бани и чистой кровати в общежитии опять за тачку — и по сходням...

Сашка продолжал работать в плотницкой бригаде.

За минувший год он окончил курсы по ликвидации неграмотности и теперь писал своей Насте письма сам. Но письма были короткие и какие-то туманные. На вопросы Насти: «Когда ждать до-мой?» — ответа не давал.

Никому не рассказывал Сашка о своих сомнениях, не делился мыслями. Как жизнь свою строить дальше, не знал. Опять в деревню? Или вместе со стариком Родионовым, когда закончатся плотницкие работы на стройке, податься на новую стройку? Так с сумой за плечами, с инструментом и кочевать по стране?

Невеселые мысли. Томили они Сашку, а делиться ими не хотел. Кому интересно, думал он, самому надо разобраться. Но однажды в выходной день на берегу Оки Родионов спросил:

— Так что же ты надумал, парень?

— А что?

— Дурачком не прикидывайся. Вижу, как маешься, вокруг машин в новом цеху ходишь, словно кот возле кринки с молоком. Мой совет тебе — к заводу прибывайся. Как я понимаю, будет из тебя заводской рабочий.

Сашка смущенно пересыпал из ладони в ладонь песок. На Родионова не смотрел.

Тонко и пронзительно разрезал тишину гудок буксира. И старик и молодой поглядывали на реку. Медленно проплывал мимо них длинный караван груженых барж, маленький буксир, напрягаясь, бодро тащил их против течения.

— Вот гляди, Сашка, — указал пальцем Родионов на реку. — Тебе надо найти буксир, чтобы выйти на правильную дорогу. Понял, браток? Может, потом и сам буксиром станешь.

Разговор не выходил из головы Сашки. Решил он проситься на работу в кузницу. Думал: «Хоть и смеется Родионов, а в деревенской кузне я все-таки работал. Дело знакомое. Пусть там горн поменьше, но все равно — горн. Скорее выучусь».

Однако, когда первый раз зашел в кузнечный цех автозавода и вместо обычного горна, мехов — чтобы огонь раздувать — и кувалды, которой в деревне кузнец работал, увидел огромные молоты и нагревательные печи, понял: все нужно начинать сначала.

Поставили его в кузне смазчиком. Дали в руки масленку. Ходи и смазывай машины. Нехитрое дело, его и ребенок выполнит.

День ходил Сашка с масленкой, неделю, и... заскучал. Тянет его к молоту, и все. Как только свободная минутка выдастся, станет возле молота и смотрит-любуется, как тот работает. Так и застынет, пока мастер крикнет на весь цех:

— Сашка, Бусыгин! Где ты пропадаешь?!

В это время в кузнечном цехе, как и в других, начали создаваться кружки технических знаний. Сашка тоже записался. Стал понемногу разбираться что к чему и один раз так осмелел, что попросил у кузнеца: «Дай немного поработать!» Сначала ему отказывали, потом привыкли и стали пускать на свое рабочее место минут на пять — десять. Да еще скажут одобрительно: «Учись, парень, если желанье есть». Поправят: «Не так схватил поковку, выше, выше держи! Не на базаре курицу продаешь! Быстрее переворачивай! Огонь чувствуй!»

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Никому не рассказывал Сашка о своих записках и никому не показывал заветную тетрадку, в которую корявым почерком заносил наблюдения за работой кузнецов. Зачем он вел эти записки, он и сам не знал. Ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он сможет применить их в деле. Но так уж получалось. Сам-то он за молот становился по-прежнему урывками, когда пустят на несколько минут, но разбираться в том, кто и как из кузнецов работает, научился. Видел, один кузнец робеет перед огнем, другой делает лишние движения и теряет на этом время и силы, а некоторые словно бы командуют и огнем и машиной. И легкость у них в движениях необыкновенная, и работают они словно бы играючи. И так интересно показались это Сашке, что начал он наблюдения свои записывать. На клочках отдельных не хотелось писать. Так появилась заветная школьная в клеточку тетрадка, где на последней странице он вывел свое заключение: «Одна сила кузнецу не помога. Должен кузнец три момента учитывать: первый — огня не бояться, второй — экономно расходовать свои силы, третий — чувствовать работу всей бригады».

Но все это было пока для него без пользы. На работе Сашка по-прежнему оставался смазчиком и, как дальше сложится его дальнейшая судьба, не знал.

Но пришел к нему случай — тот случай, что, бывает, всю судьбу человека переворачивает. Как-то одному кузнецу потребовалось отлучиться из цеха на несколько минут. Оглянулся он вокруг и увидел Сашку, как всегда, стоявшего невдалеке от молота.

— Эй, парень, хочешь встать за машину?

— Еще бы!

Встал Сашка у ковочной машины. Увлёкся работой. Не заметил, как подошел мастер, стал за Сашкиной спиной и внимательно следил за его работой.

— Как твоя фамилия?

— Бусыгин.

— Так вот что, Бусыгин, приходи ко мне в конторку после смены. Поговорим.

Все это было, когда в кузнице автозавода уже смонтировали четырнадцать ковочных машин, десять паровых молотов и тридцать девять прессов и кузнецы рапортовали партии и правительству:

«...Теперь, когда застучали первые мощные молоты, невольно вспоминаются слова одного американского промышленника, что нам не справиться со своей задачей, взятой, дескать, не по плечу, без помощи иностранцев у нас ничего не выйдет. Пусть уважаемый мистер придет к нам и посмотрит, как мы начинаем выпускать советские автомобили из советских деталей...»

Под этим рапортом, зачитанным на общем собрании кузнечного цеха, среди других подписей была и подпись подручного Александра Бусыгина.

Работал Сашка с упоением.

Это заметили. Как-то его вызвал начальник цеха. — Ну, как решаешь, Бусыгин, остаешься на заводе или?..

— Остаюсь! Только вот как бы мне жену сюда привезти с сынишкой?

— Дадим тебе квартиру. Парень ты стоящий. Подай заявление об отпуске и поезжай в деревню за семьей. Ты жене-то хоть написал о своем решении?

Сашка полез в карман гимнастерки и, вытащив мятый конверт, протянул его начальнику.

— Писал. А вот она ответ прислала...

Начальник цеха развернул письмо, усмехнулся: — Решительная у тебя жена. Молодец. — И прочел громко: — «Согласна. Забирай нас с сыном к себе. Настя».

— Да у них там в деревне Березовская Заводь, откуда она родом, все девчата решительные.

А вот в цеху, несмотря на большой заработок, все получалось не так, как хотелось бы Сашке. В цеху его сообразительности, смекалка, внимательность обернулись против него. Каждый из молодых рабочих, пришедших в кузницу вместе с Бусыгиным, изучил только одну операцию, умел ковать одну или две детали, знал, как управляться с одним молотом, а Сашка по своей лобознателности изучил все машины и мог отковать любую деталь. Мастер это приметил, стал «бросать на прорыв». Где-нибудь с какой-нибудь деталью заминка, сейчас мастер кричит: «Бусыгин, сегодня будешь работать на этом молоте, ковать такие-то детали»...

Как-то пришел американский специалист и стал наблюдать за работой кузнецов. И как раз в этот момент мастер закричал:

— Александр, выручай, иди на другую операцию!

А Сашка в то утро уже на второй машине по указанию мастера работал. Только наладился, и вдруг — опять бросай...

Но делать нечего, мастера надо слушаться. Вытер он руки и пошел выполнять указание. И слышит, как американец, показывая на него пальцем, спрашивает у мастера:

— Трамбулмен?

А мастер отвечает:

— Нет, Бусыгин.

Американец засмеялся. Сашка, чуть задержавшись, услышал его слова:

— Вы не поняли меня, мастер, я говорю «трамбулмен» — человек, который выручает из беды. У нас тоже есть трамбулмены.

Словно бы и ничего плохого не сказал американец про Сашку, может, даже и похвалил по-своему, но почему-то обидно стало парню. Своими словами американец как бы отделил его от всего коллектива. И решил в этот момент Сашка, что не будет он больше «скорой помощью» в цехе, а станет добиваться постоянного места. Не такой уж он специалист, многому еще надо учиться ему и о многом поразмыслить.

А мастер после того случая с американцем, видно, решил, что все делает как надо, что хорошо иметь на американский манер в цеху своего трамбулмена, и совсем загонял Сашку с молота на молот.

В один из дней выпала Сашке удача всю смену проработать на одном паровом молоте. Норма на деталь была четыреста двадцать штук. А Сашка за день наковал почти тысячу. Работает, радуется, вот наконец нашел дело по себе. А на второй день пришел, встал на это же место и только начал в ритм входить, как к нему подбегает мастер:

— Бусыгин, на ковочную машину!

Тут Сашка не стерпел:

— Почему? Я уже здесь полтора часа проработал. Дайте хоть день отработать. А то здесь полчаса, там час, там два... Надоело мне с места на место бегать. Не пойду!

— Ах, так! — закричал мастер и, схватив Сашку за рукав спецовки, повел по цеху, словно дитя малое, а на место Сашки другому кузнецу велел стать.

Рассердился Сашка и пошел к начальнику участка. Прямо к ходу начал кричать:

— Почему меня мастер с места на место гоняет? Почему мне спокойно работать не дает?

Начальник тоже сгоряча, впервые увидав всегда такого тихого парня в такой несдержанности, закричал:

— Бузотеришь?! Не хочешь работать?

И послал Сашку на уборку мусора.

После смены Сашка остановил его у ворот завода.

— Поговорить хочу с вами начистоту...

— Говори, — прищурился тот насмешливо, — слушаю.

— До каких пор будете надо мной измываться? Надоело мне быть вроде пожарной команды. Хочу работать, как все, хочу иметь собственное рабочее место...

— Вот ты как заговорил, — угрожающе сказал начальник, — дисциплину нарушаешь? Осмелел, хвост поднял, а давно ли из деревни? Я тебе квартиру схлопотал, а ты не хочешь цех выручать? Бузотеришь? Получай расчет!

Повернулся и пошел, не оглядываясь.

Сашка был в растерянности. Не заметил, как к нему приблизился старый рабочий Моккин.

— Пошли, Сашок, — говорит, — я все слышал. Неправильно поступает наш начальник участка, но и ты не прав. Не кричать тебе надо, не ссориться с ним на улице, а обратиться в профсоюзный цеховой комитет. Понял? Профсоюз такого самоуправства не допустит. Завтра выходи на работу, и мы с тобой вместе пойдем в цехком, а если надо, то и к начальнику цеха.

Утром все так и получилось, как говорил старик Моккин. Никто Сашку не уволил, начальник цеха, в кабинет которого был вызван и Сашка, и Моккин, и начальник участка, и мастер, выслушал всех и отдал приказ — поставить Александра Бусыгина к определенному молоту. И закрепить этот молот за ним.

ВСТРЕЧА С НАРКОМ

Зима в тот год выдалась суровая, птицы на лету замерзали. Выходя на улицу, Сашка поднимал воротник деревенского полушубка, а Настя обматывала его по воротнику широким самодельным шарфом. Сашка, пока был дома, подчинялся. Но стоило ему выйти на улицу и, прошагав несколько кварталов, увидеть свой кузнечный, снимал и засовывал шарф в карман.

Сашка в те годы был еще малограмотным парнем, за плечами только ликбез. Не участвовал он ни в каких общественных организациях. Просто работал. Но решив, что завод для него и для его семьи кормилец, трудился изо всех сил. И странными

казались ему разговоры о дисциплине, чудными — рабочие, которые опаздывали на работу, а то и вовсе прогуливали. «Как же это можно? — думал Сашка. — Ведь завод для нас делает все — квартиры дает, заработок обеспечивает... Заболеешь, не ровен час, тут тебе и поликлиника и бюллетень оплаченный...»

...Ранней весной на завод приехал из Москвы народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Прошел по всем цехам. Долго пробыл в кузне. Остановился возле машины, на которой работал Сашка, внимательно посмотрел на широкоплечего парня, спросил:

— Как работаешь?

— Хорошо, — на одном выдохе ответил смутившийся Сашка.

Но Орджоникидзе смотрел на него хмуро.

— Хорошо, говоришь? А я недоволен. Совсем огорчен я. Все у вас на заводе есть — оборудование, кадры, а дело движется плохо...

После отъезда Орджоникидзе весь завод загудел, как встревоженный улей. Проводились собрания в цехах. Старые производственники давали обещание помогать новичкам освоить мастерство, называли и фамилии отстающих, от прогульщиков и лодырей требовали совсем иного поведения.

Сашка с трепетом ждал всякий раз, не назовут ли в числе отстающих его фамилию. Наоборот, его часто приводили в пример другим как дисциплинированного и выполняющего норму рабочего.

А когда Бусыгина сфотографировали на рабочем месте и он увидел свой портрет в заводской газете, Сашка окончательно убедился, что его линия поведения на заводе правильная и что только так надо ему жить и работать.

Бумага, на которой печатали газету, была тонкая, желтоватая, фотография получилась блеклой, но Настя с жадностью рассматривала портрет Сашки. А потом сложила бережно, убрала в сундук. И, уже сидя на кухне, обедая, сказала:

— Санечка, у нас на собрании в совете жен предлагали собирать товариществу по профессии дома. Может, и ты позовешь своих кузнецов? Я пироги спеку с капустой...

Сашка отложил ложку и внимательно посмотрел на Настю: «Что это она задумала?» Но ничего не спросил, снова принялся за щи, а сам прикинул в уме: «Правильно придумала. За пирогом да за чайком можно спокойно поговорить о делах наших кузнечных»...

— Хорошо, Настя. Позову, — только и сказал Сашка.

Так было положено начало собраниям «на дому» у Бусыгиных, ставшим потом привычными.

...Вытирая ноги о чисто выстиранный половичок у дверей, Фаустов с любовью смотрел на мудреную обстановку квартиры Бусыгиных. Одобрил:

— По-хозяйски живешь, пирогами пахнет...

Настя, приветливо улыбаясь, накрыла стол скатертью, подала пироги и скромно присела в уголке комнаты.

Разговор сразу же, после первой чашки, пошел деловой: как кузницу из прорыва выгнать? Да и не только кузницу, но и весь завод? Душа болела, оказывается, не только у Сашки за то, что программному заводу не выгнать. Если бы чужой завод был, а то ведь сами его строили, знали в нем каждый камень, каждую машину. Не бросать же его в беде. Это все равно, что свою семью бросить, дитя собственное...

Допоздна засиделись кузнецы в доме Бусыгиных. Спорили. По полочкам рассматривали, какие где ошибки и как можно их исправить.

Первая: частая переброска людей с места на место. Какую цель преследует мастер, гоняя кузнецов с одной машины на другую, непонятно, но вред от этого был очевиден. Вторая причина отставания та, что мастера ни во что не ставили нагревательницы и подручных. Основной фигурой считали кузнеца. А ведь лишь от слаженной работы всей бригады мог получиться хороший результат. Это не только Сашка, но и многие рабочие понимали.

— Что же делать нам, братцы? — спросил Александр. — Ведь дальше так продолжаться не может.

— Конечно, не может, — подтвердил Великанин. — Придется нам, кузнецам, потребовать постоянных бригад. Если мастер к нашим требованиям не прислушается, то пойдем к начальнику цеха.

— А если и там не получим ответ, — вступил в разговор Фаустов, — пойдем к самому директору.

И тут вдруг раздался голос Насти:

— В партийный комитет вам надо сходить. Не о своем, домашнем толкуете, а о всем заводе. Непременно в партийный комитет!

...Добились кузнецы закрепления за ними постоянных бригад. И у Сашки стал постоянный коллектив. Расставил он своих людей по местам. Подручному и нагревательнице посоветовал после работы

походить по цеху, посмотреть, как другие нагревательщики работают.

Сначала рабочие обиделись на Сашку: «Молодой еще нас учить!» — но когда увидели, что дело в их бригаде спорится, что план они свой каждый день стали перевыполнять, то повеселели и стали сами совета спрашивать.

Включил Сашка в состав своей бригады и наладчика машины и сам стал внимательно следить за работами во взаимосвязи все агрегаты. Сложнее стало работать, но интереснее. И все будто яснее увиделось. Вот что значит, когда человек начинает на свою работу смотреть «по-хозяйски», а не рассчитывать «на дядо».

Раньше Александр не замечал, что нагревательная печь (а была она американской конструкции) мала. На нагрев металла чуть ли не четверть рабочего дня уходило. А тут явственно увидел — неправильно это. Пошел он к начальнику цеха:

— Расширяйте печь!

Инженер удивленно посмотрел на Сашку. Всего год назад этот же молодой человек робко стоял перед ним, не умея слова сказать в свою защиту, и говорил тогда за него старик Мокня. А теперь был Бусыгин совсем другим человеком. Смотрит смело, голос звучит твердо. Ишь, что требует: «Расширяйте печь!»

Начальник цеха даже головой затряс. Посмотрел на Сашку с прищуром:

— Один думал или с кем?

— С бригадой.

— А какой расчет делали? Почему так уверенно говоришь?

— Минуты рабочего времени складывали, — ответил Сашка, нимало не смутившись. — В ликбезе считать научился...

...Как только печь переделали, дело в бригаде пошло еще лучше. И, конечно, такой переделки своих печей потребовали и другие кузнецы. Цех заметно увеличил выпуск изделий, и об инициативе Александра Бусыгина в заводской газете появилась заметка.

НОРМЫ И ЛЮДИ

...Прочитав в «Правде» сообщение о рекорде Алексея Стаханова, Александр Бусыгин совсем потерял сон.

«Как же так, — думал он, — простой шахтер, такой же молодой парень, как я, сумел выполнить за смену ЧЕТЫРНАДЦАТЬ норм! Как же он этого добился? — Александр мысленно прикидывал, сколько усилий надо затратить ему, кузнецу, чтобы за одну смену наковать хотя бы две нормы, и понимал, что при существующей технологии этого сделать нельзя. — А как же Стаханов? Ведь он тоже молотком отбойным машет. Уголь рубить тоже нелегко. В газете пишут, что он по-новому организовал свой труд. Значит, если хочешь работать, как Стаханов, надо по-другому работу кузнецов строить? Но как? Как к этому подступиться?»

В те тревожные для него дни Александр работал на молоте, изготавлявая ступицы. Уже в первый день, 27 августа, он выковал за смену вместо положенных по плану 315 ступиц 440, и так работал до первого сентября. Но все равно цех план свой не выполнил по многим показателям. Очень плохо обстояло дело с ковкой коленчатых валов. А без этой ответственной детали собрать автомобиль было невозможно.

Пятого сентября начальник цеха собрал кузнецов на совещание.

— Программа, хлопцы, туго идет. Что делать будем?

— Может, нам сверхурочно поработать, часа по два? — предложил Александр. — Я за свою бригаду отвечаю, согласится.

— Да зачем нам лишние ступицы? — отмахнулся начальник цеха от предложения Александра. — Вы и так наковали их про запас. Коленчатых валов не хватает. Твой дружок Фаустов в отпуск отправился, кузнец Казаринов в армию уходит. Беда да и только.

Александр, нахмурившись, молча слушал начальника, затем мастера и других кузнецов.

— А может, мне перейти в бригаду Казаринова? А? В нашей бригаде мой помощник справится со ступицами — дело привычное, налаженное.

Сказал и продолжал смотреть исподлобья на присутствующих.

— Господи, Александр, — крикнул кто-то из кузнецов, — куда лезешь? Бригада Казаринова самая разболтанная в цехе. Там старого кузнеца надо, чтобы порядок навести, а не тебя, молодого, зеленого...

В глазах мастера зажегся огонек. Поглядывая то на Александра, то на начальника цеха, он сказал:

— Трудная бригада. Других слов не скажешь. Но

и положение у нас аварийное. Может, попробуем? А? — И, повернувшись к Сашке, спросил в упор: — Ты что, сболтнул ради красного словца или решился по-настоящему?

— Я болтать не мастер, — только и ответил Александр.

Бригада Казаринова, которую принял Бусыгин, и в самом деле оказалась трудной. Все парни, каждый в отдельности, были хорошими работниками, а вместе коллектива не получалось. Каждый думал только о себе.

Через несколько дней, однако, Сашка, молчаливый, вежливый, но неоступно следивший за работой каждого и сам задававший высокий темп работы, стал внимательно изучать нормировочную карту по ковке валов. Просидел над ней весь вечер и почти всю ночь. Все думал, прикидывал, изучал и понял наконец, какие большие возможности прячет в себе этот документ.

Во-первых, на каждую операцию в нормировочной карте было записано лишнее время. Для чего? Сколько? Подсчитал и ахнул. Батюшки! Да ведь эти нормы из восьмичасовой смены предусматривают два часа шесть минут на безделье! Почему? Записав себе этот вопрос к мастеру, Сашка стал смотреть дальше. Есть такая операция: «Нажать педаль». Время на нее в карте тоже выделено как на самостоятельную операцию. А ведь ее вполне можно выполнять одновременно с другой. Он всегда так делает. И это записал. В общем, вопросов набралось немало.

На следующий день после смены Александр попросил мастера Семена Ивановича задержаться. И, выложив перед ним свои замечания, спросил:

— Это почему же молоты два часа с лишним простаивают? На какие надобности предусмотрено?

Семен Иванович, надев очки, углубился в нормировочную карту.

— Как на что? — сказал он, откидываясь на спинку стула и весело поглядывая на Сашку. — На личные надобности!

— Какие еще личные надобности?

— Мало ли что — выйти покурить, сальники подтянуть, передохнуть, словцо с соседом перемолвить...

— Неправильно, — упрямо сказал Александр, — вся эта карта составлена неправильно!

— Ну, это не тебе судить, — вспыхнул мастер, — эти нормы американцы закладывали, а они соображают, как надо работать. У них автомобильная промышленность во как поставлена, а мы только начинаем. Смех с тобой, Александр, да и только.

— Семен Иванович, — сдерживая себя, очень вежливо спросил Сашка, — а вы газеты читаете?

— Читаю, ну и что?

— Инициатива масс теперь поощряется, вот что. Почему вы меня так обрезаете? Я ведь не для себя стараюсь.

Повернулся Александр и вышел из конторки, оставив мастера в полной растерянности.

На следующий день перед концом смены Александр сказал членам бригады:

— Сегодня попрошу всех задержаться, разговор будет.

Собрались во дворе завода. Присели на сложенные доски, закурили. Ждали, что скажет бригадир.

— Хочу вам рассказать о том, что было на совещании у начальника цеха, — начал Александр, — а затем скажу свой вывод.

— А что случилось?

— Ничего в нашей бригаде не случилось, — спокойно сказал Александр. — Все вы ребята дельные, работаете хорошо. Но сейчас этого мало. Положение в нашей кузне очень тяжелое. Задерживает она все производство. Программа идет туго. И если мы с вами не придумаем что-нибудь новенькое, то из прорыва не выйдем!

— Наша совесть чиста. Делаем, что полагаем, что положено.

— Вот именно, — подхватил Александр, — что положено. А этого теперь мало. Конечно, если думать только о своем пузыре, можно считать, что все в порядке. А завод?

— Ты погоди, — закричал нагревательщик Виктор, — ты нас не стыди. Может, ты и прав, а что мы можем сделать?

— Небось, после смефы предложишь на два часа оставаться? Так это ничего не даст.

— Я не согласен после смены работать, — крикнул Виктор, — у меня любовь сейчас серьезная...

Все захохотали. Но Александр словно не слышал сказанного.

— Я хочу вам предложить совсем другое, — сказал он. — Кто из вас читал или слышал о рекорде Алехи Стаханова?

— Так то ведь на угле!..

— Шахтеры сами себе хозяева, а у нас на заводе каждый от другого зависит.

— Вот это и хорошо, что зависит, — подхватил

Александр, — это нам и надо. Кузня наша увеличит выработку, все цеха за ней потянутся. Так как, хлопцы, попробуем?

— А что пробовать станем? Ты вперед нам объясни. Как это сделать нам, чтобы больше валов ковать?

— А я уже прикидывал, — обрадовался Александр, — я уже примерялся, хлопцы, я вам сейчас все объясню, где у нас лишнее время имеется и как можно его использовать... Слушайте: у нас много лишних операций... Если их объединить, будет большой выигрыш во времени. По существующим нормам...

Надолго затянулся разговор. В конце концов согласились — надо попробовать.

На следующий день Александр расставил членов бригады по-своему. Он уже пригляделся к ребятам, заметил, кто к какой операции более способен, кто более поворотлив, а кто физически сильнее. Почему-то в этот день не ладилось с оборудованием, и он то и дело звал слесарей. Те сердились: «Что это Бусыгин все выдумывает!»

Но Александр не сдавался, и к концу смены все машины были в полном порядке. Дала наглядный результат и перестановка рабочих. На следующий день бригада Бусыгина при норме 620 валов отковала за смену 810.

Повеселели члены бригады, когда узнали об этом.

— Выходит, ты прав, Саня, — сказал Виктор. — А что, если завтра еще поднатужиться?

РЕКОРД

Первая смена кузнецов закончила работу, и в душевой былолюдно и шумно. Александр стоял под горячим душем, когда его звонко шлепнул по голой спине Виктор.

— Пойдем домой вместе? — спросил Виктор. — Поговорить надо. Сегодня мы ведь опять восемьсот валов выдали...

— Может, завтра и больше дадим, — весело продолжил Александр, выскакивая из-под горячей струи. — Только домой мы с тобой сегодня пойдем поврозь. Мне надо в цеху задержаться. Хочу с начальником поговорить.

Начальник цеха, молодой, строгий на вид инженер, сидел в конторе один, глубоко задумавшись. Перед ним лежали копии рапортчиков в дирекцию завода, из которых было видно, что цех все еще не выполняет задания.

Он рассеянно окинул взглядом Александра:

— Слушаю... Садись.

— Я постою. — Александр переступил с ноги на ногу, помял в руках кепку. — Вот какое дело... Мы с бригадой хотим завтра отковать побольше валов.

— Ну и что же вам мешает? — все так же рассеянно спросил инженер. — Действуйте.

— Действовать-то мы будем, — несколько смущенно сказал Александр. — Только нам поковок больше потребуется.

— Скажи мастеру.

— Мастер отказал.

— Как так? — Инженер нахмурился. — Сколько вам надо?

— Тысячу!

— Что?! — Инженер наклонился вперед, разглядывая стоявшего перед ним парня. — Зачем так много? Какие основания?

— Мы все подсчитали точно, — теперь уже более решительно сказал Александр.

— Бред какой-то, — тихо произнес инженер и, схватившись за телефонную трубку, крикнул: — Мне мастера, кузнечного!

Пока трубка молчала, инженер, сердито поглядывая на Александра, двигал свободной рукой карандаши на столе и какие-то бумажки. Наконец, как видно, на другом конце провода послышался голос мастера.

— Да, это я. Прошу вас зайти ко мне, немедленно! — Резко положив трубку на рычаг, инженер обернулся к Александру: — Еще бы, мастеру вам не отказать. Надо же придумать такое — тысячу поковок!

Александр не успел ответить, как запыхавшийся Семен Иванович ворвался в конторку и, увидев Сашку, с ходу закричал:

— Он уже здесь?! Видали, товарищ инженер, какая дурь ему в голову заскочила. И никак не выскочит. Стахановым, видно, захотел стать. В авантюру пустился!

Инженер, почувствовав, как накалилась атмосфера, и вспомнив, как недавно этот же молодой кузнец доказал ему необходимость расширения нагревательных печей, сказал примирительно:

— Давайте ближе к делу. Покажите мне ваши расчеты, Бусыгин. Надеюсь, они у вас имеются? Александр вытащил из кармана помятую бумажку.

— Да какие у него могут быть расчеты, — насмешливо сказал мастер. — Так, мечта одна. Да что мы его слушаем, в самом деле?

Но инженер уже рассматривал Сашкин расчет. Затем, закусив губу, стал вычислять что-то на отдельном листке. Потом отложил бумажку в сторону, поднялся, протянул Сашке руку.

— Молодец. Пробуй! — И, повернувшись к растерявшемуся мастеру, приказал: — Дать им тысячу двести поковок!

Задолго до смены вышел на следующее утро Александр Бусыгин из дома. На углу остановился, обернулся. Настя, стоя у раскрытого окна, смотрела ему вслед. Помавав ей рукой, Александр двинулся к проходной.

Бригада ждала его у ворот. Так, все вместе, они и вошли в проходную, а потом в кузницу. В цехе еще было тихо, пусто. Пахло окалиной, маслом, металлом...

Только начали проверять оборудование, сальники, клещи, как возле молота возник мастер Семен Иванович. Через несколько минут появился начальник цеха, посмотрел и ушел.

«Тоже нервничает, опасаются...» — подумал Александр, но продолжал проверку оборудования.

Наконец все стали по местам. Началась смена. Первые пятнадцать минут Александр работал медленно, осторожно. Сосед по молоту, видимо, узнавший новость от мастера, крикнул:

— Чего робеешь, Бусыгин? Давай, жми!

Но Сашка не робел, он просто проверял на деле молот. Ждал, пока вся бригада войдет в ритм и начнет набирать темп.

Через пятнадцать минут Бусыгин, оглядев свою бригаду, почувствовал — готово! Все ребята — как заведенная пружина. И прибавил темп.

Обычно за смену Александр несколько раз смотрел на прибор у молота, где отмечается количество откованных деталей. Но в этот день он даже в обеденный перерыв запретил себе любопытствовать. И хлопцам своим не разрешил подходить к прибору. Пусть будет как будет. Уж очень боялся Александр пережить разочарование.

Краем глаза он видел, как к счетчику несколько раз подходил Семен Иванович, но по выражению его лица ничего понять было невозможно. После обеденного перерыва Семен Иванович некоторое время не появлялся, вернулся уже не один, а с начальником цеха. Оба постояли некоторое время у прибора, что-то сказали друг другу (за грохотом молота Александр не мог услышать их слов) и затем опять куда-то ушли.

Но и тогда Александр не посмотрел на цифры. Он сам и вся бригада работали в таком слаженном, быстром темпе, что прервать его хотя бы на несколько минут казалось невозможным.

И только когда в цех пришел сменщик Бусыгина и, первым делом поглядев на прибор, изумленно закричал на весь цех: «Бусыгин! Да ты знаешь, сколько вы сегодня отковали? Черти! Иди сюда!» — Александр медленно, с опаской подошел к прибору. Глянул и закусил губу: вот это да! 966 валов!

И уже окружили Александра товарищи, и другие кузнецы, пришедшие на вечернюю смену, жали руки, хлопали по спине, обнимали друг друга... У Сашки слегка кружилась голова. Ощущение было такое, словно он, переступив невидимую черту, сразу перенесся в какой-то иной мир, где все было радостно и весело и в то же время покрыто туманом.

Гурьбой, почти всей сменой вышли кузнецы из цеха. Шли двором, оживленно обсуждая Сашкин успех, а когда подошли к проходной, удивленно остановились: что такое — почему народ собрался?

— Саня! — толкнул Александра Виктор. — Смотри! И когда только успели! Смотри!

«Бригада кузнеца Бусыгина установила рекорд», — вещало огромное красное полотнище, протянутое над проходной.

Когда схлынул шум и первая радость достигнутого успеха, его по-настоящему охватило беспокойство. Сможет ли его бригада удержать взятый темп? Ведь не для того же рекорд ставили, чтобы снова работать по-прежнему?

Но и на следующий день бригада работала напряженно, слаженно. Отковали 1001 коленчатый вал! Через несколько дней выработка возросла еще на семь валов, потом на пятнадцать, и, наконец, настал день, когда за смену сделали 1146 валов и тем завершили месячную программу цеха. Было это 19 сентября 1935 года. День этот остался в памяти Александра и его товарищей навсегда.

В тот день Бусыгин сказал мастеру, что рассчитывает перекрыть свой собственный рекорд. Семен Иванович, теперь уже прислушивающийся к Сашкиным словам, предупредил начальника цеха. Тот, в свою очередь, сообщил о предполагавшемся событии руководителям завода, в партийный комитет и комитет комсомола. Таким образом, уже через

полчаса после начала смены возле молота Бусыгина большим полукругом стояли гости.

Но Александр, словно не замечая этого, работал не спеша, осторожно вводя бригаду в заданный ритм и незаметно для постороннего взгляда, постепенно ускоряя его. Он так увлекся работой, что начисто забыл, как пристально наблюдает за ним множество глаз. И когда учетчица Феня крикнула Сашке почти в самое ухо:

— Пора кончать, смена пришла, Александр Харитонович, знаете, сколько вы наработали? — он отмахнулся от нее:

— Не знаю и знать не хочу. Отойди, Феня, не мешай, еще пять минут осталось.

— Чего ты крутишься возле него, Феня? — укорил мастер девушку.

Та обиженно пожаловалась:

— Да что же это такое, Семен Иванович? Ничего Бусыгин слушать не хочет. Вы посмотрите сами на прибор, сколько они сработали! Закрутишься тут... Новая смена пришла, я даже показания счетчика не успею снять...

Мастер, отодвинув рукой девушку, подскочил к прибору и всплеснул руками:

— Сколько работаю, такого не видывал! Вот это кузнец! Доказал свое. Действительно — стахановец! Гляньте сами, — подозвал он начальника цеха. — Тысяча сто сорок шесть валов.

Феня, забыв про обиду, бегала по цеху, сзывая рабочих:

— Эй, товарищи! Сюда! Вы посмотрите, сколько Бусыгин наковал!

— Надо же — тысяча сто сорок шесть!

— Да это, ребята, мировой рекорд!

— Значит, и мы тоже можем не хуже шахтеров, хлопцы...

— Раз Сашка смог, и другие найдутся...

— Качать Сашку, качать! — крикнул кто-то, и уже протянулись руки к растерявшемуся Александру, но в это время из репродуктора на весь цех разнеслись слова:

«Товарищи! Просим всех собраться у конторы на митинг по случаю рекорда нашего кузнеца...»

Собрание затянулось надолго. На нем говорилось, что кузнец Александр Бусыгин положил начало стахановскому движению в автомобильной промышленности. Говорилось о том, что его приборе должны теперь следовать другие кузнецы и рабочие всех цехов завода. Требовали непременно осветить это событие в заводской и городской газетах, а может, сообщить и в Москву.

Александр слушал все это и удивлялся. Еще неделю назад, даже три дня назад никто, кроме кузнецов из его смены, не знал Сашку Бусыгина. А если и знал, то так же, как знают друг друга работающие на одном предприятии люди. И вдруг такая известность. Благодарят его от имени руководства, зовут подражать ему, даже какие-то особые качества приписывают. А ведь он как был Сашка, так и остался Сашкой. И вся его заслуга, что трудился по собственной возможности и совести. И дальше будет так же трудиться. Теперь он это знал твердо.

Есть такая примета: нашел подкову — к счастью. Александр Бусыгин не искал свою счастливую подкову по дорогам. Он выковал ее своими руками.

Рисунок
Владимира
Лукьянца

В девятом номере журнала по просьбе инструктора Тюменского обкома комсомола Игоря Степанова мы напечатали военную фотографию Аркадия Шайхета.

Автор письма предлагал попытаться найти бойцов 1941 года, изображенных на фотографии. «Смена» поддержала предложение своего читателя.

Спустя некоторое время мы получили письмо, в котором содержалась первая информация о возможных именах сфотографированных А. Шайхетом красноармейцев. «Есть у меня книга под названием «Из кинолетописи Великой Отечественной». На 64-й странице напечатана фотография братьев-близнецов Бориса и Григория Ка-

лашниковых,— писала нам Т. Ровенских из Белгородской области.— мне кажется, что это они на вашей фотографии на первом плане. Я очень волнуюсь и буду очень счастлива, если помогла вам».

Как оказалось впоследствии, наша читательница ошиблась лишь в одном: старшего из братьев-близнецов зовут не Григорий, а Юрий. Действительно, сорок лет назад кинохроника сняла небольшой, минут на десять, документальный фильм о братьях-войнах, которые к тому же получили первые свои боевые ордена из рук самого Михаила Ивановича Калинина. Кадр из этого фильма и был напечатан в книге.

Предположение читательницы из-под Белгорода полностью подтвердила своим письмом заведующая кафедрой терапевтической стоматологии Кемеровского медицинского института К. Сомова. «Семнадцатилетней школьницей в августе 1942 года я была зачислена в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, в школу радистов,— пишет К. Сомова. — Командиром моего отделения был Юрий Владимирович Калашников. Имена братьев Калашниковых в 1942 году были очень популярны не только в школе радистов.

...У меня и сейчас хранятся фотографии военных лет, где братья сфотографированы вместе с М. И. Калининым после вручения им орденов. Каждую свою беседу со студентами я начинаю с показа этой фотографии, рассказываю о трудовой и завидной судьбе этих людей.

...Юрий и Борис родились в семье питерского рабочего, который еще до революции работал на одном заводе с М. И. Калининым,— сообщает далее автор письма,— братья сидели на одной парте, в один день и час стали октябристами, пионерами, вступили в комсомол, партию. Оба занимались в боксерской секции, получили первый спортивный разряд. В июне 1941 года братья

окончили школу и уже через несколько дней добровольцами ушли на фронт. В составе ОМСБОН они защищали Москву, воевали в тылу врага, в Белоруссии. Оба были не раз ранены...»

Но живы ли они теперь? К моменту получения письма из Кемерова мы уже знали: живы. Борис живет сейчас в Витебске, Юрий — в Москве. Он-то и позвонил в редакцию.

Состоялась встреча. Причем нам повезло и во второй раз: оказалось, что Борис Владимирович находился в тот момент под Москвой, в санатории — вновь дали себя знать старые раны...

— На фотографии мы едем на автомашине по Ленинградскому шоссе,— рассказали братья.— Слева направо: командир отделения старший сержант В. Мацнев, затем Калашников Юрий Владимирович, Калашников Борис Владимирович (мы действительно близнецы), командир взвода младший лейтенант Поляков. Это в первом ряду. А в центре видны командир отделения сержант Квашенников, рядом с ним Шаймарданов. Еще из тех, кого помним, в кузове сидят Эфендиев и Мешков. Больше, к сожалению, память ничего не сохранила, да и лиц сидящих не разглядеть.

Все мы — младшие командиры и курсанты шко-

СОРОК ОДИН ГОД СПУСТЯ: БРАТЯ БОРИС И ЮРИЙ КАЛАШНИКОВЫ.

лы младшего начсостава ОМСБОН войск НКВД СССР. ОМСБОН — это соединение, сформированное 27 июня 1941 года на центральном стадионе «Динамо» из чекистов, пограничников, спортсменов, антифашистов — интернационалистов и комсомольцев — добровольцев.

Как сложились судьбы наших однополчан, сидящих в кузове машины, мы не знаем и поэтому будем очень благодарны любому сообщению о ком-либо из них.

«Смена» присоединяется к просьбе солдат Великой Отечественной.

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

ПИСЬМО СТАВИТ ВОПРОСЫ

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ

В шестом номере «Смены» была опубликована статья А. Рогинского «Качество плюс экономия: ЗА ЧЕРТОЙ ОБЩИХ ИСТИН». Что такое качество вообще и качество в строительстве в частности? Совместимы ли работа качественная и работа экономная? Что помогает людям работать качественно и экономно, а что мешает? Вот примерный круг вопросов, над которыми размышлял автор, опираясь на опыт работы львовского треста «Промхимсантехмонтаж», где разработана и уже несколько лет действует комплексная система управления качеством (КСУК).

Статья привлекла внимание наших читателей. Так, например, заведующий лабораторией Крымского филиала Украинского НИИ гидротехники и мелиорации, доктор сельскохозяйственных наук Н. С. Горюнов попросил нас помочь ему подробнее ознакомиться с методикой по КСУК «для ее применения при оценке качества работы оросительных систем». Однако среди откликов читателей хотим назвать и письмо, автор которого не согласился с положениями статьи А. Рогинского.

«Уважаемые товарищи!

Прочитал в вашем журнале статью «За чертой общих истин», и многое в ней меня удивило. Сначала автор пытается найти определение слову «качество». Это ему не удается — все определения неточны и расплывчатые.

Затем автор отправился во Львов в трест «Промхимсантехмонтаж», где его направили любоваться качеством работы в комсомольско-молодежную бригаду Ярослава Обуха. Эта бригада ведет сборку экскаваторов в карьере. И опять непонятно, почему трест «Промхимсантехмонтаж» занимается несвойственными его названию функциями?

Но как бы там ни было, бригада Обуха ведет сборку «шагая». И автор объясняет, как трудно собрать экскаватор с определенной точностью. Но ведь точность сборки прежде всего зависит от точности изготовления деталей на заводе-изготовителе. И никакой Обух не поможет, если на заводе изготовили детали с браком. А у Рогинского качество экскаватора зависит прежде всего от монтажников. Это нелепость, но автор так утверждает. Кроме того, сборка серийных машин производится в каждом отдельном случае, как кому покажется лучше. Я полагал, что завод-изготовитель дает строгую технологию сборки изделия, но, оказывается, и это не так. Но тогда, спрашивается, о каком качестве может идти речь!

В заключение хочется сказать: качество всяких изделий определяет ГОСТ. Нужно только придерживаться его. А за соблюдением ГОСТа обязаны следить работники ОТК предприятий. И тогда не нужно будет создавать новые отделы по качеству.

С уважением
СОЛОВЬЕВ С. Н.,
г. Днепропетровск».

Мы попросили автора статьи «За чертой общих истин» ответить на это письмо.

Уважаемый товарищ Соловьев!

То, что некоторые положения моей статьи вызвали ваше удивление, моего удивления не вызвало. Могу вас в чем-то понять. Вам хотелось бы определенности и четкости в формулировках, когда речь идет о качестве. Но речь идет о качестве в строительстве. Проблемы же качества в этой отрасли стоят весьма остро, а решаются неоднозначно.

Строительство — отрасль, в которой многое может показаться в век НТР достаточно странным. Например, вы считаете, что трест «Промхимсантехмонтаж» не должен заниматься монтажом экскаваторов. Тем не менее он этим занимается. Этот трест имеет в своей структуре и сантехнические управления и механомонтажные. Так уж сложилась его структура. Нравится это нам с вами или нет, но это реальность.

В строительстве существует определенная система распределения обязанностей между заводом-изготовителем и монтажными организациями. Завод обязательно присылает на сборку своих представителей — как их еще называют, шеф-монтажников, — которые следят за качеством сборки. Сборку же ведут монтажники, работающие в системе треста. Разумеется, существует технология сборки, предлагаемая заводом (об этом, кстати, говорится в материале). Но монтажники ее могут изменить в силу сложившегося опыта, наличия или отсутствия техники. Ну, действительно, подумайте, что делать монтажникам, если сборку надо вести стотонными кранами, а их на площадке нет? Вот и меняется проект производства работ прямо на площадке.

Вы, товарищ Соловьев, убеждены, что качество зависит только от соблюдения технологии. Получается, что рабочий должен быть лишь послушным исполнителем, не смеющим и шагу ступить в сторону от проекта. А вот Ярослав Обух считает по-другому. Хочу еще раз привести его слова: «Каким бы совершенным ни был проект, рабочий все равно должен прежде подумать, как выполнить его экономнее, разумнее». Потому что качество и творчество не просто совместимы. Качество требует творческого подхода в наше время стремительного изменения технологий.

Я никогда не утверждал, как вы пишете, что «качество экскаватора зависит прежде всего от монтажников». А вот в том, что высокое качество конечного «продукта» требует высокого качества работы на всем пути его изготовления, убежден. Завод может изготовить экскаватор отличного качества, но поручите монтаж слабой, недобросовестной бригаде — и можете на его хорошую работу не рассчитывать.

А с вашим заявлением, что качество всех изделий определяет только ГОСТ, я решительно не согласен. Есть ГОСТы устаревшие и в силу одного этого уже отстающие от требуемого уровня качества. На многие работы, в том числе и на сборку экскаватора, ГОСТов вообще нет. На такие работы имеются лишь строительные нормы и правила.

И еще мне хотелось доказать: борьба за качество — дело не только тех товарищей, что разрабатывают ГОСТы, и работников ОТК. Качество зависит и от качества работы каждого конкретного человека. Очень хотелось бы, чтобы об этом знали и помнили молодые рабочие — они не пешки, а полноправные участники каждого дела, ответственные за его конечный результат. Знающие необходимые правила, но не замыкающиеся в них.

Вот в этом я и видел смысл статьи «За чертой общих истин».

С уважением
А. РОГИНСКИЙ

се реже встречаются ситуации — даже самые личные, самые частные, — которые бы так и оставались делом сугубо личным и частным.

Гораздо чаще ситуации, когда личное, собственное, а порой даже интимное наполнено такой взрывчатой силой общественного интереса, что умолчать это частное было бы, если хотите, преступлением — пусть нравственным, а все же преступлением.

Умолчание явного, нежелание анализировать общественную ситуацию, а особенно спорные ее повороты, есть не что иное, как сокрытие того, что следует судить. Не по такой ли порой причине, не по причине ли отсутствия истины или неповторения истин — а истина должна повторяться, и неповторение ее тоже тяжкий грех, — или стыдливого необсуждения этих истин, или превратного, субъективного, немногостороннего, обывательского, мещанского, примитивного толкования важных правил, не по причине ли, одним словом, умолчания или неверного толкования и выстраиваются в результате такие судьбы, какие предстали перед нами в двух письмах, пришедших в редакцию журнала «Смена» в начале года и послуживших поводом для развернувшейся затем читательской дискуссии «Хочу быть первым». Думаю, нет нужды снова пересказывать суть этих писем («Смена» №№ 1, 2). Поток откликов на них, не иссякавший в течение всего года, свидетельствует о том, что читатели прекрасно помнят, о чем в них шла речь.

Письма эти редакция опубликовала без единой поправки, и в журнал посыпались отклики, осуждающие, поддерживающие, рассказывающие другие истории, и вышло так, что, в сущности, частное, интимное — заметим, между прочим: еще совсем недавно выносить на общественный суд тему личного первенства считалось бы крайне неприличным, — так вот частное, интимное, такое, что раньше не обсуждалось, а пряталось поглубже, нашло широкий читательский отклик.

В чем дело? Почему?

Прежде всего потому, что плотность человеческих контактов, число человеческих взаимосвязей выросли неимоверно. Если жизнь каждого из нас изобразить в виде любой геометрической фигуры — квадрата, круга, треугольника, а знакомства, служебные, общественные, родственные контакты обозначить проводками, по которым идут электрические импульсы, то на кругах, квадратах, треугольниках чистой плоскости бы не осталось. Один к одному, сплошным там были бы припаяны провода, по которым то туда, то сюда несутся электрические разряды.

Такова наша жизнь. Таковы наши бесчисленные контакты.

Бытие даже самого замкнутого человека состоит в бесконечном, по сути, количестве связей. А если человек по характеру общительный? А если работа у него такая, как у Александра Козаря? Или Владимира Владимировича?

Тогда жизни их — суть тугое переплетение посторонних взглядов, суждений, оценок, пониманий или непониманий, и слово «посторонних» здесь звучит весьма условно, потому что разве можно признать посторонним суждение человека, возникающее в силу общественных, рабочих, просто человеческих взаимоотношений с тобой, коли ты самой судьбой поставлен посреди этих бесчисленных мнений и отношений?

Само слово «взаимоотношения» означает в лучшем случае двусторонность всяких связей, когда не только ты реагируешь на поступки, линию поведения и слова другого, но и тот, другой, реагирует на все, что делаешь и говоришь ты. Хочешь ты или не хочешь, а твое вроде бы личное становится общественным, и даже если ты глубоко внутри себя затаил собственные мысли, совершаемые тобою поступки — со знаком плюс или со знаком минус, это все равно, — они «выдадут» тебя реакцией на них твоего окружения — ближайшего или отдаленного.

Тем более, если твои личные соображения и поступки касаются самого главного, самого вечного из вечнейших вопросов: как жить, во имя чего, что такое жизнь, в чем ее смысл?

Хорошо, когда вопрос обнажен, в житейском смысле не усложнен для разбирательства теми или иными привходящими обстоятельствами, смягчающими, к примеру, прямоту честного ответа.

Дело, впрочем, не только в ответе. Для ответа

нужен вопрос. А вот вопрос — порой так закамуфлирован всевозможными причинами, обстоятельствами, оправданиями, так испятнан голубой — под ясные небеса — краской, что как ни вглядывайся, вопроса не обнаружишь, над тобой небесная голубизна, где все так хорошо и чисто.

Откровенность и прямота без самооправданий и самоадвокатуры — вот что помогает означить беспокойство, обнаружить симптомы, чтобы затем, следуя вперед, по шажочку, поставить диагноз и разобрать причины болезни или, напротив, истоки здоровья.

Болезнь и здоровье, конечно же, подразумеваются нравственные.

Итак, Александр Козарь и его устремления, рассуждения — вначале разберем их.

За что следует похвалить этого инженера, поддержать его? Прежде всего за прямоту, за искренность суждений, не всегда, впрочем, праведных, за сомнения в самом себе, за желание открыто, даже публично обсудить свою линию поведения, свою, если хотите, программу жизни — иначе, как программой и программой осуществляемой, это не назывешь.

Надо заметить к тому же, что ярлыки «настоящий карьерист», «шкура, рвущаяся к власти любым путем», при некотором раздумье, все же не годятся Александру Козарю. «Шкура» и карьерист никогда ни

в чем не усомнится; ему наплевать, что там плетут у него за спиной и какие прозвища придумывают рабочие. Как правило, карьерист — продукт уже завершенный, даже полукарьерист, незаконченный карьерист, не уверовавший до конца в избранную самим собой роль — такой тоже распылится не станет: где-то, пусть задним умом, он прекрасно понимает, что его исповедь может дорого ему обойтись. От того же главного инженера, от директора, от рабочих собственного цеха.

Нет, тут другое. Циник обзовет ее наивной, на самом же деле это искренняя попытка разобраться и в самом себе и в окружающей — на сей раз общественной — ситуации. Как вести себя с пользой для дела, не забывая при этом о чести, порядочности? И совместимые ли это понятия — интересы дела и человеческая мораль?

Скажем прямо, вопросы совершенно не новые. Эти вопросы суть отражение объективных процессов. Помните диалектический материализм? Единство и борьба противоположностей? Объективные закономерности? Противоречия?

Элементарное воспитание, например, требует во всем уважать старших, чтить их опыт, слушать, а коли надо, безропотно повиноваться.

Кто с этим станет спорить? Но вот реальная ситуация, и тут мы поверим Александру: цех, где начальником нерешительный, пожилой, возможно, усталый инженер, который не справляется с работой. Человек, безусловно, старше Козаря.

По-человечески Козарю надо сидеть скромно, делать свое дело, ждать, когда пройдет полтора года до ухода — возможного ухода — начальника цеха на пенсию.

Но есть еще один уровень оценки окружающего: инженерная, профессиональная, наконец, гражданская.

И человеческое, и гражданское — положительные начала, но вот беда: они могут входить и входят в противоречия между собой.

Александр Козарь поступил так, как он поступил. Сам своего предшественника «не свергал», но на заданный вопрос ответил честно — с точки зрения дела, и, таким образом, «свержение» пожилого инженера предоставил другим, вышестоящим лицам. Те в интересах дела выбрали более молодого, возможно, более энергичного и профессионального.

Налицо ситуация, где борются два положительных начала, а когда что-то с чем-то борется, то одно неизбежно побеждает. И вот — парадокс! — побежденное человеческое стало как бы ухмыляться над победившим гражданским. Да, мол, какой ценой победа-то, а? Укоризна в суде, праведная укоризна, спору нет.

Но, представьте себе, ведь и в случае победы человеческого гражданского стало бы укорять своего победителя точно теми же словами и аргументами. Да, мол, какой ценой победа-то, а? Преданием долга, обязанностей, профессиональной истины? Разве же это морально, по-человечески?

Вот такой парадокс. Избирая гражданское, иногда попирают человеческое, избирая человеческое, иногда вынужденно попирают гражданское.

Таких парадоксов в жизни великое множество. Причем очень часто третьего не дано, и действительно приходится выбирать. Правда, на мой взгляд, в ситуации Александра Козаря такое третье, теоретически по крайней мере, могло бы быть. Подчеркиваю — теоретически, хотя, коли уж мы говорим о таких материях, как нравственное и гражданское, материю эти распространяют на всех действующих лиц конкретной ситуации, а не на одного лишь Козаря. Ведь бывший начальник цеха, ждущий пенсии, тоже не абстрактная фигура, а живое лицо. И, я полагаю, именно ему можно предъявить определенные — в данном случае и человеческие и гражданские вместе — требования.

Итак, пожилой человек, инженер, судьба и жизнь которого для нас — загадка. Однако при всех привхо-

ВЫБОР

ИЛИ РАССУЖДЕНИЯ

дящих личностных обстоятельствах остаются все те же важные всякому критерии: совесть и дело.

Если дело не получается, не по совести ли будет отказаться от него, отойти в сторону, передав дело другому, более профессиональному? Нет ли нарушения принципов чести и совести в том, что, не справляясь с делом, человек все же сидит на должности, от умелого исправления которой зависят судьбы многих людей, работа цеха и всего завода? Нет ли определенной меры бессовестности в том, что человек не способен или не желает объективно, по совести дать оценку самому себе? Разве такая оценка не совестливое, не честное, не человеческое и в то же время не подлинно гражданское дело?

Ситуация, разбираемая здесь, явно экстремально-го, как нынче говорят, конфликтного свойства. С возможными инфарктами, ощущением несправедливости, чье-то карьеризма и прочими болезнями моментами. Человек, всю жизнь хорошо работавший, в конце долгого пути выдохся, а признать этого не хочет — это тоже острый вопрос.

Но есть и другой вариант. Человек, много лет работавший начальником цеха, не только план выполнял, но еще и воспитывал людей. В таком случае рядом с ним непременно должны подрасти единомышленники, профессионалы, мастера — те, из кого он может спокойно, без спеха и инфарктов подготовить себе достойную смену. И сам же власть свою передать собственному дорогому сердцу ученику.

Красиво-то как! С точки зрения формы — бесспорная преемственность, с точки зрения содержания — продолжение твоего дела с пользой делу общему.

Когда говорят об учителе и учениках, чаще всего подразумевают школу, профтехучилище, ну, седую со старости мастера, который наставляет окружающий его молодежь. Дальше фантазия, кажется, не идет. Но загляните в науку! Какой уважающий себя академик, глава научной школы не назовет — да и не одного, а пяток, десяток! — сменщиков себе. В армии по штатному расписанию известно, кто кого заменит, если грянет бой и погибнут командиры. Так почему же столь редко и неохотно говорят о смене на уровне начальника цеха, производственного подразделения, бригады? Ведь если и говорится и думается, так директором или главным инженером, как в случае с Александром Козарем, а не самим начальником цеха. Решения же вверху при всем безусловном их уваже-

нии не всегда способны учесть то, что известно внизу, например, в цехе.

Итак, в выборе между нравственным и гражданским, в выборе, где для одного человека может и не оказаться выбора, вмешательство нравственного и гражданского со стороны может изменить ситуацию, освобождая человека от «криминального» решения.

Восхождение к новой профессиональной и деловой высоте может происходить почетнее, безболезненнее с точки зрения нравственной и плодотворнее, продуктивнее с точки зрения деловой. Но возможно это чаще всего при вмешательстве со стороны — именно со стороны и стороны заинтересованной, «обиженной» — точнее, способной обидеться в потенци, — а не сверху.

Собственно говоря, в этом и заключен главный момент производственной (подчеркну — производственной, а не рабочей; это разное) педагогики: подготовлена безболезненная, преемственная смена лидеров в руководстве цехом, участком, бригадой, или делается это в пожарном порядке, спешно, по необходимости.

Идеально, когда начальник цеха готовит себе смену, — в данном случае он педагог. Ибо в обязанности педагога входит возвращение воспитанника, предоставление ему возможности для самостоятельного полета.

Когда мы воспаряем, нам кажется, что любимые учителя наши остались где-то внизу, ниже нас по уровню знаний, информированности. Но ведь наша любовь к ним от этого не становится ниже, меньше, снисходительней.

осложнением, — которое читатели не заметили. Козарь так уверен в себе, что внутренне готов посягнуть на пост главного инженера. Нынешний раздражает его слабыми решениями. Что ж, раздражение это понять можно, если оно не субъективное ощущение, а объективно выверенная оценка. Но вот сомнения — их бы тоже хотелось усмотреть в его письме! Есть, правда, сомнения в том, что решения главного инженера компетентны, что ж, допустим, это истина, но что будет, если ему, Александру, предложат занять нелегкую эту должность? Справится ли?

Сомнения этого нет, а оно должно быть. Переоценка самого себя, излишняя самоуверенность? Скорей всего именно так. И это осложнение, этот пропуск в исповеди Александра Козаря — чрезвычайно печальное обстоятельство.

— Хочу быть первым! — восклицает он.

— Ну что ж, в добрый путь, — отвечаем мы с читателями.

— Я созрел даже для должности главного! — утверждает он.

— Э-э, батенька, торопись, — сомневаемся мы.

И кроме этого посягательства — неосторожного, немудрого, не обеспеченного пока ничем, кроме трудолюбия, настойчивости, умения организовать рабочих цеха на выполнение плана, — есть еще множество нерешенных проблем, которые в деяниях главного инженера возрастут во много крат, мешая уже не лично Александру Козарю, а большому делу.

Вот они, эти неодоленные вопросы:

— «силовая» работа с кадрами: на этом далеко не уедешь;

Но вот тут наши производственные судьбы с А. Козарем в корне расходятся.

Мой начальник цеха, как говорится, с мастеров «три шкуры дерет» (хотя ни разу никому из них не оплатил работу в выходные дни). Поэтому планы участками постоянно перевыполняются, и цех не из последних в производстве.

А Козарь мгновенно сориентировался, результат налицо. Он руководитель цеха.

Я же в итоге подал заявление о переходе, отказавшись, как ни кажется это странным, от ближайшей перспективы назначения начальником участка.

Почему? Да потому, что я понял, причем буквально через месяц после начала работы, что в цехе сложилась такая «гнилая» атмосфера угодничества и чинопочитания перед «шефом», которая постоянно выводила меня из себя.

Начальник цеха — царь и бог, только он имеет право, например, поощрить или не поощрить человека из фонда мастера, хотя название фонда говорит само за себя и мастеру виднее результаты работы этого человека; только начальник цеха вправе делить отпуска рабочим (благо, их в цехе не так много); только он вправе назначить (?) кандидатуру секретаря комсомольской организации цеха, «сориентировать» кого нужно за три дня до собрания и т. д. и т. п.

Те, кому все это не нравится, попадают в «опалу». И мое возможное назначение начальником участка я должен был воспринять как некое благодеяние с его стороны, то есть должен был попасть в число «своих».

Кроме того, мне кажется, что руководитель, не здоровающийся с людьми, с которыми он работает, недостоин вообще никакого уважения, если не сказать больше.

Вот с таким тяжелым чувством я проработал полтора года и, когда, наконец, сменил работу, почувствовал себя, поверьте, нормальным человеком. Теперь на работе не надо постоянно действовать «с оглядкой», выслушивать «разносы» за непокорность, узнавать, «с той или не с той ноги» сегодня встал «шеф».

Так что можно считать, что я не захотел «быть первым у наипервейшего» (кстати, само по себе это уже не «первый»). И еще ни разу я не пожалел об уходе, хотя немного проиграл материально.

А окажись на моем месте А. Козарь и разверни он такую бурную деятельность (которую описал в своем письме) по продвижению своей карьеры, то или же он вскоре был бы начальником участка и «плясал» бы под дудку «шефа», или же в противном случае ему просто бы «обломали рога».

Об этом говорит тот факт, что за время работы «шефа» в цехе вынуждены были уволиться один его заместитель и три мастера.

Вот такая история.

А теперь давайте — благо, в рассуждениях это возможно — поставим Александра Козаря со всеми его верными и ошибочными установками в эти обстоятельства. Поставим его на место Сергея Сергеева. И посмотрим, что изменится.

Да все, решительно все.

Обстоятельства, а значит, жизнь, ставят вопросы совершенно иные, и эти новые вопросы очень четко расставляют акценты над всеми прежними посягательствами Александра Козаря.

Первое. Принимая главный порыв киевского инженера, едва ли не все читатели возмущались его самонадеянностью: он высоко ценит себя, и в конкретных условиях конкретного цеха пока самонадеян Козарь не получило ощутимого удара. В новых условиях, то есть тех, которые описывает С. Сергеев, это первое, что его ожидает.

Ты высокого мнения о себе? Так это мнение вдребезги разобьется, ударившись о такую «глыбу», как здешний начальник цеха. Ему наплевать на самонадеянность любого, точнее же, не наплевать; он растопчет любое самонадеянство. В обстоятельствах, когда в цехе действует энергичный тиран, возникновение любого мнения, а не только фигуры с самонадеянностью превращается для тирана в первейшую моральную проблему: ведь для того, чтобы он властвовал, ему нужны не личности, а серые исполнители.

Второе. Не узнал ли себя Саша Козарь? Ну хоть на чуточку? Серость — такая оценка людей из его же словаря. Нет ли чего-то общего в оценках людей у того производственного тирана и интеллигентного рационалиста Козаря?

Да, это вопрос, и серьезнейший.

Третье. А, может быть, первое. Допустим, Козарь пришел в такой цех. Разобрался в обстановке. Коли план выполняется, цех не из последних, возникает естественный вопрос: надо бороться.

ЦЕЛИ,

О СМЫСЛЕ БЫТИЯ

Благодарность учителю в том и состоит, что мы знаем его великодушие, по которому он в один прекрасный момент отступает в сторону, чтобы дать дорогу вверх.

Производственная педагогика — а такая, я уверен, должна существовать — в смысле великодушия ничуть не отличается от педагогики школьной.

Пожалуй, мы достаточно детально исследовали главный порыв Александра Козаря, так сказать, изучили ствол этого дерева и оценили этот порыв в основном знаком плюс.

Пока работал мастером, в цех приходил первым, уходил последним, участок свой через год вывел из прорыва, а став начальником цеха, вывел из прорыва и цех. Дело, как говорится, сделал.

Но от чего же его — да и нас тоже — грызут сомнения?

Да потому, что у ствола есть ветви, и это обязательно. Ветви, когда дело касается дерева, имеющего, так сказать, общественное значение, могут оказаться вовсе другой породы, чем само дерево. Вроде как привиты от других растений. И не всегда благородных пород. Бывает, от сорняков.

Что это значит?

А то, что хорошему, общественно справедливому порыву могут сопутствовать побочные явления, дополнительные, что ли, подробности, которые своим звучанием, характером, даже интонацией способны если не перекрыть главную мелодию порыва, то сильно изменить впечатление о ней.

Это вроде осложнений у выздоравливающего. Главный фактор хорош, ничего не скажешь, человек поправился, а вот вдруг голова болит ни с того ни с сего, или в ухе стреляет, или сердце дает перебои — как с этим быть? Чего тут больше — хорошего или плохого?

В письме Александра Козаря слышатся такие же осложнения.

Вроде бы правилен главный порыв, мы его принимаем, как говорят на собраниях, в основном. Но есть целый ряд поправок. Целый ряд вроде бы подробностей, но с ними мы не согласны.

Об этих ветвях от других деревьев, об этих осложнениях достаточно подробно размышляли читатели в опубликованных «Сменной» письмах.

Но вот одно осложнение — теперь это видится

— деление людей на категории, а это значит — недооценка кого-то: она рождает недоверие, обиду;

— отсутствие друзей: разве возможно это в большом деле;

— личная ограниченность: она тоже может сказаться совершенно неожиданно и в обстоятельствах совершенно нежданных;

— излишняя холодность и деловитость: это она подарила кличку «ЭВМ», это она создает ощущение, что молодой начальник расчетлив и не пожалеет ничего для достижения цели;

— излишне высокое самонадеянство: оно может отлиться в формы больших, непредсказуемых бед.

Этот реестр можно бы продолжить.

Он важен, если Александр Козарь — человек, искренне и по-человечески служащий своей цели, — ищет ответа на вопросы, которые мучают.

Хочется верить, что это так. Хочется верить, что его осложнения — детские болезни, которые излечиваются, когда приходит взрослость и мудрость.

Об осложнениях Александра Козаря можно было бы говорить подробно, анализируя отдельно, исследуя варианты, размышляя о нравственных потерях, которые грозят ему.

Но — неожиданно — один из читателей, по примеру Владимира Владимировича назвавшийся Сергеем Сергеевым, предложил Александру Козарю иные, собственные обстоятельства, совершенно отличные от тех, в которых оказался киевский инженер.

Впрочем, вот это письмо.

«Мне 25 лет, инженер. Причем имею как полуторагодовой стаж работы мастером, так и почти уже годичный стаж работы в одной из лабораторий завода.

По распределению я пришел на завод работать мастером, исключительно по собственному желанию, хотя, имея «приличный» балл, мог выбрать работу заводом спокойнее. Согласен с А. Козарем, что работа мастера неблагоприятная, выматывающая нервы.

Но в отличие от А. Козаря производственный участок мне достался, по нынешним меркам, «приличный». Рабочие в основном старше 30 лет, добросовестные, исполнительные люди. Пьяниц — только двое из 40 человек. План — вполне реально выполнимый. Казалось бы, работой себе да работой.

Но с чем?

С невыполнением плана, простоями, неритмичностью и прочими производственными бедами? Нет, здесь это не годится.

Выходит, с нравами. С искривленной, деформированной моралью, за иную, светлую обстановку в цехе.

И тут Козарю предстоит решить две проблемы для самого себя. Одна из них: готов ли ты бороться? Ведь здесь борьба — это нечто совсем иное, чем там, в Киеве, она отнимает силы, предполагает не только победы, но и поражения. Да и цель весьма туманна, ее не все поймут.

В Киеве все было проще — план и его выполнение, лучшая организация, совершенствование управления. Здесь все это есть, и, чтобы выбрать борьбу, нужно иметь совсем иное, чем в Киеве, основания: нужно обладать иной моралью, нужно самому быть высоко нравственным — и производителем и человеком.

Таков ли ты? Это и есть вторая проблема.

А еще в борьбе нужны союзники, возможно, тот самый середняк, который до сих пор вызывает у Козаря кривую усмешку.

Не нужна холодность и расчетливость, за которую дают кличку «ЭВМ», — при этих качествах, вполне возможных или хотя бы допустимых в иных обстоятельствах, здесь за тобой никто не пойдет.

Немыслимо и отсутствие друзей: в драке одиночки проигрывают, да к тому же цеховой сатрап наверняка не одинок — «обложился» своими льюдями. «Хочу быть первым» Александра Козаря вызовет в этом цехе гомерический хохот злодея и непонимание «серого» большинства.

Борьба без принципов немислима, а чтобы иметь принципы, надо иметь убеждения более значительные, нежели убежденность в собственной непреодолимости или в том, что люди делятся на серость и на избранных.

И, я полагаю, здесь мы выходим на одну общественно важную тему. О возможности, способности, умении, подготовленности молодого человека вести борьбу за истину в условиях производственного коллектива. Точнее, молодого инженера, специалиста.

Как хорошо понятно, институт не только образовывает, но и воспитывает. Но воспитывает ли он бойца, человека, способного противостоять не только производственным, но и моральным деформациям? После института молодой инженер знает, как организовать производство, что сделать с точки зрения организации труда, чтобы поправить дела на участке, в цехе. Но уж как бороться с производственным деспотом, да еще умным, толковым, с точки зрения заводской, деловой, как нынче принято выражаться, — на эту тему высшая школа молчит. Инженерная психология отнюдь не в родственных узах с инженерной педагогией.

А теперь самая пора вернуться в цех, куда мы «перекинули» Александра Козаря. И где не выдержал испытания Сергей Сергеев.

Разве действия властного начальника цеха, создавшего вокруг своей персоны обстановку угодничества, делящего сподвижников на своих и чужих, поощряющего поклонение и молчание, — разве практика (и теория!) этого человека не обладает мощным педагогическим зарядом, причем слово «педагогика» я употребляю здесь со знаком минус. Отрицательная педагогика, минусовая педагогика, значение урока, которым обладает отрицательный пример — пример не разоблаченный, не развенчанный, а процветающий, — все это реально существующие силы.

Но коли они существуют, им должно противопоставляться не умозрительное, не теоретическое, а действительное добро.

Что толку тихо возмущаться?

Что толку желать поправить, но не уметь?

Технар, спец — это ведь лишь профессиональная характеристика. Бездушный технар и спец как раз и есть та «ЭВМ», именем которой прозвали в Киеве Александра Козаря. Профессионал с душой — это человек. И технических высот ему мало. Ему нужна высота человеческая. Нравственная.

И вот тут требуется, чтобы он был бойцом, личностью с мировоззрением, убеждением, с умением распознать, что хорошо, а что плохо не только для производства, но и для морали, и со злом вступить в бой. Вступить в сражение с отрицательной педагогией, суметь противопоставить ей и профессиональные знания и моральные убеждения.

Сергей Сергеев пишет, что, став начальником участка — а такая перспектива ему «светила», — он стал бы «плясать» под дудку шефа или бы ему просто «обломали рога». «Рога» Сергееву оказались дорожке, и он ушел на другую работу.

Что бы стало с «рогами» Александра Козаря?

Ответить на этот вопрос невозможно. Протирал бы замшевой тряпочкой, полируя, любуясь ими, но не пускал в дело? Возможно. Пустить их в дело, броситься в бой ему бы, пожалуй, не позволили собственные моральные устои.

Ну, а вдруг?

Вдруг бы проснулось все хорошее и исчезло, растворилось все наносное, дурное? Вдруг бы окружающая «серость» обратилась в один прекрасный миг плотным рядом дорогих лиц, способных понять, поддержать, вступить в бой? Талантливость ведь чаще всего ни при чем, когда речь идет о моральной истине. Ее и неспособный способен осознать, поддержать, подать за нее свой голос?

А если дело повернулось бы так, я уверен, и главное желание — стать лидером, возглавить цех — обернулось бы совсем другим, очень человеческим: добиться истины, добиться, чтобы восторжествовала правда, а зло погибло.

Разве человек, возглавивший эту борьбу, не истинный лидер? Разве не ему, если он к тому же толковый инженер, отдаст предпочтение коллектив да и начальство тоже, когда речь пойдет о новом начальнике цеха?

Активная жизненная позиция. Это не надуманная формула. В сущности, этими словами определяется нравственная гражданственность любого человека. Не зря же именно партия выдвинула эту важную и нужную формулу.

Формула эта, на мой взгляд, предполагает определенное условие, от выполнения или невыполнения которого зависит, работает эта формула или нет. Условие это — гармония. Гармония гражданского и нравственного, человеческого и, выходит, личного.

Применяет лично к себе человек необходимость вмешательства, коли встречается с несправедливостью, — значит, гармония достигнута. Не применяет — значит, формула зависнет в воздухе, как голое пожелание, нереализованный тезис.

Нет, все-таки, как ни крути, не выставляется Александру Козарю в целом плюс. Мелочей нет. Из мелочи может вырасти слон, попади она, эта мелочь, в другие условия. Прокламация добра обернется действительным злом, коли нарушишь гармонию.

И хотя плюс в результате нашего эксперимента Козарю не выходит, нам, да и ему тоже, я думаю, ясен путь, которым надо следовать, чтобы достичь искомой гармонии.

Ясны принципы, которые нельзя нарушать, если даже их нарушение когда-то прощается.

Таким образом, реальные беды Александра Козаря — полубеды. Беды исправимые.

Вот, пожалуй, и все о желании быть первым.

Хочу быть первым. Не хочу быть последним.

Кажется, между двумя этими фразами можно поставить знак равенства. А подумаешь: нет, нельзя.

Особенно, если, как говорится, налицо подмена понятий. Подмена целей.

Нет, что ни говори, но как бы ни старались мы заподозрить Александра Козаря в несомненных грехах, ему невозможно отказать в главном — в правильности его социальных устремлений. Так он ищет себя или не так — это мы уже разбирали, — с ошибками или без ошибок, но он прилагает свои силы именно там, где это необходимо, в силу его социальных (по образованию, распределению, предназначению) и душевных обязанностей.

Дело вроде бы элементарное, понятное — ан, нет, и оно требует разбирательства, оказывается.

Начнем, пожалуй, с тезки Владимира Владимировича — товарища Саши Козаря, который, получив диплом инженера-конструктора, ушел в наладчики станков. Процитируем слова этого Володи, сказанные Козарю: «Отработал восемь часов — и свободен. И отвечаю только за себя, не то что ты, бедолага». Встреча та, как вы помните, закончилась едкой фразочкой бывшего инженера: «Ну, как твоя карьера? Куешь помаленьку?»

Вроде как, уйдя в наладчики, этот душа-парень одержал еще и моральную победу над Козарем, а теперь вот, видите ли, празднует ее, всаживая «карьеристу» неприятную шпильку.

Эта ситуация не осталась незамеченной читателями. Некоторые наладчика поддержали, как бы разделили его победу: дескать, по крайней мере честно ведет себя человек, не сумел быть хорошим инженером, так стал наладчиком.

В этом как бы ответе есть несколько умолчаний,

прямо скажем, непростительных умолчаний. Ведь Володя ни словом не обмолвился, что он не стал хорошим конструктором и оттого подался в наладчики, вовсе нет, он напирал совсем на другое — на свою свободу («Отработал восемь часов — и свободен»), на свою неотвеченность («И отвечаю только за себя, не то что ты, бедолага»). Кстати, стал ли он хорошим наладчиком — тема тоже ведь лишь предполагаемая, затемненная и — весьма допустимо — сомнительная. И вот все это — в поперек Козарю.

Однако — и здесь достаточно одного лишь здравого смысла, не требуется никакой специальной подкованности — вполне очевидно: Козарь хочет принять на себя повышенную ответственность, а бывший конструктор — с себя ответственность снять. Хорошо. Даже если идти, на мой взгляд, от крайнего, от абсурдного, предположив, что Козарь — голый карьерист и больше ничего, — а такая крайняя оценка встречается в некоторых письмах, — то ведь и тогда будет ясно: карьеризм — не категория долга, а вот уклонение от ответственности, нежелание отвечать за обязанность, данную образованием, — безусловно, не из гражданских деяний. Это не что иное, как уклонение от долга.

Впрочем, на свои шпильки Володя, человек с «легкой» совестью, мог бы иметь право. Однако лишь в том случае, если бы не заканчивал институт, а после училища, техникума или иной специальной подготовки прямо и шел в наладчики. Как известно, профессия наладчика (за редким исключением, за таким, к примеру, как настройка ЭВМ или суперсложных станков) не требует высшего образования. Не требует пяти лет учебы и огромных государственных денег, которые истрачены на Володю, не желающего исполнять свой профессиональный долг. И вот уже тут между словами «профессиональный» и «нравственный» я бы поставил знак равенства.

В этом раскладе мораль Саши Козаря мне куда больше по душе, чем мораль личности, которой недостает совести исполнить свои профессиональные обязанности. И что стоит после этого его общительность, душевность, умение играть на гитаре? Козарь не спешит зачислять своего приятеля в неудачники и правильно делает. Он не неудачник. Его покой и нежелание ответственности умышленны, а оттого злостны. Поступок Володи превращается из дела вроде бы сугубо личного в печальное явление — общественную пассивность, общественную уклончивость.

Вот мы говорили об активной общественной позиции — так здесь налицо пассивная общественная позиция. Да, да, позиция. Уклонение от долга — это тоже позиция, да еще какая!

Собственно говоря, бывший конструктор Володя — человек, не лишенный для кого-то внешней привлекательности (гитарист, добряк) и даже псевдорыцарства (пошел в рабочие с дипломом инженера — вот уж нетцеславная личность), — всего-навсего пролог, предисловие, не до конца испорченный предшественник куда менее симпатичного Владимира Владимировича.

Многие читатели на его исповедь откликнулись жестко и однозначно.

Резкость общественного мнения в оценке жизни Владимировича очевидна и понятна. Открытость его письма отдает не честной откровенностью, а цинизмом преуспевающего дельца.

Александр Козарь хочет быть первым в деле. Если бы речь шла только о профессионально-личном его первенстве, не возникло бы даже предмета спора. Но он имеет в виду первенство над людьми, первенство в управлении, а всякое руководство — дело неоднозначное, требующее еще много иных нравственных достоинств. Это мы выяснили.

Но вот В. Владимирович говорит вроде бы о сугубо личном — о том, что в свободное свое время он не пьянствует и не бездельничает, не лупит козла во дворе, а зарабатывает деньги, создает материальное благополучие, в сфере которого он не хочет быть последним.

Он не утверждает, что хочет быть первым. Нет. Просто не хочет быть последним. Всего-то.

Вот и вышли мы к главному: ради чего жив человек? Во имя чего?

Помните давнее, гетевское: «Люди гибнут за металл».

Что же выходит? Времена сменяют друг друга, на дворе иная социальная система, а герои Гете, пушкинский скупой рыцарь — пусть в иной одежке, без доспехов, — живы, живы?

Для чего? Чтобы доказать вечное всеислие денег, власть вещей, превосходства материального над моральным?

К счастью, дело обстоит не так.

Бесребреничество истинного гуманизма, власть доброты и милосердия новое общество и доказало и утвердило как один из главных своих принципов. Непростая наша эпоха в самые тяжелые дни жизни — войну, послевоенную голодуху — негромко, но твердо демонстрировала такие горные высоты духа, отзывчивости, бескорыстия, каких не знавала земля до сих пор, до наших, до советских пор. Спасение другого, чужого, жертвуя собой, усыновление неизвестных детей — более сорока — одним лишь любящим сердцем, пополам последняя горбушка, и вот что поразительно: чем горше доля, чем круче беда, тем мягче и сострадательней люди, тем ближе они друг к другу.

Слов нет, испытанный бедой отличен от того, кто не знал страданий. Не зря ведь живы старые поговорки, среди которых, к примеру, и такая: «Сытый голодного не поймет».

Все это так, миропонимание, мироощущение — личные, не заемные из книжек и школьных уроков, а самим собой, своей жизнью проверенные, отличаются у тех, кто страдал, и тех, кто знает об этом понаслышке.

Что же делать? Смириться с этим? Принять как окончательную, неодолимую данность — порог отзывчивости, порог поколений?

Нет и нет!

Обратим взор наш к истории, ее нравственным урокам.

В славной ленинской когорте рядом с рабочими было немало выходцев из дворян, из семей состоятельных, обеспеченных. С точки зрения обывательской, они, эти дворянские дети, «с жиру бесились», ведь у них все было для хорошей, сословной жизни.

Ан нет! Отказывались от имущества, от дворянства, билась за идею равенства, в том числе материально-го, шли на каторгу, в ссылку.

А народничество со всей его исторической наивностью? Разве в его подвижничестве не заключалась высокая нравственная идея — поднять крестьянство и рабочих, возвысить его грамотность, а потом и сознание, поделиться, таким образом, с народом своим знанием и добиться социального равенства?

А декабристы, хотя они и «страшно далеки от народа»? Разве они не преподавали сотни уроков самоотреченности во имя идеи, разве сильные не протягивали руки слабому?

И разве эти примеры не есть убедительное отрицание поговорок: «Сытый голодного не поймет»? Понимали, да еще как!

И причины не в собственных, лично испытанных страданиях, а в воспитании, душевном складе и, самое главное, в убежденности, в идее.

Глубоко уверен — это и есть ключ к воспитанию, к созданию высокой нравственности уже наших, нынешних поколений, худого, как говорится, лично не познавших.

Да, есть отзывчивость, воспитанная собственным страданием. Высокая, чтимая душевная категория.

Но есть и другая — воспитанная, идейная.

По медленной спирали восходим мы вверх, порой считая по ошибке давно пройденное неважным для нас. «Это было раньше! Сейчас по-другому!» — совсем как в старой литературе, помните: иные времена, иные нравы!

Иные! Конечно, иные! Споры нет. Только зря, кто воскликает так, считая мотивировки эти оправданием им. Времена другие, верно. И есть миллионы примеров, когда юные, не прошедшие испытания лихом, поступают по совести. Дети наши собирают подарки кампучийским сверстникам. Студенческий стройотряд назвал себя отрядом безвозмездного труда и все деньги, заработанные летом, отдает детскому дому.

Вот еще один пример. Совсем юная мать прямо в роддоме отказалась — какое бесчестие! — от своего ребенка, а другая мать — не менее юная — тут же этого ребенка взяла себе, вышла из больницы с двумя детьми. И ее юный супруг не гневен, а счастлив.

Вот вам один всего случай, но в нем вся сложность жизни нашей — темное и ясное, глупое и мудрое, злое и доброе.

Верим мы — хорошее побеждает, так или иначе, а побеждает, с потерями, с болью, страданиями, а не может не победить. И все же дурное сильно тоже. Наивно полагать, будто рядом с идейным не сосуществует безыдейное, рядом с радостным — горестное. Единство и борьба противоположностей, ничего не попишешь. Это ведь безыдейное, корыстное, себялюбивое подает голос, требуя реабилитации, восстановления себя в своих пошлых правах: это было раньше! Сейчас по-другому! Иные времена, иные нравы!

Что ж, коли так, надо, значит, без устали повторять прописные истины, среди которых истина о смысле

жизни, о цели ее, о том, что погоня за материальным в ущерб моральному не одну еще юную шею сломают.

«Люди гибнут за металл!»

Хоть выглядит этот девиз нынче и совсем по-другому, а жив, жив, к несчастью.

Помните письмо Виктора Левкина из Красноярска, которого стяжательство опалило на семейной, так сказать, основе. Он лицо пострадавшее и в данном случае охолонувшее, понявшее, что к чему. Заметим, к слову, что семейные отношения, их обнаженная прямота были, вероятно, стимулом, сперва ускорившим движение к заветным тысячам с самогоном, а потом от них.

Так бывает.

Читательская почта замечательна тем, что она многовариантна, как сама жизнь, и позволяет выслушивать не только аргументы против В. В., как для краткости прозвал Владимира Владимировича инженер из Красноярска, но и за.

Г. Денвер из Фрунзе, к примеру, как поиском философского камня, занят отысканием наивной альтернативы, некоего среднего пути между выбором Александра Козаря и В. В. С его точки зрения, эта альтернатива способна сгладить противоречия между достойной моралью и материальными высотами.

Автор этого письма сам прекрасно понимает, что соединение престижного (материальная сторона «кандидатства») с интересным (наукой) оборачивается — если это голое «рацио» со всеми вытекающими из него обывательскими последствиями, когда стремление «защититься» — всего лишь способ безбедно жить, а не сказать свое слово в любимом деле, — все теми же рассуждениями «что почем» и, безусловно, еще более пошло, чем откровенное «сколачивание» материального благополучия.

Недостаточно накопить книг и считать себя личностью духовно богатой. Не сделает этого и коллекция самых новомодных пластинок. И если из театра не вылезать — тоже ничего не добьешься, пока все составные части — знания, понимание и дело — не двинутся с мертвой точки, не придут в согласованное соединение, не шагнут вперед.

Вполне охотно соглашаюсь, что нужны джинсы или еще что-то модное, что никто не хочет ни от кого отставать, что фирмы, циклюющие полы новоселам, еще слишком нерасторопны, и нам приходится обивать двери силами услужливого обойщика с рулоном красивого дерматина в руках: сам звонит, сам предлагает: не желаете?

С одним не могу согласиться, что одежда — пусть даже самая наимодная — часть духовной жизни.

Одного не могу решительно принять: что превращение рубля в божество и есть вера нашего времени.

В. В. марксову формулу «товар — деньги — товар» в институте хорошо запомнил. Выучил назубок. И теперь ищет первенства в материальном, умышленно обманывая сам себя. Точнее, он исповедует идею, которая ложна, фальшива, как осколок стекла, выдаваемый за бриллиант.

Всякий обман — дело непростое, он похож на болотце. Сверху вроде приятно-зеленое, неопасное, похоже на лужок, манит. Скажешь себе: я чуточку, недалеко, обману себя на минутку, чтоб мне хорошо стало, а потом, глядь, засасывает тебя трясына, обманул ты сам себя не на чуточку, а до конца, до дна.

Так и В. В.

Дай, говорит, стану зарабатывать, заживу хорошо, избрал свой тайный ход с помощью родственника. Купил мебель, машину, вон даже «Венеру» за четвертной способен взять у таксиста, не глядя — как купчишка. Нет, дело не в картине, не в «Венере» и не в духовной жизни: ее, пожалуй, уже и нет, — а в возможности вот так лихо щегольнуть перед самим собой: не глядя, взять «Венеру». Бедная «Венера» не поняла, как товаром стала — вроде бутылки водки, она у таксистов тоже встречается, вроде кофты, японского зонтика или еще чего.

Интеллигент — а В. В. с высшим образованием, — способный упиваться деньгами, их властью, всякую интеллигентность теряет автоматически и безоговорочно. Если деньги неожиданно оказываются главным смыслом жизни, отодвигают локтями работу, ее интересность, долг и на первый план в человеческом миропонимании по-родственному проталкивают вещи — машину, мебель, одежду, — это означает только одно: человек перепутал, зачем он живет.

Перепутал цель, смысл собственной жизни.

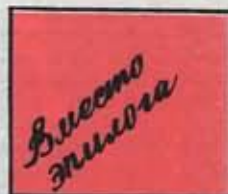
Упивается машиной, а сам уже давно на дне своего болотца. Гордится деньгами — потерял себя. Можно, конечно, и машину иметь. Деньги тоже не помешают. Но лишь в одном случае, когда ни деньги, ни машина не становятся смыслом жизни, ее конечной целью.

Когда под ноги им не швыряют ни дело свое

главное, ни отношения с друзьями, ни долг, ни совесть.

Он не хочет быть последним, наш откровенный В. В. Это сначала. Потом захочет быть первым.

Не в деле, не в профессии. Среди денежных людей. Вот простота, которая, скажем так, не лучше воровства.

кому ее образу, за невмешательство и неясность личных целей.

Ах, люди! Ах, молва! Как часто наши понятия стереотипно неподвижны, и сколько требуется сил, чтобы сдвинуть их с насиженного места!

А ведь между тем не кто другой, как древний Эпикур, сказал мудрое и столь важное в нашем разговоре.

«Из желаний, — сказал он, — одни естественны и необходимы, другие естественны, но не необходимы, третьи же не естественны, не необходимы, но порождены пустыми представлениями».

Пустыми представлениями? Как всегда, великое просто. Ведомые пустыми представлениями «люди гибнут за металл», гибнут и в наше, все понявшее время. Гибнут, как будто не было ни Эпикура, ни Гете, ни Пушкина, ни миллионов других примеров, доказавших, что смысл жизни — в ином.

Гибнут, ломая себя, своих близких, считая важной целью то, что материально, но что не создает еще само по себе духовной, осмысленной, полной жизни.

Вспомним вечный вопрос: как же жить? Во имя чего? Быть или не быть? И какие выводы надо сделать из двух писем Александра Козаря и В. В. и рассуждений, следующих за ними?

Нужны ли, должны ли следовать какие-то еще выводы?

Верно, многое сказано впереди. И все же, к чему педагогика, воспитание, вся духовность нашего общего мира должны стремиться, как работать, чтобы люди, знающие теорию смысла жизни, на практике не принимали за жар-птицу синюю, хоть и калорийную с точки зрения здравого смысла курицу?

Ну, например, сдерживать или развивать стремления с детства? Но что значит человек без стремления?

Быть первым — неужели так плохо это желание? Хорошо в состязании, и не только в спортивном, а профессиональном или научном. Быть первым среди людей не хорошо и не плохо, а сложно, и к этому надо готовиться, вырабатывая в себе сложные нравственные достоинства. Но убивать в себе тягу к первенству — то же самое, что ломать мотор в самолете.

Неужто деньги — такое зло? Не добро и не зло. Необходимость. Классики философии — помните? — утверждали, что в будущем золотом будут украшать общественные туалеты. Пока же без денег не обойтись и, воспитывая отношение к деньгам — а отношение надо воспитывать! — нелишне вспоминать, что деньги есть мера труда и к ним надо относиться бережно, почитать и свою и чужью работу.

Мы отрицаем аскетизм, это утверждено устами партии. Мы за соединение материального с моральным. За гармонию между тем и другим.

Подумайте перед сном о прожитом дне: была ли гармония?

Выполнив план на заводе, не прошли ли вы потом мимо слепой старухи на дорожном переходе, не протянув ей руки?

Не отступили ли от истины в важном разговоре, поддакнув тому, кто сильнее?

Не сделали ли хуже то дело, которое могли бы сделать лучше?

Не забыли ли просьбу товарища?

Или, может, обманули кого — во благо, конечно же, этого, обманутого? Или солгали? Или обрадовались чужой беде? Позавидовали чужому успеху, говоря при этом о тяжести зависти?

Если было все это вместе или хотя бы одно лишь только за прожитый день, если вы признались себе честно: «Да, это было», — я желаю вам бессонной ночи в думах о себе.

Если бы кто-то когда-то одной фразой смог выразить смысл жизни! Но одной такой фразы нет. Смысл состоит из многих составных.

Биться, думая о них, — участь человека.

И находить. И становиться лучше.

НЕПОХОЖИЙ ДВОЙНИК

Николай
ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

Георгий Волонтир в отличие от старшего брата прямого отношения к этим зверствам не имел. Немцам он не служил, видимо, по двум причинам: не подходил по возрасту и из-за врожденной хромоты. В свидетели попал потому, что, проживая в тот период под одной крышей с Дмитрием, многое видел, о многом мог рассказать трибуналу. Однако в протоколе судебного заседания его допрос умещался всего на нескольких страницах, в основном ответы на вопросы членов трибунала, прокурора и адвоката. Это означало, что в суде Георгий Васильевича ловили на противоречиях, и возникала необходимость напоминать ему его собственные, более ранние высказывания. Была, например, в протоколе следующая строчка: «Председательствующий оглашает лист дела 87, том I». Открываю нужный том, читаю. Показания, данные свидетелем Волонтиром на предварительном следствии. Читаю внимательней. Противоречия действительно имеются: сначала он говорил, что брат часто возвращался домой посреди ночи и приносил с собой имущество, награбленное у расстрелянных за городом людей. В суде от этих показаний Волонтир-младший отказался. Вопрос председательствующего:

— Свидетель, когда вы говорили правду, тогда или сейчас?

Ответ Волонтира: — Сейчас.

Председательствующий: — Ваш старший брат не приносил с собой ценности, золото, одежду расстрелянных у рва людей?

Волонтир: — Нет, не приносил.

— Почему же вы утверждали, что приносил, и даже называли конкретные вещи и предметы из награбленного?

Волонтир: — Объяснить не могу. Прошло много лет.

Всегда и больше всего я боялся предвзятости. И все же пройти мимо столь явного сходства между Георгием Васильевичем и Красильниковым не мог, и вовсе не потому, что постоянно искал сходства, нет, но было что-то общее в их манере держать себя, в настойчивом желании уйти от ответа, в упорстве, с которым оба стремились выдать желаемое за действительное. Поразмыслив, я нашел частичное объяснение этому сходству: рано или поздно, идет ли война или наступило время мира, каждый из нас делает выбор, решает для себя, что есть добро и что есть зло.

Связь времен — она держится на нитях разных оттенков, и на наше счастье преобладает в ней не черный цвет. Не исключено, что именно эта мысль повлияла на мое настроение, когда второго февраля, сдав архивариусу дело, я вышел на промозглый, но уже пахнущий весной воздух. В кармане моего пальто лежали записки. С ними еще предстояло работать, но смысл записанного я не смог бы передать лучше, чем это сделал Сотниченко: доложив о результатах проверки, он заметил об убитом: «А прошлое-то у него с душком, Владимир Николаевич». Несколько дней раньше в разговоре с Тихойвановым я сказал, что настоящее повернется прошлым. Мне и в голову не приходило, что к этой мысли придется возвращаться так часто: судьбы Георгия и Дмитрия Волонтиров, Щетинниковой, Тихойванова и Красильникова сплелись в такой тугий узел, что, не распутав его, нечего было и мечтать о раскрытии убийства сторожа овощебазы...

Была среди моих заметок одна, особая, которую предстояло показать Тихойванову. Это выдержка из показаний Божко — одного из обвиняемых по делу. Пять лет назад на следствии он показывал: «В январе сорок третьего, числа не помню, Дмитрий Волонтир лично задержал и поместил в следственную тюрьму однорукого мужчину. Говорили, что это герой гражданской войны, бывший буденновец. Фамилии его я не знаю, знаю только, что он прятался в сапожной мастерской и кто-то его выдал. Через день мужчину

вместе с другими арестованными вывезли за город и расстреляли».

Федор Константинович скорее всего не знал о показаниях Божко, но если предположить, что ему из другого источника, от той же Щетинниковой, например, стало известно, кто был виновником гибели отца, то у него имелись все основания желать смерти Георгия Волонтира...

Да, пятнадцатилетний Георгий Волонтир производил отталкивающее впечатление, Тихойванов прав: кровавые преступления фашистского палача бросали на него тень, и избавиться от мысли, что он, живя бок о бок с братцем-ефрейтором, пусть косвенно, пусть чисто умозрительно был связан с чудовищными его делами, невозможно. На этом этапе расследования я не видел прямой связи между событиями военных лет, оккупацией и убийством самого Волонтира, но связь эта была, несомненно, была!

Как я и предполагал, материалов архивного дела явно не хватало. Нужны были свидетели, участники процесса, и самым идеальным в этом плане представлялся адвокат, защищавший в суде интересы Дмитрия Волонтира. Им был бывший член областной коллегии адвокатов, а ныне пенсионер Яков Александрович Петряев...

ГЛАВА 6. 2—9 февраля

ПЕТРЯЕВ

Звонок в дверь обрадовал Якова Александровича. В его утреннем ничегонеделании наступило время, когда поливка домашней оранжереи — так он называл угол, отведенный под комнатную настилку, плющ и традесканции, — была позади, хождение вдоль стеллажей надоело, и он, раскачиваясь с пятки на носки, стоял у окна, смотрел на припорошенные снегом крыши и решал, чем заняться до обеда.

Услышав звонок, Петряев бегло осмотрел себя в зеркало, поправил галстук, с которым не расставался, дабы чувствовать себя в форме, одернул гусарского покроя домашнюю куртку и поспешил к двери. Осмотрев посетителя с головы до ног, а заодно и его служебное удостоверение, Яков Александрович обрадовался, поскольку пришедший был следователем и разговор обещал быть профессиональным, а стало быть, и интересным. Он так и сказал полному, представительному мужчине, приглашая его войти, однако несколько приуныл, узнав о цели посещения: интересовавший следователя процесс над Дмитрием Волонтиром был давно — значит, предстояло вспомнить о прошлом, а не участвовать в настоящем...

— Знаете что, — задумчиво сказал он, сняв с гостя пальто и усадив его в кресло у особо пыльного куста розалии. — Я пороюсь в бумагах, что-нибудь должно сохраниться. Только вы меня не торопите, хорошо?

Петряев имел привычку оставлять у себя различные записки, записки, лишние экземпляры справок, копии документов — все, что месяцами собиралось в карманах, в портфеле, в ящиках письменного стола, и сейчас в специальном отведенном отделении секретера у него скопился целый домашний архив.

— Минуточку, — говорил он, — минуточку терпения...

Дело Волонтира Яков Александрович вспомнил сравнительно легко, потому что в ходе того судебного заседания впервые и единственный раз за свою многолетнюю адвокатскую практику всерьез усомнился в гуманной миссии защитника, хотел оказаться на месте прокурора, общественного обвинителя, судебного секретаря — только не адвоката, ибо его собственная роль была во всех отношениях независимой. Но он сделал все возможное, чтобы выполнить свой профессиональный долг. Добросовестно следил за ходом заседания, активно задавал вопросы, ходатайствовал о приобщении к делу справок о состоянии здоровья подзащитного...

Здесь же к обвинительному заключению канцеляр-

ской скрепкой приколоты тезисы его речи на суде, куций перечень смягчающих вину обстоятельств: «слепой исполнитель», «обработка в спецшколе СД», «трудовая деятельность после войны», «преклонный возраст». В глубине души желая максимальной меры наказания убийце, всем существом понимая справедливость такой меры, внешне он оставался бесстрастным, держал себя в руках и даже добился исключения, как недоказанного, одного из эпизодов обвинения. Скромная адвокатская победа. Сохранилась записка, сделанная его рукой на полях обвинительного заключения. Ну да, вот она: «Присвоением и спекуляцией имущества казенных В. не занимался». Выступая в прениях, прокурор спорил с ним, доказывал обратное, но трибунал посчитал доводы защиты более убедительными, и пусть это не отразилось на резолютивной части приговора, зато его совесть была чиста: присвоение имущества расстрелянных его подзащитным из обвинения исключили...

Уловив, что этот эпизод особенно интересует гостя, Петряев рассказал подробности: подзащитный, признавая вину по целому ряду пунктов, почему-то настойчиво отрицал присвоение имущества казенных за городом людей. Думаете, он преувеличивал значение этого факта, питал надежду на смягчение приговора? Ничего подобного. Волонтир прекрасно сознавал, что ему грозит смертная казнь, и в беседах с Яковым Александровичем, своим адвокатом, часто и с каким-то мазохистским спокойствием говорил, что ждет расстрела как избавления, как заслуженной кары. Нет, причина скорее в другом: атмосфера зала, в котором шел суд, как он признавался Петряеву, действовала на него убийственной даже, чем предостерегающий приговор. Клуб машиностроительного завода был переполнен до отказа, и реакция присутствующих на свидетельские показания, на просмотр кинохроники тех лет привела к тому, что Волонтир стал буквально прятаться за барьером, отгораживающим скамью подсудимых, чтобы не видеть лиц сидящих в зале людей. Он нехотя, с большими оговорками признавался в том, что забрасывал гранатами заключенных в следственной тюрьме, что участвовал в облавах, что стрелял из карабина в безоружных женщин и детей у рва, но упорно продолжал отрицать присвоение имущества убитых — факт пусть и не из самых ужасных и отвратительных по этому делу, но в моральном аспекте значительный.

— Вы спросите, как это совместить с чувством обреченности, которым бравировал мой подзащитный? Отвечу. Одно дело — приватно говорить со своим адвокатом, и совсем другое — в присутствии тысячи людей признаться в грабеже убитых. К тому же из вполне понятных соображений Волонтир сознавался лишь в тех эпизодах, которые были полностью доказаны в ходе предварительного следствия. Обвинение же в спекуляции награбленным имуществом держалось, по существу, на показаниях одного свидетеля.

— Им был младший брат Волонтира, — уточнил следователь.

— Совершенно верно. Он значится в списке свидетелей — Волонтир Георгий Васильевич.

— Он-то нас и интересует больше всего. Вы не помните, как вел себя на суде брат подсудимого?

— Как же, как же, ведь эпизод с грабежом я просил исключить как недоказанный, поэтому особенно внимательно слушал этого свидетеля. И, представьте, он изменил показания. Возможно, сознательно, возможно, и нет — не берусь утверждать. В сорок втором он был совсем мальчишкой, мог что-то напутать, забыть. Нужно отметить, что мой подзащитный был настроен по отношению к нему агрессивно, обмолвился как-то: «Братишку бы сюда, на скамейку, для компании». Но его можно понять: на предварительном следствии младший брат говорил о спекуляции золотыми вещами, о немецких офицерах, которые посещали брата, то есть, фигурально выражаясь, «повел» брата...

Яков Александрович припоминает, как во время одного из перерывов он перекинулся парой слов с Волонтиром-младшим, но вот о чем — выпало вчитую. Обидно, конечно, да что поделаешь...

Может быть, следователя интересует послевоенная судьба Дмитрия Волонтира? Или как его нашли через столько лет после войны? Он долго скрывался под чужим именем, жил где-то за Уралом, работал в леспромпхозе на валке леса...

— Вы случайно не знаете, — вернулся следователь к интересовавшей его теме, — где проживали братья Волонтиры во время оккупации города?

Яков Александрович развел руками:

— Мой подзащитный имел квартиру в доме, где находилась казарма для солдат из зондеркоманды, а вот где помещалась казарма, сказать затрудняюсь. Вроде бы рядом со зданием следственной тюрьмы, потому что, по рассказам очевидцев, в декабре сорок второго целый взвод полицаяев в считанные минуты прибыл на усмирение поднявшегося в тюрьме восстания. Но, как ни обидно, где находилась следственная тюрьма, я тоже не знаю... Есть памятник жертвам, есть мемориал, есть Вечный огонь — туда мы все знаем дорогу, потому что это действительно вечно, а

вот спросите, где находилось гестапо, где комендатура, — мало кто скажет...

— Пока жив хоть один из подобных вашему подзащитному, боюсь, придется вспоминать и казармы, — заметил следователь. — Скажите, Яков Александрович, во время процесса или после него Георгий Волонтир не проявлял интереса к судьбе брата?

— Никакого... Он, как родственник, имел право ходатайствовать о свидании, но я не... припомню, чтобы кто-то обращался в трибунал с подобной просьбой...

Петрив с сожалением смотрел, как его гость поднимается с кресла, но делать было нечего, и он пошел открывать дверь

ТАМАРА КРАСИЛЬНИКОВА

Тамара сидела в центре комнаты на перетянтом ремнями чемодане. «Вот и все, — подумала она. — Уезжаем». Опершись локтями о колени, она опустила подбородок в ладони и обвела взглядом комнату. «Странно. Здесь родилась, здесь жила с Игорем, сюда привезли из роддома Наташку. И вот перевозим. И совсем не грустно. И жалеть как будто не о чем. Странно...»

Через дверь в спальню была видна гора сумок и тюков с посудой, свернутый и перевязанный бельевой веревкой матрас. На обтянутом серой мешковиной холодильнике стоял забытый в преддверии суете будильник. Тамара хотела встать, чтобы сунуть его в какой-нибудь узел, но передумала, махнула рукой — успеет, да и за временем следить легче. Отец просил выйти через полчаса, встретить грузчиков с машиной. А зачем они? Сами бы справились: грузить-то, считай, нечего...

Мебель решили не брать, только самое необходимое. Собственно, решил отец — Тамара не вмешивалась, только молча помогала складывать вещи и безучастно кивала, глядя, как он ходит по комнате и нарочито бодрым тоном, вроде бы обращаясь к внучке, говорит о мебелиной гарнитуре, выставленной в витрине магазина неподалеку от их новой квартиры: там и кресла, и полированный шифоньер, и диван-кровать с тумбочкой для белья, и письменный стол для Наташки.

— Сделаю вам подарок на новоселье, — говорил он, остановившись перед сидевшей за столом внучкой, а сам украдкой бросал взгляды на дочь. — Чего ругаться тащить с собой? Она свое отслужила. Правильно я говорю, Наталья? Будешь ты свой кабинет со столом иметь. Все новое будет: мебель, квартира, жизнь новая! Разве плохо?!

— Хорошо, дед, — в тон ему отвечала внучка. Тамара отлично понимала, ради кого он старается, к кому обращены его слова, в глубине души была ему благодарна. И все же неуклюжая попытка утешить, смягчить ее горе вызвала еще и жалость к отцу, досаду и даже злость на него. Как уживались в ней эти, казалось бы, взаимоисключающие чувства, неизвестно, но, сколько она себя помнила, уживались... Вот он ходит из угла в угол, рассуждает о мебели, об отдельной комнате для Наташи, а подумал, как ей больно, ей, Тамаре, слышать это! Кабинет для Наташи в переводе на нормальный язык означает, что дочь займет комнату, предназначавшуюся для их с Игорем спальни, одна комната оставалась за отцом — так планировали раньше, при муже. Когда это было? И месяца не прошло, с ума сойти... А отец продолжал описывать трехкомнатную квартиру, лоджию, ванную с голубым кафелем. Господи, ну о какой новой жизни он говорит! Кому нужен его показной оптимизм? Зачем делать вид, будто ничего не случилось? Ведь случилось же, случилось! Она осталась без мужа, Наташка — без отца...

Утром, помогая укладывать вещи, Тамара впервые за эти три бесконечно длившиеся недели смогла отвлечься от непрерывно гнетущих мыслей о муже, о свалившемся на ее плечи несчастье. Слово вернувшись после долгой разлуки, она смотрела на отца и едва узнавала его. Как он постарел! Мужественное скуластое лицо покрылось сетью морщин. Седина перекинулась с висков на всю голову, даже в бровях серебрились белые волоски. Он наклонился над чемоданом, и Тамара рассмотрела светло-коричневые пятна на его руках, худую, старчески незащищенную шею, склеротические жилки на щеках, прядь пепельного цвета волос. Она смотрела на него со смешанным чувством удивления и стыда и ощутила, как к горлу подкатывается мягкий, парализующий дыхание ком. Совершенно отчетливо и неожиданно для себя подумала: «Сколько же часов, дней, а может быть, и лет отняла я у него? Насколько усложнила его и без того нелегкую жизнь?» Захотелось прижаться к отцу, выплакаться, как в детстве, на его груди, но что-то мешало это сделать, что-то не пускало, сковывало по рукам и ногам... Не в силах сдерживать рыдания, она успела высочить в прихожую, оттуда в подъезд и там заплакала громко, навзрыд, прислонившись к холодной батарее парового отопления. По лицу катились слезы — не облегчающие, очищающие душу, а горькие слезы раскаяния.

Тамара почувствовала, как кто-то коснулся ее плеча.

— Не стой на сквозняке, простынешь. — Отец отверг глаза от ее заплаканного лица.

Похоже, что все это время он стоял в подъезде рядом с ней. Она отвернулась, вытирая щеки подолом фартука.

— Не надо, доченька, — пробормотал он, — успокойся. Пойдем в комнату.

Она послушно направилась к двери, у порога остановилась, намереваясь сказать ему что-то важное, нужное, но слов не было.

— Ничего, ничего, — смеялся он и тут же, изменив интонацию, командирским голосом, громко, чтобы его услышала внучка, распорядился: — Наталья, я беру тебя с собой... А ты через полчаса выгляни во двор. Придут грузчики с машиной. Без нас не приступайте.

Она проводила их на прогулку и, подойдя к окну, прижалась к холодному стеклу, чтобы ненадолго увидеть удалявшиеся к воротам фигуры — одну высокую, в тяжелом драповом пальто, другую пониже, в коротенькой цыгейковой шубке...

Будильник показывал четверть десятого. Тамара обошла квартиру, проверила, все ли собрано, и присела на чемодан. Мысли ее вернулись к Игорю. Еще совсем недавно она не могла, не хотела верить, что он способен на преступление. Теперь поняла, что это и есть та самая изнанка его жизни, о существовании которой она догадывалась, та скрытая деятельность, доступ к которой Игорь закрыл ей раз и навсегда. Суета, манипуляции с дефицитными оправами, лишние рубли, деловые и неделовые свидания — все, чем он занимался последние годы, обернулось полнейшим крахом.

Поэтому не удивилась, узнав от следователя о нечистых делах, связывавших мужа с Волонтиром. О соседе ее распрашивали особенно подробно. А что она знала? Что он пил беспорядно? Об этом знали все. Летом, бывало, так и засыпал пьяным, сидя на лавочке у своего флигеля. Нелюдимый, хмурый, вечно небритый. Работал сторожем. Это тоже известно. Припомнилось, как несколько лет назад Нина Ивановна, соседка, говорила, что Волонтир предлагает ей обмен, и советовалась: меняться ей с ним квартирами или нет? Тамара ужаснулась, представив, что, возможно, придется жить в дверь в дверь с запойным пьяницей, и отсоветовала Щетинниковой. Правда, старушка и сама вряд ли серьезно относилась к волонтировскому предложению, скорее поделилась по-соседски новостью, и все же Тамара успокоилась только после того, как Игорь сообщил, что обмен окончательно расстроился.

Следователь заинтересовался, каким образом Игорь оказался причастен к обмену квартирами, может быть, у него был свой, особый интерес, комиссионные, например? Этого она не знала.

Обе предыдущие встречи со следователем изобиловали не совсем понятными, ненужными и пустыми, на ее взгляд, вопросами, но последняя, третья по счету, окончательно поставила в тупик. Ее спросили, не приходилось ли слышать, где проживал Волонтир во время войны. Да, она слышала, но какое это имеет отношение к Игорю?

— И все-таки что вы об этом знаете? — спросили ее.

— Он проживал в нашей квартире, — ответила она. — Кажется, вместе с братом.

— Откуда вам стало известно об этом?

— Отец говорил и Щетинникова Нина Ивановна.

— А ей откуда было известно, не знаете?

— Наверное, жила в этом доме в то время, — предположила она.

Следователь многозначительно переглянулся с сидевшим в кабинете лейтенантом.

Следующий вопрос тоже показался ей праздным.

— Если вы помните, девятнадцатого января я сменил в вашей прихожей лампочку, — сказал следователь. — Не заметили, когда она перегорела?

Час от часу не легче. При чем здесь лампочка?

— Я их часто меняю. Вы же знаете нынешнее качество...

— Ну, а восемнадцатого, к примеру, она еще горела? — Он улыбнулся, как бы извиняясь за ничтожность вопроса. — Я вам попробую помочь. В тот день около трех часов ваш муж вернулся с кладбища после похорон Щетинниковой и отослал вас с дочерью к отцу. Вы собрались, оделись и вышли в прихожую...

— Да, лампа горела, — вспомнила Тамара.

— Прошло три часа, — продолжал следователь. — Ровно в шесть вы вернулись. Помните, вы говорили о будильнике? Дверь открыл Игорь. В прихожей было темно?

— Темно. Он еще зажигал спички.

— Получается, что она перегорела в период вашего отсутствия?

— Получается так.

— Вы не просили мужа вкрутить новую лампочку?

— Просила. Он сказал: «Завтра»...

— Значит, весь вечер в прихожей было темно?

— Да, темно... — Вечером восемнадцатого ей было не до этого. Доведенная до отчаяния ссорой Игоря с отцом, его оскорблениями, угрозой бросить семью, Тамара, оставшись одна, упала на кровать и зашлась в плаче. Она не заметила, как муж возвратился за водкой, как ушел к Волонтиру. Так и уснула, не разведшись, лишь среди ночи услышала, что Игорь укладывается спать...

— На следующий день утром вы провожали мужа на работу?

— Нет, меня разбудил ваш звонок.

— И больше вы его не видели?

— Не видела.

Тамара почти автоматически отвечала на вопросы. Чем больше ее спрашивали об Игоре, тем сильнее становилось чувство, что речь идет не о ее муже, а о чужом, малознакомом человеке, о котором ей ничего не известно. Кто он? Каким был? О чем думал и чего хотел?

В конце беседы, когда разговор вновь зашел о Волонтире, произошло нечто странное: ей вдруг показалось, что оба этих человека, Волонтир и Игорь, чем-то похожи друг на друга, со временем, через много лет Игорь превратится в такого же замкнутого, обособленного от людей бюрократа с недобрим огоньком в глазах, станет его точной копией. С чего это ей почудилось, Тамара сказать не могла, только ощущение, будто заглянула в будущее, не исчезало еще долго.

Она посмотрела на будильник и тут же услышала автомобильные гудки. «Пора», — подумала она и встала с чемодана.

ХАРАГЕЗОВ

— Как же нам быть, Алексей Михайлович? Несolidно получается: мы вас предупреждаем об ответственности, а вы...

— Я готов. — Заметно было, что Харাগезов волнуется, боится. — Вы мне только намекайте, что вас интересует, и я со всей душой.

— Ну, если вас не устраивают прямые вопросы, придется говорить намеками. Вы помните свои первые показания?

— Да-да, глупо получилось, — согласился Харাগезов. — Не сориентировался, недооценил всей важности момента. Оказывается, вопрос с нашим работником Красильниковым стоит очень остро. — И более интимно добавил: — Прошу вас, не придавайте моим словам значения.

— Каким? Тем, что вы говорите сейчас, или тем, что сказали в прошлый раз?

— Ну что вы! Сейчас я скажу все, как есть. Зачем мне покрывать преступника?

— Вот и я думаю, зачем? Ведь и специалист-то был никудышный, человек темноватый... И потому вы приняли решение перевести его в отдельную мастерскую?

Заведующий на мгновение замер, словно позируя невидимому фотографу, но через секунду снова заговорил, обильно оснащая речь округлыми казенными оборотами:

— Боюсь, что произошло недоразумение. У отдельных наших товарищей сложилось не совсем правильное, я бы сказал, извращенное представление о методах работы руководства. Они считают перевод на индивидуальную работу поощрением, в то время как...

— Это не так, — продолжил за него следователь.

— Это не всегда так, — осторожно поправил Харাগезов. — Увы, в случае с Красильниковым произошло наоборот: уволить его по своей инициативе мы не могли, но, простите за откровенность, избавиться от такого, с позволения сказать, работника хотели. Вот и пришлось поставить вопрос о его переводе. В целях изоляции от коллектива. — Чтобы придать вес своим словам, заведующий сослался на начальство: — Прежде чем принять решение, я советовался в управлении, и там меня поддержали.

— Интересно, — заметил следователь. — И кто именно?

Харাগезов снова стал неподвижен и шевельнулся только после паузы, которой с лихвой бы хватило, чтобы навести объектив на резкость и щелкнуть затвором.

— Простите, как кто?

— Кто поддержал?

— Ах, кто? — Он вперил удивленный взгляд в собственный носовой платок. — Знаете, вопрос решался еще в прошлом году, так что мне потребуется время, чтобы уточнить...

— Хорошо, оставим это. Продолжайте.

Харাগезов замаялся.

— Если вы настаиваете, я могу позвонить в управление и уточнить, — предложил он.

— Не надо, мы сами разберемся.

От уверенно произнесенного «разберемся» заведующего бросило в холодный пот. Он заерзал на стуле, представив, что значит «разберемся» и какие это «разберемся» повлечет последствия лично для него.

— Вам что-нибудь известно о семейных делах Красильникова?

— Думаю, с женой у него не все ладилось. Вот на днях ему звонила девушка, и это не в первый раз.

— Вы уверены, что звонила посторонняя девушка, а не жена Красильникова?

— Безусловно,— оживился Харагезов.— Жену зовут Тамара, а звонила Татьяна.

— Когда она звонила?

— Позавчера, кажется. В первой половине дня. Спросила, вышел ли на работу Красильников. Я сказал, что нет. Тогда она поинтересовалась, не болеет ли он, если болеет, то когда выйдет...— Харагезов запнулся.

— И вы ответили, что он арестован?

— Но ведь меня никто не предупреждал,— потупив взгляд, повнимил он.— Я бы ни за что не сказал, если б знал, что нельзя.

Следователь зашелестел бумагами, и Харагезов, готовясь к худшему, тоскливо посмотрел в окно на безоблачное в этот час небо.

— Вернемся к январским событиям,— сказал следователь, отрываясь от своих записей.— Восемнадцатого...

— Восемнадцатого Красильников отпросился у меня на похороны соседки,— торопливо заверил его Харагезов.— Честное слово, так и было! Он приехал к девяти, сказал, что у него большое несчастье и что хочет взять отгул. Соседка— женщина одинокая, ни родных, ни близких... Я разрешил: причина все же уважительная.

— А девятнадцатого?

— «Все, дождался!»— Харагезов вытер вспотевший лоб.— Они все знают!!! Придется говорить».

Он не забыл, как девятнадцатого около одиннадцати часов— только он приехал из управления— к нему без стука вошел Игорь. Он плотно прикрыл дверь и не допускающим возражений тоном предупредил: «Для всех, кто бы ни спрашивал, сегодня с самого утра я был на работе. Ты понял?» Ошарашенный его наглостью, Харагезов потерял дар речи, потом хотел возмутиться, поставить подчиненного на место: что это он себе позволяет? Влип, в какую-то грязную историю, по роже видно, и диктует свои условия, думает, непонятно, что речь идет об алиби! Дурака нашел!.. Но Красильников будто читал его мысли: «Не подтвердишь— расскажу о взятке, вылетишь из своего кресла под фанфары, мне, сам понимаешь, терять нечего!» Да, железная хватка у парня, а все овечкой прикидывался! Куда было деваться, пришлось пообещать, хотя уже тогда было предчувствие, что добром не кончится. Уже уходя, Игорь подмигнул и небрежно, как милостыню, бросил: «Не дрожи, может, и не понадобится твоя защита».

Однако понадобилась. И очень скоро. Полдня не прошло— ну и темпы у милиции!— Красильникова арестовали, а самого его на следующий день взяли в оборот— изволь отдуваться.

— Так как же девятнадцатого, Алексей Михайлович?

— Чистосердечно признаюсь, товарищ следователь, напутал кое-что в спешке, с кем не бывает...

ГЛАВА 7. 12 февраля

СКАРГИН

Изучение пяти томов архивного дела, как и следовало ожидать, не прошло бесследно. Снова и снова я возвращался к нему, и всякий раз внимание мое привлекали три фигуры, три, как мне кажется, основных участника событий: изменник Родины Дмитрий Волонтир, его брат Георгий и двадцативосьмилетний Красильников— люди не только разного возраста, но и разных, по сути, поколений. Разных— да, но было в них и что-то общее. Что-то объединяло, притягивало их друг к другу; по неуловимым признакам они узнавали «своего» и отличали его от «чужого».

На прошлой неделе был предпринят выезд на место происшествия. С первых минут в доме Георгия Волонтира Красильников повел себя по классической схеме «убийца на месте преступления». Сначала впал в заторможенное состояние, потом стал озираться по сторонам, нервничать, а во время эксперимента с газовой плитой даже порывался бежать! За этим не последовало признания (втайне я немного надеялся на него), но пиши для размышлений эксперимент дал предостаточно. Во всяком случае, все мы пришли к твердому убеждению: случайно оставить газ открытым было просто невозможно— в тесноватой кухне мгновенно начинал ощущаться сильный запах, а ведь Красильников, по его собственным словам, искал спички довольно долго. Кроме того, в полной тишине— Красильников подтвердил, что в доме было исключительно тихо,— становился слышен звук, с которым газ вытекал из конфорки. Так удалось отместить еще один пункт «легенды» Красильникова. Факт преднамеренного убийства оказался доказуемым, но мотив... Мотив продолжал оставаться загадкой.

Все вместе, включая последние показания Тихой-

ванова, Петряева, Харагезова и других, наталкивало на мысль о наличии сложной и глубокой связи между прошлым покойного, путевкой для Нины Ивановны, вывернутой из прихожей лампочкой, утренним опозданием Красильникова на работу. Я не сомневался в том, что мы стоим на самом пороге тайны, хотя шли не самым коротким путем: через выяснение обстоятельств смерти Волонтира к мотиву его убийства.

Перелом в ходе следствия произошел на следующий день после выезда на место происшествия, то есть четыре дня назад.

Я сидел у себя в кабинете. Время близилось к шести. Дневная работа была закончена, и в ожидании звонка из уголовного розыска я не спеша собирал со стола бумаги. Не знаю почему, возможно, в связи с ожидаемым звонком, а скорее всего без всякой связи мне вспомнился фильм, который мы с женой смотрели с неделю назад, вспомнился неправдоподобно закрученный сюжет, образцовый детективный сыщик, лававший по чужим чердакам в поисках всемирно известных шедевров живописи. Наверное, по аналогии с забитым хламом чердаком в сознании всплыла прихожая в квартире Красильниковых, а от нее мысли перекинулись на Нину Ивановну— безобидную старушку, которой так и не довелось съездить в санаторий за счет необъяснимой щедрости соседа. Необъяснимой... Мне бы способности киношного героя— вот для кого не существовало тайн!

Все же зачем Красильникову понадобилось доставать путевку для Щетинниковой? В бескорыстие его не то чтобы не верилось, я его просто исключал. Не тот он человек. Но для чего же тогда? Какую выгоду могло принести ему здоровье Нины Ивановны? Да никакой. А что, если поставить вопрос иначе: какую выгоду мог принести ему выезд соседки?

И вот тут меня осенило. Удивительно, как это я раньше не догадался?! Еще тогда, в день убийства, когда выкручивал в прихожей лампу! И ему и Волонтиру нужна была квартира Щетинниковой! Пустая квартира! И лампочка, она тоже... Ну, конечно!

Не медля ни секунды, я вызвал машину, соединился с отделом внутренних дел и спустя пять минут, прихватив двух понятых, вместе со своими ребятами выехал на Первомайскую. Уже в машине вспомнил: за месяц, что мы возились с делом, жильцов дома успели выселить, предоставив им новые квартиры. Строители оказались оперативнее нас, и сейчас в доме наверняка никого нет, двери могут оказаться запертыми...

КРАСИЛЬНИКОВ

На Первомайскую приехали вечером. Вышли из крытого «газика» на злой, колющий от мороза воздух, через подворотню прошли во двор. Гулко забилось сердце. Он оглянулся по сторонам и почувствовал, что не может переступить через порог комнаты Волонтира.

Мимо двигались люди, следователь отдавал какие-то распоряжения, а он застыл у проема, соединяющего коридор с комнатой, не в силах оторвать глаз от этажерки со старомодными слониками, от круглого, покрытого пестрой клеенкой стола, рядом с которым стоял обтянутый коричневой кожей диван. Оставаясь невидимым для присутствующих, Волонтир сидел на потертом диванном валике и скалился, обнажая в улыбку свои желтые от табака зубы. Это до такой степени было похоже и на сон и на явь одновременно, что на миг он поверил в живого Волонтира и даже услышал его знакомый испитой голос:

«Мальчишка, щенок... Я тебя насквозь вижу, все твои куриные потроха. Вздумаешь обмануть— тут же подохнешь. С того света достану»...

Следователь тронул его за рукав телогрейки:

— Красильников, вы меня слышите?

— Да, да.— Он перевел дух.

— Мы приступаем,— сказал Скаргин.— Покажите, пожалуйста, где располагались вы и где находился Волонтир.

— Я?— Он неуверенно подошел к столу.— Я весь вечер просидел тут, на стуле. Волонтир напротив, на диване.— Разрываясь между желанием не вспоминать подробности и необходимостью отвечать на вопросы, он указал на центр стола.— Здесь стояла закуска, бутылки, стаканы.

— Присядьте на свое место.— Следователь подвинул ему тот самый стул.

Подчиняясь чужой воле, он, как сомнамбула, присел, и сразу же произошло то, чего больше всего боялся. Снова «увидел» Волонтира. Продолжением кошмарного сна промелькнул зеленый цвет его байковой рубашки, его лицо с надуленными, черными как смоль бровями. Разом всплыло все, что исподволь наслаивалось в течение нескольких последних лет, всплыли полузабытые детали, некогда составлявшие нечто целое, значимое, но со временем выпавшие из памяти, как мелкие и ненужные, потому что все разговоры, встречи были только прелюдией к главному— общей цели, а она появилась не сразу, лишь во второй год знакомства.

С чего же все-таки началось?

А началось со странной просьбы.

Волонтир подстерг после работы, зазвал к себе, угостил вином и сказал, что давно присматривается к нему.

— Ну и что?— Привыкший у себя в ателье к конкретным просьбам со стороны заказчиков, Игорь не склонен был затягивать разговор без необходимости.— Надо что?

В том, что у соседа просьба, не сомневался— иначе зачем дармовое вино?

Волонтир усмехнулся:

— Торопиться, парень.— Но сразу перешел к сути: он хочет поменяться квартирами с их соседкой, Ниней Ивановной, но она будто бы против, хотя условия выгодные: он предлагает сделать у себя капитальный ремонт и даже доплатить ей небольшую сумму— так, в виде компенсации.

— Какая же компенсация?— удивился Игорь.— У нее и площадь поменьше и сторона несолнечная.

— Неважно. Мне больше нравится ее квартира, и все тут.— отрубил Георгий Васильевич.

Игорь почувствовал, дело нечистое, но вникать не стал. И чтобы отъездиться, «отработать» дармовое угощение, пообещал при случае перемолвиться с соседкой, походить за ней.

Случай вскоре представился, однако Щетинниковой— болезненная, еле передвигавшаяся старушка— наотрез отказалась: «Переезд все равно, что пожар, да еще в моем возрасте, нет, нет, умру здесь, тут привычной».

Так повелось, что раз, а то и два в неделю они посиживали у Волонтира, ни о чем особенно не говоря, но и не скучая. Игоря устраивало новое, вскоре перешедшее в привязанность знакомство, тем более— и это немаловажно,— что в большинстве случаев спиртного угощал сосед.

Однажды— это было уже совсем недавно, в октябре,— разомлев от выпитого, Волонтир описал, как мальчишкой, оставшись в оккупированном городе, трусил, спасаясь от бомбежек в подвале дома, как в июле сорок второго после жестоких боев и вселяющих ужас артолетов в разрушенный город на мотоциклах и пятнистых танках ворвались немцы, а вместе с ними его брат Дмитрий, служивший в зондеркоманде.

— Так он предатель, изменник Родины?!— поразился Игорь, впервые услышав эту историю.

— Но-но, ты не очень...— рассердился Волонтир.— Дмитрий свое получил. Думаешь, хотел он этого? Не по своей воле— заставили: не ты убеешь, так тебя прихлопнут. Разговор у немцев короткий был...

Помолчал и перевел разговор на другие темы. Посидели немного и разошлись.

Позже они не раз и уже безболезненно возвращались к этой скользкой теме. Встречались часто, почти каждый день. Вышло так, что не развела, а наоборот, смертную соединила их история, рассказанная Волонтиром. И Игорь будто чувствовал, что за сказанным стоит еще что-то очень важное— важное для него лично. Жора упорно проповедовал свои взгляды, сводившиеся к примитивной формуле: пятерка всегда была и есть лучше тройки.

— Жизнь одна,— философствовал он,— и если повезет, выжмем из нее, проклятой, все, что можешь.

— Не много же ты из нее выжал,— поддевал его Игорь.

— Мой день еще не пришел,— многозначительно отечал Волонтир.

Намки на какие-то неосуществленные возможности, на имевшийся в запасе шанс разжигали Игорю любопытство, будили фантазию, придавали смысл и значение их отношениям. Он и не заметил, как постепенно Жора занял в его жизни чуть ли не первое после Таньки место. Чего бы он сейчас ни отдал, чтобы вернуть те дни: ушел бы, забыл, вычеркнул, как кошмарный сон.

— Красильников, очнитесь!

Игорь вздрогнул. Появившееся на миг видение рассеялось так же внезапно, как и появилось.

— Вы хотите что-то сказать?— громко спросил следователь.

— Простите, я задумался и не расслышал вопроса.

— Вы сразу пошли ставить чайник?— повторил Скаргин.

— Да, я пошел к плите.

— В чайнике была вода?

«Господи, ну откуда мне знать, была она там или нет?! Что ответить? Вдруг не угадаю?»

— Вроде была,— сказал он.

— Постарайтесь вспомнить: в доме не было слышно никакого шума? Музыка, например?

— Нет, было тихо.

— А репродуктор?

— Программа давно закончилась. Шел второй час ночи.

Следователь дождался, пока его ответ занесут в протокол, и кивнул на плиту.

— Включайте.

— Но ведь газ...— растерялся Игорь.

— Включайте смело, он перекрыт.

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

Черная с никелированной полоской ручка легко повернулась на девяносто градусов. Послышалось шипение.

— Газ не отключен! — воскликнул Игорь.

Взгляды всех присутствующих были направлены на него, он это ощущал кожей, каждым нервом и оттого испытал неодолимое желание раствориться, исчезнуть, оказаться где угодно, только не здесь, в ставшей безразмерно огромной кухне, рядом с газовой печкой, из которой с мышинным свистом непрерывно вытекал газ.

— Слышите? — нарушил молчание следователь.

— Да.

— А тогда не слышали?

— Нет, не слышал! — поспешно выкрикнул он и взорвался: — Считайте, что у меня заложено уши, что я оглох, считайте, что хотите, только оставьте в покое!

— Слух у вас, прямо скажем, неважный, — холодно заметил Скаргин. — Ну, а со зрением как? Взгляните прямо перед собой — на кухонной полке перед вашими глазами лежат спички. Больше десятка коробок. — Не дождавись его реакции, попросил: — Покажите, где нашли коробок с одной спичкой.

— На столе. Я же вам говорил. — Взгляд его был прикован к конфорке.

— Вы много чего говорили. — В тоне следователя впервые прозвучала неприязнь, но он справился с собой и по-прежнему сухо и подчеркнуто официально предложил: — Пройдите к столу, как если бы шли за спичками, и вернитесь сюда.

Игорь выполнил просьбу. Когда он снова подошел к плите, в нос ударил вызывающий тошноту запах. С ужасом прислушиваясь к шипению газа, теряя над собой контроль, Игорь инстинктивно сделал шаг назад.

— Чувствуете запах? — Следователь в упор смотрел на него.

— Нет, — едва выговорил он.

— Открывайте вторую конфорку.

— Нет!

— Открывайте! — потребовал Скаргин.

— Нет! Не могу, — сорвался он на крик и в панике рванул к двери.

Кто-то удержал его за руки, преодолевая сопротивление, вернул в комнату, усадил на диван.

Он с облегчением заметил, как перекрыли газ, и лишь после этого спрятал лицо в ладони. Провал! Полный провал! Волонтир мстил ему, выполняя давнюю свою угрозу расквитаться за предательство. И словно в подтверждение этой дикой мысли он вновь «увидел» сидящего почти рядом приятеля...

— Деньги я дам, парень. — Жора хлопнул заранее

извлеченным из шифоньера бумажником. — Я всегда держу наличными. Сколько, ты сказал, надо? Четыреста?

Он послуныявил пальцы и отсчитал четыре сотенных.

— На, держи. И вот тебе еще двести на путевку. Игорь потянулся за деньгами, но Жора отвел руку.

— Погоди. Даю с условием, что отправишь эту каргу в санаторий не позже января, ладно?

Разговор происходил в последних числах ноября, спустя месяц после того, как Игорь был посвящен в тайну. Три года выжидал Волонтир: то боялся милиции, то сомневался; на четвертый начал строить планы, изобретал способы проникновения в чужую квартиру, но лучшее, что смог придумать, — обменяться с Щетинниковой. Обмен квартирами не состоялся, Нина Ивановна уперлась, и Волонтир растерялся. Прикидывал и так и этак, в конце концов сообразил: одному не справиться. Стал думать, кого взять в напарники, остановил выбор на Игоре. Тот устраивал по всем статьям: в семье неблагополучен, не прочь выпить, собирается развестись с женой и уехать из города, а главное — единственный сосед Нины Ивановны, без него никак не обойтись. Делиться, конечно, не хотелось, но другого выхода не было, и он не торопясь стал готовить компаньона: осторожно прощупал, рассказал о Дмитрие, о его службе в зондеркоманде, потом о спекуляциях брата с имуществом, описал золото, драгоценные камни... Как и ожидал, Игорь загорелся:

— Вот это размах, я понимаю!

— Ты, парень, не представляешь того размаха. Он, Дмитрий-то, в немцев не шибко верил, потому и рассчитывал только на себя. Представь — сотни обручальных колец, перстни, монеты царской чеканки, часы с браслетами, — возьмешь такой, рука отвиснет.

— А ты не преувеличиваешь? — засомневался Игорь.

— Ну, а если нет? — спросил Волонтир, невольно понизив голос, так как впервые открыто произнес то, что не давало ему покоя все эти годы. — Если и вправду отвиснет рука, что скажешь?

И подробно, пугаясь и одновременно удивляясь своей откровенности, рассказал, как часто после войны вспоминал вещицы, попадавшие в их дом от немецких офицеров, как думал, что брат увез все с собой при отступлении в железном несгораемом ящике-сейфе, которым особенно дорожил, как удивился, узнав через много лет, что Дмитрий жив и привлечен к уголовной ответственности. На допросах он не стал скрывать темные делишки брата в оккупа-

ции, но при рассмотрении дела в трибунале изменил показания в его пользу. Произошло это по следующей причине: в один из первых дней судебного заседания его разыскал среди свидетелей словоохотливый адвокат, защищавший брата, и, отозвав в сторонку, передал привет от Дмитрия и его слова: «Если все обойдется благополучно, он сможет забрать себе все».

Волонтир сразу же понял, что имел в виду старший брат, понял так ясно, что, разволновавшись, вышел на улицу, чтобы никто не видел его дрожащих рук. Догадаться было и в самом деле несложно, так как ни на что другое, кроме ценностей из железного ящика, старший брат намекать не мог. Говоря «сможет забрать все», он подразумевал только это. Если бы в течение нескольких недель на допросах у следователя не приходилось снова и снова возвращаться к событиям тех лет, может, и не поверил бы в существованиеклада, но воображение, подогретое воспоминаниями о войне, сработало легко и четко. «Значит, не увез, спрятал», — ликовал Волонтир, прикуривая от вздрагивающей в пальцах спички. Стал перебирать в памяти полузабытые узелки с перстнями, монетами, массивными часами из тусклого желтого металла и только полчаса спустя, немного успокоившись, подумал: надо еще знать, где спрятано. Дмитрий дал ему понять, что скажет, если все будет благополучно, значит, из кожи вон надо заслужить, сделать что-то для него! Но что? Над трибуналом не властен, свидетелей не подкупишь, остается изменить собственные показания. Скорее всего на это он и намекал, желая смягчить свою вину. Видно, здорово насолил ему младший брат, рассказав о связях с немецкими офицерами...

— Ну и ну, — удивился Игорь, слушающий внимательно, заинтересованно. — Много же ты выжал из одной фразы.

— На то и голова к плечам привешена, а не тыква, парень, — ухмыльнулся польщенный Волонтир.

— И что, сказал он тебе, где ящик?

— Прежде с меня семь потов сошло, хотели даже к суду привлечь за ложные показания, но обошлось, сослался на память. Зато после приговора Дмитрий передал, что, мол, в печке кафель сменить надо, там, значит, спрятана коробка.

— И известно, где печка-то?

— Ты, парень, не глупи: не было бы известно, не затевал бы я разговора. Не юли, говори прямо, согласен или нет?

— Ну, согласен.

— Без «ну». В случае чего с того света достану, так и знай. Со мной не шути — обожжешься!

Игорь без труда догадался: ценности спрятаны в

квартире Щетинниковой, недаром Жора так «болел» обменом, печка находится в комнате Нины Ивановны, вернее, не печь, а выложенная кафелем стенка, когда-то проталивавшаяся из другой квартиры.

В тот вечер они расстались поздно. Сошлись на такой идее, ее подсказал Игорь: в связи с тем, что старуха лишь изредка и ненадолго выходит из дома, достать ей путевку, уговорить ехать отдыхать и после отъезда воспользоваться отсутствием хозяйки.

Харагезов обещал достать путевку, и, если бы не смерть Щетинниковой, возможно, все повернулось бы по-другому...

Около восьми вечера семнадцатого января у Нины Ивановны случился сильнейший приступ. Она попыталась встать с кровати, кликнула ослабевшим голосом соседней, но трюм, подобранный к сердечному клапану, в секунду оборвал ее жизнь.

К девяти, слегка поссорившись с Таней, домой вернулся Игорь и по установившейся за последнее время привычке поступал к Щетинниковой. Не дождав ответа, толкнул дверь, вошел и обнаружил труп соседки. Позвал Тамару, а сам выскочил к Волонтиру. Того дома не было — ушел на суточное дежурство. Игорь вернулся, отослав плачущую жену звонить в «Скорую помощь», хотел, пока никого нет, простучать стенку, но помешала дочь. Дальнейшее он помнил смутно: приехали врачи, сидели, писали что-то. Игорь сказал, что он берет хлопоты с похоронами на себя. «Скорая» уехала. Приходили соседи, соседки, причитали вполголоса, плакали. Ушли. В одиннадцать, улегшись в постель рядом с Тамарой, он стал обдумывать создавшееся положение. Жена долго ворчала, мешала сосредоточиться, а когда заснула, он понял, что идти среди ночи в комнату, где лежит покойница, не сможет, не хватит смелости. С тем и заснул.

Наутро проснулся с готовым планом. Съездил на работу предупредить начальство, оттуда в похоронное бюро, на кладбище, снова в бюро, и к часу дня все было в ажуре: соседки уложили покойницу, гроб снесли в машину, отвезли на кладбище. Около трех он уже был дома.

— Приходили из управления и опечатали квартиру, — огоршила новость Тамара и спросила: — Ты не забыл, сегодня восемнадцатое.

— Ну и что?

— Годовщина нашей свадьбы.

Он чертыхнулся, удивляясь ее простодушию, но слова жены натолкнули на спасительную мысль.

— Ты вот что: собирай Наташку и езжай к отцу. — Знал, что дорога туда и обратно с транспортом, разговорами о житье-бытье у тетки займет как минимум три часа. — Оставь Наташку и возвращайся с Федором Константиновичем. Отпразднуем. А я отдохну, устал что-то.

Обрадованная Тамара наскоро покормила только что вернувшуюся из школы Наташку и собралась ехать.

— Я запрешь изнутри! — крикнул вдогонку Игорь и, едва дождавшись, когда они выйдут из подъезда, подошел к двери в комнату Щетинниковой.

Поперек створок была приклеена четвертинка листа с чьей-то подписью и круглой домоуправленческой печатью. Сбежал к себе за бритвенным лезвием, попробовал поддеть — бумага надорвалась. Снова попробовал — опять надрыв. Кое-как справился, сунул в замочную скважину ключ, висевший у входа на гвозде, повернул. Дверь открылась.

Внутри из-за закрытой ставнями оконной ниши падали полоски света. Пустая кровать, наспех застеленная шелковым покрывалом, стояла справа, слева — торшер. Игорь действовал так уверенно, словно давно отретивировал каждое движение: зажел свет, осмотрелся, присел на низкую скамеечку у кафельной стены и легонько стукнул молотком по плитке. Звук получился слишком звонким, непонятным. Тогда принес из дома стамеску и тыльной стороной ручки снова стукнул. Глухо. Ударил рядом. Глухо. Еще — то же самое.

Передвигая следом за собой скамеечку, добрался до середины, и вдруг звук изменился. Под кафелем, несомненно, была пустота. Под соседней плиткой тоже. И еще под четырьмя. Там, в стене, было полное пространство, а наружу выходил четырехугольник — два ряда по три плитки в каждом. Игорь вытер капли пота, выступившие на лбу, стал на колени, приложил стамеску острым срезом к щели и ударил по ручке...

По молочной белизне рассыпались трещины. Он ударил сильнее. Стамеска, кроша сухую известь, на треть вошла в зазор между кирпичами. Брызнуло красное крошево.

Последующие удары он наносил не целясь, стараясь лишь придирчиваться намеченного прямоугольника. Острые осколки плитки впивались в лицо, известковая пыль ела глаза, оседала во рту, но Игорь не замечал этого. Только когда преграда была сметена, он отбросил молоток и стамеску, заглянул внутрь. Там лежал ящик. Он вытащил его, попробовал на вес. Тяжелый! Дернул за приваренную к плоской крышке ручку, ковырнул пальцем отверстие для ключа.

Взгляд случайно упал на часы. До прихода жены и теста оставалось чуть больше часа!

Он удивился: неужели столько прошло? Отнес металлический ящик к себе, положил под кровать, потом передумал, вытащил и задвинул под сервант, заложив банками с консервированными огурцами. Проверил, чтобы не было видно.

Целый час ушел на возню с дырой. Он заложил ее оставшимися обломками кирпича, наскоро замазал разведенным на воде алебастром и на всякий случай придвинул к стене кровать. Оставалось подклеить к двери бумажку. Как ни старался, получалось заметно, надорванные края топорщились, не приставали к дереву. Времени оставалось совсем мало. Он вынес из комнаты стул, поставил на него табурет и, забравшись вверх, выкрутил из патрона лампочку...

Четыре дня прошло после выезда на место происшествия. И все четыре дня, вспоминая свою позорную слабость, свое граничащее с полным признанием вины поведение, Красильников не находил себе места. Что-то изменилось и в отношении к нему следователя. Только раз, на следующий день после выезда, тот вызвал его к себе, но не строил, как обычно, ловушек, не ловил на противоречиях, а ограничился уточнением малозначительных деталей: спрашивал о лампочке, о Щетинниковой, о ссоре с тестем, о времени его ухода. За всем этим что-то стояло: не то формальности последней стадии следствия, не то подготовка к последнему, решающему разговору.

Сейчас, в считанные минуты перед встречей со Скаргиным, ему вспоминался последний разговор в Волонтировском флигеле в ту роковую ночь с восемнадцатого на девятнадцатое, разговор, крепивший зыбкую почву его надежд...

Началось с угроз. Жора затащил его в комнату, швырнул на диван, придвинулся, дыша перегаром:

— Ты что же, падал, в прятки со мной играешь?! Кровь пушу! — Он схватил со стола кухонный нож, придвинул острие к горлу. — Где сейф? Говори, гаде-ныш, не то пырну!

— На работе спрятал, — выдавил из себя Игорь. Соврал сознательно: боялся, что на самом деле пырнет, если принесит ящик немедленно.

— Как на работе?! — взревел Волонтир. — Зачем? Почему не принес мне? Вильнуть вздумал, гнида?! — Тебя не было, я заходил... — Игорь изо всех сил давил затылком в спинку дивана, чтобы ослабить укол лезвия. — А дома держать боялся, вдруг жена найдет. Все дело насмарку...

Волонтир ослабил хватку.

— Сам должен понимать, не маленький, — оживился Красильников. — Подумай, подумай своей дурной башкой, куда мне его девать? С собой носить? Или в камеру хранения, на вокзал сдать? Усек?!

— Рассказывай. — Жора плюхнулся на валик. — Все рассказывай, гад! — И потянулся к бутылке «Пшеничной».

Трогая ссадящую ранку на шее, Игорь описал весь день, начиная с похорон. Когда дошел до железного ящика, Жора, успевший проглотить полстакана водки, перебил:

— Ручка есть на крышке?

— Есть, есть, — успокоил его Игорь.

— А эмблема с орлом?

— С орлом и свастикой. Сбоку прилепана — фирма!

— Он! Это он! — Волонтир опрокинул в себя стакан, крикнул, закурил огурцом. — Ну, парень, давай еще, за успех!

Выпили. Потом еще и еще.

В половине второго ночи отяжелевший от выпитого Волонтир неожиданно резко кинулся к двери, запер ее, а ключ опустил в брючный карман.

— Будешь сидеть тут... до утра... вместе пойдем... вместе...

Он свалился на диван и, похоже было, потерял сознание.

Игорь, чуть не плача от досады, с ненавистью смотрел на его полуоткрытый рот, из которого вырывалось хриплое, нездоровое дыхание, искал выхода, и, когда решение пришло, оно показалось ему единственно разумным, снимающим все проблемы разом. Да, это и есть финиш. Его финиш. Бег на длинную дистанцию окончился, позади остались антоны и тамары, лены и жоры, а ему награда — золото...

Не колеблясь, он вытащил из кармана лежавшего без движения Волонтира ключ, отпер входную дверь и, обернув носовым платком пальцы, крутнул до отказа ручки газовой плиты...

СКАРГИН

Дом, как и ожидалось, был пуст. Теперь он стал точной копией второго — таким же заброшенным и безнадежно обветшалым. По двору, повернувшись к нам мордой, пробежала собака с уныло опущенными ушами. Холодная пустота подъезда была наполнена звуками, и каждый из них будто напоминал, что во

всем здании не осталось ни души. Где-то на втором этаже вовсю гуляла сквозняки, стукнула оконная рама — может, в квартире Ямпольской?..

В прихожей я первым делом подошел к двери справа. При ярком свете переносной лампы, которую принес из машины Логвинов, увидел то, что из-за темноты не увидел в первый раз: листок с росписью и круглой печатью. Края его были надорваны. Несколько вышек блица, и мы прошли в квартиру Щетинниковой.

Странно было видеть единственную меблированную комнату в покинутом жильцами доме. Сбоку стоял торшер, вплотную к нему столик, шкаф для одежды. По другую сторону швейная машинка и кровать. Четкого представления, что именно следует искать, я не имел, подсказала обстановка: при осмотре в глаза бросились четыре лунки на полу, свидетельствующие, что на этом месте долгое время стояла кровать. Ее передвинули к противоположной стене и передвинули, как видно, недавно. Логвинов уже занимался отпечатками пальцев, а я внимательно осмотрел мебель и пол. Ничего подозрительного, кроме крошечных осколков кирпича в разных углах комнаты, не обнаружил. Мы отодвинули кровать и в кафельном монолите стены увидели следы взлома. В пятнадцати сантиметрах от плинтуса кафель был выбит, и место неаккуратно замазано белым веществом.

— Алебастр, — определил Сотниченко, когда мы, выполнив формальности, стали ковырять слой замазки.

Он был тонким, этот слой, зато тайник, скрывавшийся за ним, оказался прочным и вместительным, сделанным на совесть. Мы не надеялись найти в нем что-либо, с первой минуты было ясно, что до нас здесь уже побывал кто-то. Собственно, гадать не приходилось. Красильников. Это он торопился с похоронами, чтобы успеть выпотрошить тайник до возвращения с дежурства Волонтира. Это он, оставив сообщника в наглухо закрытом помещении, открыл газ. Оставалось узнать, за чем так долго и настойчиво охотились наши «кладоискатели», за что поплатился жизнью Георгий Волонтир.

На обратном пути я думал о Светлане Сергеевне. Утром девятнадцатого Игорь ездил к матери, чтобы оставить у нее «коробку». Очевидно, «коробка» и была тем искомым кладом из тайника. Светлана Сергеевна отказала ему. И он уехал. Куда? На что ушло время между девятью и половиной одиннадцатого? Где провел Красильников полтора часа? Где спрятал свою добычу?

Все замыкалось на Тане — таинственной знакомой Игоря. Она занимала меня и раньше — девушка, промелькнувшая в свое время перед заплаканными глазами Елены Ямпольской, проскользнувшая мимо рассерженной Светланы Сергеевны, звонившая в ателье Харагезов... Совместными усилиями уголовного розыска и народной дружины удалось отыскать шофера такси, в машине которого утром девятнадцатого января Красильников прикатил на работу. Шофер хорошо запомнил маршрут: они ездили в пригородную зону, и там, у девятиэтажного блочного дома, он больше сорока минут ожидал парня в пальто из пестрой ткани. По фотографии шофер, не колеблясь, опознал Красильникова.

Установить личность Тани при наличии таких данных было делом одного часа. Но посетить ее мы не успели. Вчера студентка третьего курса педагогического института Татьяна Филиппенко лично явилась в районный отдел внутренних дел. Ее, как мне потом говорили, сопровождал долговязый светловолосый парень. Он и нес тяжелый, обернутый двумя листами ватмана пакет. Поступок Тани Филиппенко понять нетрудно: месяц она выжидала, опасаясь наводить справки о внезапно исчезнувшем Игоря, потом все же решила и, когда узнала, где в настоящее время обитает ее приятель, струсилась и принесла «коробку» нам...

Поздно вечером мы собрались в кабинете прокурора. Отмычка плавно вошла в замочную скважину, послышался щелчок, и тяжелая крышка стального, украшенного свастикой и орлом сейфа открылась.

Внутри в полной сохранности лежали толстые пачки банкнот. Здесь были итальянские лиры, довоенные сторублевки, немецкие марки и даже мятые американские доллары — валюта на все случаи жизни...

Сейчас все кажется мне предельно понятным. Я перелистываю томик с сочинениями Козьмы Пруткова. Не буду кривить душой — ношу его с собой не случайно. Еще в первые дни, стараясь лучше понять своего подследственного, я перечитывал эту книгу в надежде найти в ней ответы на одолевавшие меня вопросы. Ответов не нашел. Зато нашел другое — строчки, показавшиеся мне интересными: «Менит показывает и на север и на юг; от человека зависит избрать хороший или дурной путь жизни».

На этом месте меня прерывает стук в дверь. — Войдите, — говорю я, не вставая из-за стола. В дверной щели появляется гладко выбритое лицо Красильникова...

Петр НОВИКОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

ЗДЕСЬ ЖИЛ СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

«Редкого смотрителя

не знаю я в лицо».

А. С. Пушкин

Да, попутешествовал Александр Сергеевич в своей жизни немало: тридцать четыре тысячи километров на перекладных оставил он за спиной, а в местах, где располагается ныне первый в стране музей литературных героев, бывал по подсчетам пушкинистов не менее тринадцати раз.

Почтовая станция Выра была тогда третьей станцией от столицы на дороге из Санкт-Петербурга в западные губернии России. Ныне Псковский почтовый тракт называется Киевским шоссе, а одноименная деревушка Выра «числится» за Гатчинским районом Ленинградской области.

Здесь покидавшие Северную Пальмиру путешественники в третий раз меняли лошадей. Из головы уходили наконец-то мысли о делах, оставленных в растаявшем позади городе, думы приобретали дорожный оттенок, пора было в последний раз внимательно оглядеться вокруг, запечатлеть в памяти остатки прежней, петербургской жизни — ближайшие ее окрестности: розовые домики почтовой станции, всегда открытые ворота, чернобельный верстовой столб...

А с той стороны, куда лежит дорога, уже слышны колокольчики тройки, рвущейся в столицу. И виден нетерпеливый седок, выглядывающий из кибитки: нет ли на дворе случайно когонибудь из прежних городских знакомых?... И, кстати, есть ли у Вырина свежие лошади?

На них надеялся, конечно, каждый проезжающий. Однако вряд ли кто знал станционного смотрителя по фамилии. И не только потому, что, как мы помним, Самсона Вырина в действительности не существовало, а был он придуман Александром Сергеевичем Пушкиным. Поэт дал своему герою фамилию, производную от названия почтовой станции.

Вот отсюда, из смотрительской, из-за розовой занавески и выглядывала легендарная дочь Дуняша... На чистой — жилой половине, восстановлен-

ной по повести и архивным документам — лубочные картинки с историей блудного сына, «горшки с бальзамом», «кровать с пестрой занавескою»...

Стол на этой половине постоянно накрыт к чаю: на чистой скатерти — тульский самовар, хлеб, соль, ба-

ПОРТРЕТ ДУНЯШИ — ПОДАРОК МУЗЕЮ. А ВОТ КОМНАТА, ГДЕ ПРОИЗОШЛА ЕЕ ВСТРЕЧА С ЛИХИМ ГУСАРОМ — ПОДЛИННАЯ ОБСТАНОВКА ТОГО ВРЕМЕНИ, ПОДЛИННЫЕ ВЕЩИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.

ранки, яйца, молоко. На ямщицкой же половине по стенам развешана какая положено сбруя: хомуты, дуги, валдайские колокольчики, бубенцы. Тут же ямщицкая одежда: армяки, полушубки, шапки, лапти. На столе — глиняная и деревянная посуда, походный кисет из бересты, у входа — медный умывальник, деревянные фонари, с которыми ночью выходили к лошадям.

И ныне из станционной конюшни доносится конское ржание. Кажется только, что сами обитатели станции неожиданно выбежали куда-то. Может быть, провозжат добрейшего гусарского ротмистра Минского?

Помните, как это описано в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина, изданных А. П.»?

«Гусару подали кибитку. Он про-

стился со смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дуней и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении. «Что же ты боишься?» — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест, прокатись-ка до церкви».

И ведь что придумал ротмистр: рассмотрев получше Дуню, сразу расхотел ехать, а чтобы остаться, немедленно придумал себе болезнь. А ведь как торопился, сначала как ругал смотрителя за отсутствие свежих лошадей!

Только Дуня, по обыкновению, и смогла унять гнев гусара. Уняла гнев и породила любовь. Любовь, которая горем обернула всю последующую жизнь Самсона Вырина. «Уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял

моего дитяти, уж ей ли не было житье?» — терзался потом обманутый отец. Видимо, старый смотритель, кроме всего прочего, уповал еще и на объявление, по сию пору приклеенное в сенях хлебным мякишем: «Путешествующим строго запрещается чинить станционным смотрителям притеснения и оскорбления или почтарям побой».

Кто знает, не оно ли, виденное где-то во время путешествий, а быть может, и здесь, на почтовой станции Выра, натолкнуло, высекло искру вдохновенного внимания Пушкина к смотрительской исповеди?

Вот и занавеска, из-за которой выглядывала безукоризненная Дуня. Ленинградские историки и Александр Александрович Семочкин — архитектор колхоза имени Ленина, на чьей земле находится станция, очень скрупулезно подошли к воссозданию обстановки тех времен. Так и тут, в Дуниной светелке: комод, зеркальце, вазанье.

...И поныне Выру можно покинуть на доброй тройке. Отсюда лихой ямщик «на облучке, в тулупе, в красном кушаке» прочит вас, «бразды пушистые взрываю», в общей сложности восемнадцать километров. Зимой — в санях, летом — в настоящих почтовых каретах — до соседней деревни Кобринно, где родилась и выросла няня Пушкина Арина Родионовна, затем в Суйду, бывшее имение Ганнибалов, потом в старинное село Батово, на родину декабриста Рыльева и обратно, на станцию.

Домой, в двадцатый век, мы увозим с собой привет из пушкинских времен: сувенирную открытку, почтовая марка на которой погашена штампом 1792 года. В центре круглой печати — подкова и ямщицкий рог, а по окружности — надпись: «Почтовая станция Выра».

На дворе почтовой станции, вымощенном «той самой» брусчаткой с помощью наших современников, давно пробил себе дорогу древний родничок. И теперь в старинном колодце с водопоем действительно можно поить лошадей.

ОБЫЧНО-ВЕЩНЫЕ

Мир капитала: насилие, жестокость, страх

Михаил ОЗЕРОВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Илона прижалась лбом к его щеке и прошептала:

— Мы пойдем завтра на Терезиенвизе, папочка?

Он ждал этого вопроса. Ждал и надеялся, что не дожидется. Очень уж не был настроен Платцер идти туда. Он не мог объяснить почему, просто были какие-то предчувствия, а он верил в них. Но сейчас Платцер понял: он не сможет отказать дочери. Подоткнул со всех сторон одеяло, поправил подушки, поцеловал шестилетнюю девочку и только затем сказал:

— Обязательно пойдем. Спокойной ночи.

— Ой, как я рада!—Илона захлопала в ладоши.

— Я тоже хочу на Терезиенвизе,—встрепенулся Игнац.

— Все пойдем! А сейчас спать!—отец плотно закрыл дверь.

В семь утра Платцер, как обычно, съел бутерброд с джемом, выпил чашку кофе и поспешил в контору. Предстояло заключить выгодную сделку—о продаже двадцати тонн металлолома. Все уже обговорили, однако покупатель вдруг заупрямился, потребовал снизить цену, и контракт подписали лишь после обеда.

Домой Платцер вернулся усталый и раздраженный. Но когда еще в прихожей ему на шею бросилась Илона, он заулыбался. И стал торопить своих.

До Терезиенвизе было рукой подать. Как и в прошлые годы, вокруг кипела веселая, нарядно одетая толпа. Гремела музыка, вертелись карусели, сверкали призывными огнями павильоны, в которых посетители играли на всевозможных автоматах, покупали сладости, пили пиво из литровых кружек, заедая сосисками: разве представишь себе Мюнхен, тем более «октоберфест»—октябрьский праздник урожая—без знаменитого баварского пива и сочных сосисок «вайсвюрстль», местной гастрономической достопримечательности!

Илона съела две порции мороженого. Мальчиков невозможно было увести из тира. А сам Платцер потерял счет количеству выпитого пива. Ничего: такое бывает раз в год! Впрочем, уже пора домой.

Они напрялись к воротам. Платцер взял за руки Илону и Игнаца, жена с тремя другими детьми шла за спиной.

В 22 часа 19 минут они миновали металлический столб с урной для мусора. Платцер запомнил точное время, потому что взглянул на часы.

Именно в этот момент раздался взрыв.

...Платцер с трудом поднял голову, она была словно чугунная. И тут же закрыл глаза от ужаса. К небу поднимался столб дыма, вокруг горели автомобили, в стенах домов зияли пробоины. На асфальте в неестественных позах—люди. В голове, словно молния, пронеслось: «Где мои?»

Из груды кирпичей высовывалась маленькая рука. Платцер стал разбрасывать обломки, и появилось обезображенное лицо Игнаца. Чуть подальше в луже крови—Илона. Тоже мертвая.

Разве выдержишь подобное! Он уже не слышал воя полицейских и пожарных машин, не чувствовал, как его положили на носилки. Очнулся в больничной палате. И узнал, что трое его сыновей тяжело ранены, а жизнь жены висит на волоске.

Виновника трагедии Платцер не увидел. Но полицейские, обнаружив тело Гундольфа Келера, все поняли.

Бомба, с которой Келер пришел к главному входу на Терезиенвизе, взорвалась раньше, чем он ожидал. Либо вовремя не сработал механизм, либо кто-то включил дистанционное управление, чтобы заодно устранить и исполнителя. Впрочем, «важнее другое»: взрыв унес тринадцать жизней, а двести человек попали в больницу.

Кто такой Келер? Член «военно-спортивной груп-

пы». Нет, к спорту она отношения не имеет, этих парней учат одному—убивать. У «фюрера» Гофмана немалый опыт: он бывший наемник в Родезии.

...Однажды по западногерманскому телевидению я лицезрел его. Показывали пивную «Красная лошадь» в Нюрнберге и ее владельца: лихо закрученные усы, наглый взгляд. Развалившись за стойкой бара, Гофман вещал в телекамеру: «Не знаю такой австрийской нации. Австрия должна войти обратно в нашу империю, но для этого надо воссоединиться с зоной». («Зоной» неонацисты именуют ГДР.) Следующие кадры запечатлели его уже в «деле», он демонстрировал приемы силовой борьбы, объясняя:

— Я бью вот так. А если он удерживается на ногах, то вот так. Если вмешивается еще один, бью вот так. А этот уже валяется на земле...

В 1956 году полиция конфисковала у девятнадцатилетнего Гофмана пистолет. В 1963 году его арестовали в Турции за контрабанду оружием. А спустя полтора десятилетия «спортсмены» разъезжали на бронемашинах, проводили учения на полигонах. На их рубашках красовалась злобная эмблема: череп и кости. Газеты писали, что они вооружены лучше, чем некогда отряды СС.

Свою «черную сотню» новоиспеченный фюрер встречал приветствием «Хайль!», и в ответ несло: «Хайль Гофман!»

Затем следовал вопрос:

— Кто мы?

— Гренадеры Европы.—И группа затягивала гимн, который начинался: «Убивайте красных свиней, одну за другой».

Об этом все знали, но... Когда речь заходила о Гофмане, то в ответ нередко звучало: «Не трогайте ребят, пусть они занимаются своим маскарадом, для нас куда опаснее коммунисты...» После мюнхенской бойни Гофмана продержали за решеткой лишь два дня и выпустили «из-за отсутствия улики». Еще через день он созвал пресс-конференцию, на которой громко заявил: «Я добыю свое».

Такие же слова я слышал от Михаэля Кюнена.

Он учился в высшей школе бундесвера, стал лейтенантом. Но в двадцать три года избрал другую карьеру—неонациста. Напялил эсэсовскую форму. На гамбургской улице Шпатендайхштрассе вывесил табличку: «Фронт действий национал-социалистов», рядом прикрепил мемориальную доску с барельефом незабвенного Адольфа и взялся вербовать рекрутов. Сейчас во «фронте» семь тысяч членов, все моложе двадцати пяти лет.

Разговор со мной этот щуплый человечек с усиками «а-ля Гитлер» начал воинственно:

— Знаете, что такое демократия? Раковая опухоль на теле нации. Мы боремся за государство во главе с фюрером. Лишь Гитлер установил настоящий порядок. А сколько чуши о нем болтают! Будто он хотел войны, казнил детей. Ничего подобного. Он любил детей, животных. А больше всего—Германию.

— Вы хотите сказать, что не было миллионов людей, погибших в печах крематориев, расстрелянных, варварски замученных?

Кюнен ухмыльнулся:

— Красная пропаганда! Расстреливали лишь преступников. А газовых камер вообще не существовало. Газом травил одних вшей. Вот, прочтите...

Он протянул мне «Дойче националь-цайтунг». Заголовок на первой полосе: «Правда о Дахау». С фотографии улыбались упитанные детишки, под снимком стояло: «Заклученные здоровы и веселы».

— Чудовищная ложь!—я не мог сдержаться.—В Дахау было зверски замучено семьдесят тысяч человек. Семьдесят тысяч, понимаете?!

Снова наглая ухмылка:

— Посмотрите эту статью.

«Жизнь в контрастах»—так назывался опус о Гитлере. Оказывается, фюрер был отменно вежлив (никогда не садился в присутствии дам) и очень аккуратен (прическа волосок к волоску, маникюр). Кое-кого ему приходилось, правда, убирать, однако не по собственной воле: Гитлер осуществлял историческую миссию, а они стояли на его пути.

И это написано в легально издающейся газете, тираж которой сто тысяч экземпляров!

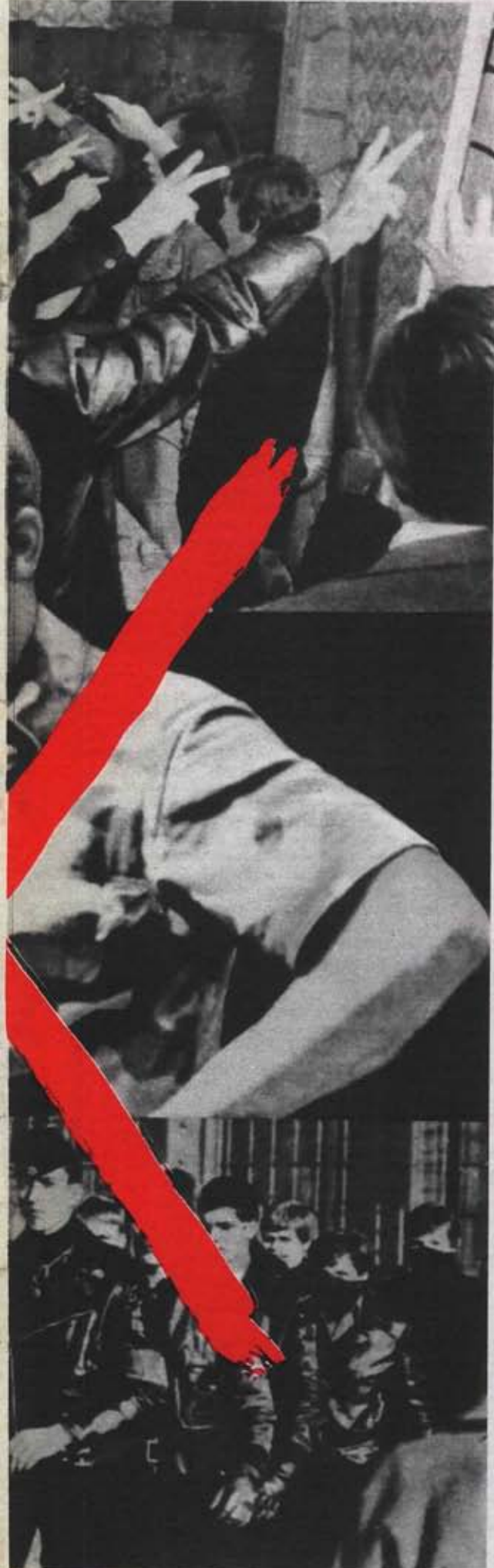
Впрочем, чего только не пишут и не говорят. Асы гитлеризма прославляют «третий рейх» у гроба Деница—бывшего адмирала и «преемника Адольфа». Гитлер и Геббельс истерически вопят с пластинок, которые выпускаются гигантскими тиражами.

Любого желающего ждут в киосках, помимо «Дойче националь-цайтунг», свежие номера журналов «Дас III райх», «Ландзерн», «Дойче вохен-цайтунг»—бери,

НЕОНАЦИСТЫ

что хочешь, в ФРГ выходит сто с лишним неонацистских газет и журналов.

Вроде бы для Кюнена созданы великолепные возможности. Однако он недоволен. Жалуется: «Работаю по мелочам». Что значит «по мелочам»? Его ребята напали на автомобиль гамбургского банкира и захватили 60 тысяч марок. Попытались, хотя и безуспешно, освободить из западноберлинской тюрьмы Шпандау Рудольфа Гесса — ближайшего соратника Гитлера, который приговорен к пожизненному заключению. У одного из членов «фронта» нашли 600 граммов цианистого калия — он собирался отравить охрану тюрьмы Шпандау. Заплатил штраф и отделался легким испугом. Когда коммунисты, демократы, антифашисты устраивают демонстрации, молодчики «фронта» выходят на улицы с кастетами и ножами.

Я видел их. Черные рубашки, черные брюки, черные кожаные куртки. На левом рукаве — свастика. Высокие кавалерийские сапоги. На поясе нож.

— Во «фронт» может вступить любой немец, — разглагольствовал Кюнен. — Правда, есть несколько условий. Во-первых, возраст не старше двадцати пяти, мы молодежная организация. Во-вторых, он должен быть чистокровным арийцем.

Тринадцатилетний житель Франкфурта поведал корреспонденту телевидения, что если бы он правил страной, то вешал бы противников за ноги, сыпал им на раны соль и мучил до тех пор, пока они не умрут...

Такие, как он, вступают в члены «Викинга». Это, по сути дела, гитлерюгенд. Сходна и одежда: полувоенная форма серо-зеленого или коричневого цвета, сходны и лозунги: «Пусть заблестят ножи!», «Уничтожайте противника!».

Впрочем, призывы подобного типа юному гражданину ФРГ да и любой страны Запада известны чуть ли не с пеленок. Подсчитано: одна из семи иллюстраций в детском комиксе изображает насилие. Вот мужчина поднял топор, а на полу лежит женщина. Следующий рисунок: он опускает топор. Подпись гласит: «Слышен пронзительный крик Берты. Сверкает сталь. Глухой удар. Крик обрывается». На последнем рисунке снова мужчина с поднятым топором. Читаем: «Он рубил и кромсал, расчлняя труп»...

Голубой экран не отстает от детских книжек, на нем подросток тоже может вдоволь наглядеться на всякого рода убийства. Несколько «новинок»: в одной из французских картин банда преступников отправляет на тот свет больше тридцати малышей; в английской — сумасшедший маньяк насилует девочек; в западногерманской изображен школьный учитель-садист...

Нередко ребенок, став чуть постарше, уже получает удовольствие от издевательств над другими. Газеты сообщают: в десятилетнего жителя Милана его сверстник кинул апельсин, в который было вставлено лезвие бритвы; две школьницы связали тринадцатилетнюю девочку, затолкали ей в рот кляп и сбросили с четвертого этажа...

Бессспорно: культ насилия, процветающий на Западе, подталкивает подростка в объятия «коричневых».

...Жене Платцера только что сделали операцию. Как она? Будет ли жить? Платцер пробовал читать, но буквы прыгали перед глазами. Включил радио.

То, что он услышал, показалось галлюцинацией. Не может быть! Но голос в приемнике продолжал: «Мы сознательно пошли на взрыв бомбы в Мюнхене. Я рад, что наша акция вызвала широкий резонанс. Это привлечет внимание к нашей борьбе».

Рад?! Рад гибели людей? Гибели Илоны, Игнаца?

Другой голос произнес: «Мы передавали заявление Мишеля Гросса, члена группы «Фламандский военный орден».

Фламандец? При чем тут он? Ведь бомбу взорвал Келер.

Позже Платцер узнал: в мюнхенском преступлении виновны, помимо «спортсменов» Гофмана, молодые неонацисты из Франции и Бельгии. Они вместе тренировались в лесах Арденн возле границы Западной Германии и Бельгии. Группой командовал Мишель Гросс.

А французские боевики вскоре повторили «подвиг» коллег из ФРГ. На улице Коперника в самом центре Парижа взорвалась бомба. Как и в Мюнхене, огненный смерч превратил в груды лома автомобили и мотоциклы, убил и ранил десятки людей.

И это преступление не было неожиданным. Активизировались черносотенцы во всей Западной Европе. Незадолго до парижского кровопролития произошло еще одно — на вокзале в Болонье. Там тоже взорва-

лась бомба. Целые сутки пожарные, полицейские, солдаты и врачи извлекали тела из-под обломков здания и рухнувших балок. В тот день погибло 85 человек.

Болонья, Мюнхен, Париж... Еще никогда последыши Гитлера не заявляли о себе столь кровавыми преступлениями. И столь скоординированными — они дружно перешли к открытому терроризму. «Речь идет не о случайных эпизодах, а о злобной тенденции», — констатирует парижская «Матэн».

Коричневой паутиной опутан весь континент. К примеру, в 35 километрах от Мадрида находится молодежный лагерь. Начальник его — бывший офицер СС «командир Вальтер». Он обучает испанских юнцов борьбе против «либерального угодничества и коммунизма».

Предостаточно нацистов в Австрии. Венское кафе «Цу драй хаген» почище пивной Гофмана и мадридской «Калифорнии»: когдаходишь, бармен вскидывает руку в недвусмысленном приветствии, на стенах — реликвии времен «аншлюсса»¹. В Хербранце ежемесячно проходит собрание неонацистского «Союза молодежи, верной родине». А в Зальцбург съезжаются представители доброго десятка ультраправых партий, и съезжаются отнюдь не для того, чтобы побывать в доме, где родился Моцарт...

На Британских островах действуют «Сыновья святого Георга». Неонацист из Гамбурга пробил трубой голову антифашисту, который вышел на демонстрацию. Попал за решетку? Ничего подобного. Появились «сыновья»: они помогли бежать из ФРГ и позаботились, чтобы в Англии у него оказались работа, крыша над головой и счет в банке. Теперь убийца — владелец паба (пивного бара) в Бристолье.

...Под вой сирен санитарная машина неслась по центру Рима. Вот и госпиталь «Агостино Гемелли». Из автомобиля на носилках выносят пожилого мужчину, он тяжело дышит, глаза закрыты, губы что-то шепчут.

В 17.17 тринадцатого мая 1981 года на площади Святого Петра в Ватикане прогремели выстрелы. Три пули попали в папу Римского Иоанна Павла II.

Такого еще не случалось. Стреляли в императоров, королей, президентов, но чтобы в «наместника божьего»!

Сразу, конечно, возникли вопросы: кто стрелял и зачем?

И началось! Вместе с сообщением о том, что у преступника смуглое лицо, родилась версия: он — или чилийский или палестинский коммунист. Но вскоре стало известно имя — Али Агджа. Тогда версию несколько изменили: это не чилиец или палестинец, но действовал он «по заданию красных». Опять осечка, оказалось, что Агджа — турецкий фашист.

Клубок разматывался все дальше, и выяснилось, что Агджа часто навещался в Палермо, в штабквартиру итальянской профашистской организации «вооруженные революционные ячейки», получал там инструкции и деньги.

Следы его обнаружили также в ФРГ, Испании, Англии, Франции, Бельгии и Греции. Как получилось, что преступник, приговоренный к смертной казни за убийство прогрессивного турецкого журналиста и полтора года разыскиваемый Интерполом (международной полицейской организацией), свободно колесил по Европе и готовил следующее покушение? Откуда появилась у него пачка фальшивых паспортов? Кто открыл в двух швейцарских банках счета на его имя?

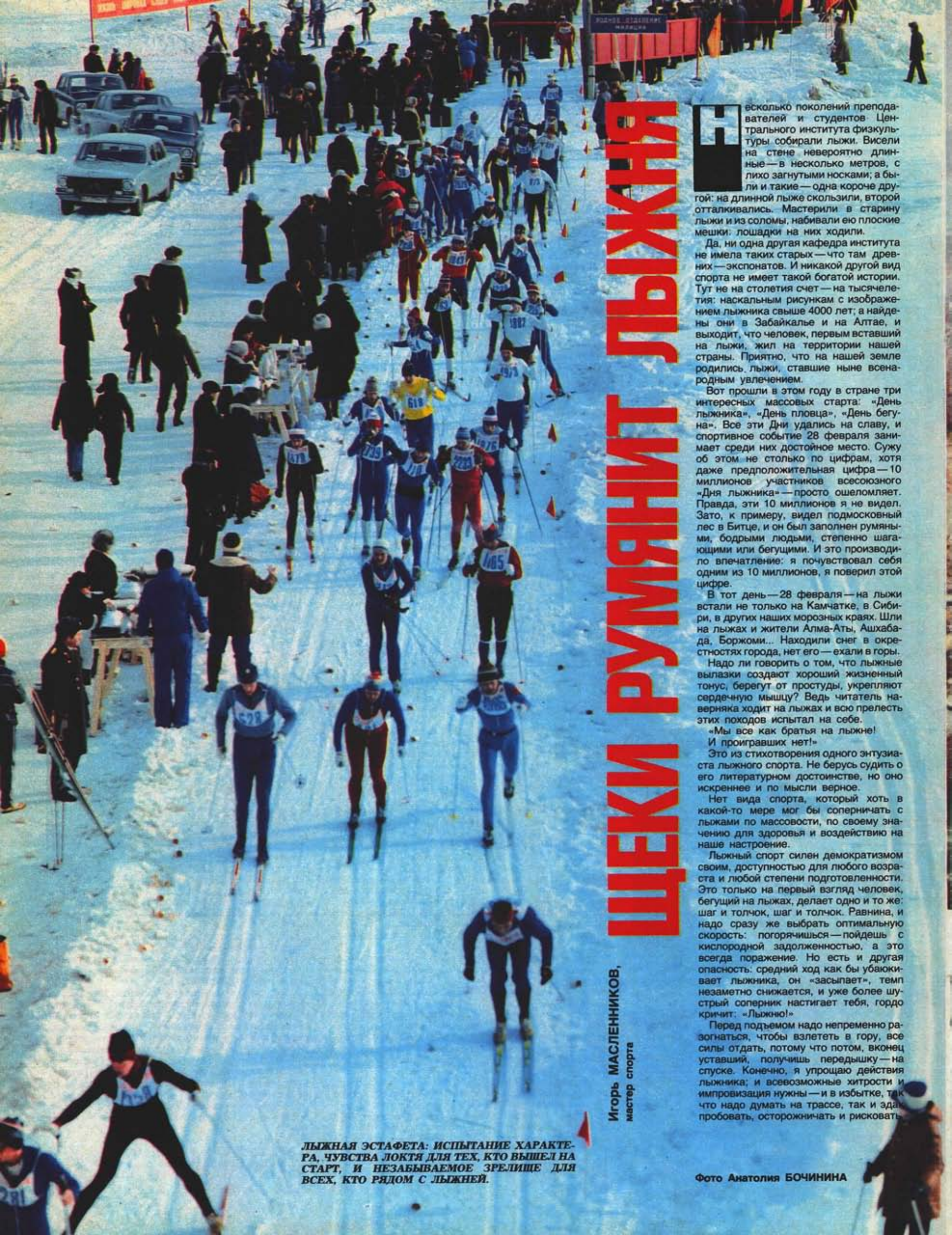
Ответ на все эти вопросы одинаков: всеисильные друзья — «коричневые»...

Их принципы известны: это и вражда к рабочему классу, и нетерпимость ко всему «чуждому», и презрение к человеческой жизни.

«Для всех людей найдется место под солнцем. Может быть, самое чудесное в жизни — ее многообразие. Но нет на земле места фашистам. Если они после всего уцелеют, значит, простись с надеждой, не думай о справедливости, не ласкай ребенка — он обречен». Прошло почти сорок лет с тех пор, как Илья Эренбург написал эти строки, но и сейчас они актуальны. Фашизм не намерен уходить с исторической сцены, он заявляет о себе все наглее. И общественность не вправе закрывать глаза на это — слишком дорого обошлись и еще дороже могут обойтись человечеству претензии и амбиции коричневых.

¹ «Аншлюсс» — захват Австрии фашистской Германией в 1938 году.

ЩЕКИ РУМЯНЫМ ЛЫЖНЯ

Игорь МАСЛЕННИКОВ,
мастер спорта

В несколько поколений преподавателей и студентов Центрального института физкультуры собирали лыжи. Высели на стене невероятно длинные — в несколько метров, с лихо загнутыми носками; а были и такие — одна короче другой: на длинной лыже скользили, второй лыжи и из соломы, набивали ею плоские мешки: лошадки на них ходили.

Да, ни одна другая кафедра института не имела таких старых — что там древних — экспонатов. И никакой другой вид спорта не имеет такой богатой истории. Тут не на столетия счет — на тысячелетия: наскальным рисункам с изображением лыжника свыше 4000 лет; а найдены они в Забайкалье и на Алтае, и выходит, что человек, первым вставший на лыжи, жил на территории нашей страны. Приятно, что на нашей земле родились лыжи, ставшие ныне всенародным увлечением.

Вот прошли в этом году в стране три интересных массовых старта: «День лыжника», «День пловца», «День бегуна». Все эти Дни удалась на славу, и спортивное событие 28 февраля занимает среди них достойное место. Сужу об этом не столько по цифрам, хотя даже предположительная цифра — 10 миллионов участников всесоюзного «Дня лыжника» — просто ошеломляет. Правда, эти 10 миллионов я не видел. Зато, к примеру, видел подмосковный лес в Битце, и он был заполнен румяными, бодрыми людьми, степенно шагающими или бегущими. И это производило впечатление: я почувствовал себя одним из 10 миллионов, я поверил этой цифре.

В тот день — 28 февраля — на лыжи встали не только на Камчатке, в Сибири, в других наших морозных краях. Шли на лыжах и жители Алма-Аты, Ашхабада, Боржоми... Находили снег в окрестностях города, нет его — ехали в горы.

Надо ли говорить о том, что лыжные вылазки создают хороший жизненный тонус, берегут от простуды, укрепляют сердечную мышцу? Ведь читатель наверняка ходит на лыжах и всю прелесть этих походов испытал на себе.

«Мы все как братья на лыжне!
И проигравших нет!»

Это из стихотворения одного энтузиаста лыжного спорта. Не берусь судить о его литературном достоинстве, но оно искреннее и по мысли верное.

Нет вида спорта, который хоть в какой-то мере мог бы соперничать с лыжами по массовости, по своему значению для здоровья и воздействию на наше настроение.

Лыжный спорт силен демократизмом своим, доступностью для любого возраста и любой степени подготовленности. Это только на первый взгляд человек, бегущий на лыжах, делает одно и то же: шаг и толчок, шаг и толчок. Равнина, и надо сразу же выбрать оптимальную скорость: погорячишься — пойдешь с кислородной задолженностью, а это всегда поражение. Но есть и другая опасность: средний ход как бы убаюкивает лыжника, он «засыпает», темп незаметно снижается, и уже более шустрый соперник настигает тебя, гордо кричит: «Лыжня!»

Перед подъемом надо непременно разогнаться, чтобы взлететь в гору, все силы отдать, потому что потом, вконец уставший, получишь передышку — на спуске. Конечно, я упрощаю действия лыжника; и всевозможные хитрости и импровизация нужны — и в избытке, так что надо думать на трассе, так и эдак пробовать, осторожничать и рисковать.

ЛЫЖНАЯ ЭСТАФЕТА: ИСПЫТАНИЕ ХАРАКТЕРА, ЧУВСТВА ЛОКТА ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЫШЕЛ НА СТАРТ, И НЕЗАБЫВАЕМОЕ ЗРЕЛИЩЕ ДЛЯ ВСЕХ, КТО РЯДОМ С ЛЫЖНЕЙ.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Вот я сказал о доступности. Лыжи в этом плане удивительный вид спорта. Многие спортивные дисциплины требуют специальной подготовки: без этого не прыгнешь с трамплина, не выйдешь на ринг и борцовский ковер, не сядешь в парусное судно. В иных видах спорта таких сложностей, может быть, нет, но есть другие: нужны стадион, бассейн, корт, а то и дефицитный инвентарь.

В лыжах все проще. Тут смешиваются и спортивные интересы и необходимость ходить на лыжах в школу или на работу. Беседуешь, скажем, с чемпионом по легкой атлетике, и обычная история: подростком занимался этим видом спорта в школе, затем пригласили в секцию, так оно и пошло — прямо к пьедесталу почета. А в лыжах как? Первый наш чемпион мира Владимир Кузин думать не думал о большом спорте. Ходил себе в удовольствие на лыжах в своей деревеньке Лампожня, что в Архангельской области, правда, много ходил, и когда его пригласили выступить на соревнованиях, то юный гонщик всех привел в замешательство: твердый поморский характер, редкостная выносливость и физическая сила позволили ему с большим преимуще-

Если же разобраться, то ничего странного и уж тем более необъяснимого в таких историях нет. Не ведая того, лыжники предваряли ставшую нынче модной теорию о пользе занятий спортом с самого раннего возраста, не будем только говорить о некоторых перегибах и перекосах этой теории. То, что мы видим сейчас в гимнастике и плавании, давным-давно было в лыжах. Только там все происходило путем естественным и простым и потому выглядело безболезненно и незаметно.

В селах детишки становились на лыжи быстро, и ходили они много — с утра и до сумерек. При этом работа по хозяйству, причем нелегкая, была, если воспользоваться спортивным термином, прекрасной общефизической подготовкой. Налицо все признаки ранней специализации, что и давало наиболее одаренным и трудолюбивым ребятам возможность прекрасно проявить себя на первых же состязаниях.

Да и поныне сельские жители в лыжах имеют подавляющее преимущество над горожанами. И закуска эта, замечу попутно, надолго. Иной лыжный «король» весь мир объездил, на званных обедах с настоящими королями за од-

ны ее тренировки и тренировками не назовешь. Там четко спланированная, постоянная, с полной отдачей сил работа под контролем целой бригады тренеров, ученых. У Терехиной — больше в свое удовольствие. А все же за счет потрясающей выносливости она нередко на равных соперничала с чемпионками. И только в возрасте 38 лет Терехина какое-то время потренировалась по плану тренеров сборной. Годы брали свое, и она решила расстаться с лыжами победительницей. И добилась своего: на чемпионате страны 1968 года в Отепя стала чемпионкой. Она могла бы победить и на другой дистанции, но упала, и Алевтина Колчина сумела выиграть ту гонку.

После чемпионата тренеры сборной подошли к Терехиной, дескать; соглашайся тренироваться в сборной, вся жизнь твоя изменится. И услышали то, что слышали от нее десятки раз раньше: «Не-е, мне в деревню пора, там работы много — весна скоро».

Лыжники вообще слыт людьми надежными и степенными. Это в большинстве своем самостоятельные, с умелыми руками люди. У товарищей, ответственных за воспитательную работу,

физкультурников испытания начинаются еще до выхода на лыжню. Не всегда свободно купишь в магазине нужную именно для этой погоды мазь, легкие прочные лыжи (детские лыжи — проблема особая), удобный спортивный костюм. Конечно, обеспечить всем необходимым многомиллионную армию любителей лыж непросто, но им-то от этого не легче. Лыжников-горожан зачастую огорчает и отсутствие освещенной лыжни в городских парках, вот и просятся уют прекрасные зимние вечера в четырех стенах.

И все же любовь к лыжам преодолевает любые сложности.

Есть чемпионаты страны и мира, есть у лыжников олимпийские гонки, но есть и огромное количество ни к чему не обязывающих, веселых и увлекательных стартов — массовых, я бы даже сказал — народных, из коих выделял бы гонку в Одишове. Собравшая несколько лет назад десяток-другой энтузиастов, ныне она стала событием чуть ли не всеобщего значения. Гонку эту называют «Лыжня Манжосовых».

Когда-то старший Манжосов проложил в своем родном Одишове трассу, пригласил посоревноваться на ней нескольких отнюдь не выдающихся лыжников, вручил после финиша каждому свои немудреные призы: кому тренировочную шапочку, кому плитку шоколада, кому баночку импортной мази... Было во всем этом нечто трогательное и искреннее, и позднее не только четкая программа соревнований и официальная реклама, а внутренняя склонность людей к таким вот симпатичным и заботливым, если можно так сказать, гонкам создали им огромную популярность. И уже сын Манжосова, а потом и местные организации, комсомол приняли самое деятельное участие в этом соревновании-празднике: очень уж много стало желающих выйти на старт.

В последние годы сюда заглядывают и ведущие гонщики страны. Не результатом единым жив спорт, и прославленные наши чемпионы с превеликим удовольствием принимают участие в этих необычайно увлекательных соревнованиях.

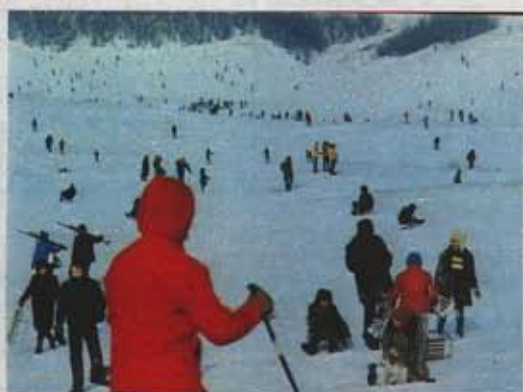
И не менее увлекательно проходят профсоюзно-комсомольские кроссы в коллективах физкультуры предприятий, строек, учебных заведений, затем — районные и городские.

Есть и еще одно замечательное лыжное соревнование. Но оно не для физкультурника — сверхмарафон на 70 км в заполярной Кандалакше требует большой специальной подготовки. Был, правда, случай, когда стартовый номер дали физкультурнику — 53-летнему пожарному из Саратова Федору Пяткову. Никем не командированный, он на свой страх и риск прибыл в Кандалакшу, предъявил безукоризненные справки о здоровье организаторам, и те разрешили энтузиасту пройти 70 км. Прослышав об этом, отряд местных пожарных — с оркестром и самим брандмейстером — прибыл поболеть за коллегу.

Около десяти раз я был свидетелем этого сверхмарафона, и всякий раз больше половины жителей Кандалакши становились зрителями: невероятный интерес она вызывает. Люди спешат занять места возле трассы загода, чтобы получше рассмотреть своих любимцев. Ну, и те очень стараются: потому не стоит удивляться, что на этом сверхмарафоне чрезвычайно невысокий процент участников, которые сходят с дистанции.

Вечером все встретятся еще раз. Вечером в лучшем клубе Кандалакши раскрасневшиеся от духоты и волнения хозяева — металлурги и рабочие рыбообрабатывающего завода — крепкими своими ладонями будут аплодировать победителям, когда те выйдут на сцену за наградами.

По давней традиции этот сверхмарафон проводится 7 апреля. Это самое последнее значительное лыжное соревнование сезона. Для лыжников в этот день заканчивается зима. Сегодня она у них в разгаре.

ЗДОРОВЬЕ, СКОРОСТЬ, ПОЛЕТ, РАЗВЛЕЧЕНИЕ, СИЛА И МУЖЕСТВО — ВОТ ЧТО ТАКОЕ ЛЫЖИ.

ством победить в первой же гонке довольно опытных и тренированных гонщиков. Мыслимо ли такое в другом виде спорта?

И это не исключение, схоже складывались судьбы многих, если не большинства, наших чемпионов. Первый старт заканчивался неожиданным и вроде бы необъяснимым успехом. Вот как вспоминает об этом олимпийская чемпионка Алевтина Колчина в своей интересной книге. Речь идет об эстафете на весьма солидных областных соревнованиях:

«Я была такая маленькая и худенькая. Худенькая-худенькая, прямо, казалось, косточки просвечивают. Прикрыл меня физрук шинелью, чтоб не замерзла. Стоим, ждем, прямо на линии старта. Финишировала наша девочка, выпорхнула я из-под его руки, словно из-под крыла, и побежала. Всех обогнала и пришла к финишу первой».

ним столом сидел, а присмотришься к нему — и в говоре его, и в складе характера, и в жестах все равно живет сельский человек.

Тут я сразу Нину Терехину вспомнил. Колоритная была личность, своеобразная. Сейчас это имя не многим что-то скажет, да и тогда, в шестидесятых годах, Терехина была знаменита только в небольшом кругу. А ведь как побаивались ее наши лучшие гонщицы, не исключая самых именитых. Колхозница из подмосковной деревеньки, она ни в детстве, ни в зрелые годы не горела желанием прославиться на международной лыжне — такое вот у нее было отношение к спорту. Летом работала на ферме, ну и каталась для отдыха на велосипеде. Зимой времени было побольше, и Терехина много ходила на лыжах. Хотя что такое «много»? По сравнению с лыжницами сборной стра-

хлопот с ними немного. Они уважаемы в мире спорта, и когда на Олимпийских играх наступает день лыжной гонки, то возле трассы стоят представители всех сборных: давнее и неписаное правило.

Каждому из нас хоть раз, но пришлось «потерпеть» на лыжах, и поэтому легко вообразить, что ощущают на гоночной трассе эти терпеливые и отважные, в мокрых от пота и снега комбинезонах люди. И я убежден, что любовь наша к лыжам объясняется не только пониманием того, что они дадут нашим легким свежий воздух, а лицу — румянец. Мы любим в них и возможность испытать себя. Потому так популярны лыжные вылазки на 30 км, 50 км, а то и побольше. Эти ощущения — своего рода соль жизни, и мы благодарны лыжам за эти суровые подчас, но такие необходимые нам испытания.

К сожалению, нередко для многих

А ЧТО У ВАС?

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Недавно в рыбном магазине я слышала разговоры о том, что, мол, рыба стала плохо ловиться. Якобы из-за того, что ее стало мало в океане, ищут ее самолетами, а это дорого.

В. КУЛИКОВА,
Тула

«Авиарыбразведка — гарантия успешной «рыбалки», —

считает начальник лаборатории морских экспедиций Севрыбпромразведки Лев Александрович Зотов.

— Неужели рыбы действительно стало так мало, что ее ищут за тридевять морей?

— Нет, почему же? Дело в том, что сейчас практически все государства ввели у себя двухсотимильные рыболовные (экономические) зоны. В связи с чем многие традиционные места лова для нас оказались

закрытыми. Вот и приходится советскому траловому флоту выходить на освоение совершенно новой сырьевой базы в открытые районы Мирового океана.

Но только несведущему человеку может показаться, что раз траулер забросил в море невод, — добыча обеспечена. На самом деле все значительно сложнее. Прежде всего надо найти место лова: рыба не где попало плавает. И только тогда ориентировать флот — многие десятки траулеров.

— ...И проблема решена?

— Знаете, сколько требуется времени для того, чтобы большой морозильный траулер обследовал акваторию площадью в сто тысяч квадратных километров? Семьдесят семь суток! И стоит это более полумиллиона рублей.

Для разведки рыбы за тысячи километров от базы, скажем, на просторах Атлантики, потребовался совершенно иной тип самолета: большого радиуса действия и продолжительности полета, способного летать на сравнительно малых скоростях. Таким самолетом стал ИЛ-18Д (дальний). Уже первые полеты летчиков-испытателей Государственного НИИ гражданской авиации подтвердили, что выбор сделан правильно.

Авиаразведкой у нас в стра-

не давно уже никого из специалистов не удивишь. Повторяю: у нас. Ибо только в системе планового хозяйства она стала возможна и применяется так активно и широко. Ни одна иностранная фирма, а государственных рыболовных компаний на Западе нет, не может позволить себе роскошь заплатить за работу самолета, даже если уловы у них, что называется, «не ахти». Дорого.

А в будущем, возможно, на помощь рыбакам придут дирижабли, способные барражировать над океанической поверхностью месяцами.

Беседу вел
Борис БЫЧКОВ

...НА ДВА СЛОВА!

В трикотажном объединении «Марат» молодые работницы участвовали недавно в интересном соревновании: кто лучше придумает и изготовит модель детской одежды. Непременное условие конкурса — материальной базой для создания костюмчиков и платьев должны были послужить отходы основного производства. Конкурс прошел успешно, сейчас моделиеры заняты изучением экспонатов-победителей: какие-то из них могут быть поставлены на конвейер.

Марина ВАЙНО,
Таллин

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР Энергия музейного экспоната

В феврале 1919 года крестьяне села Яропонец Московской губернии решили получить электроэнергию, используя старую помещицкую мельницу на реке Ламе. Ток давал генератор, соединенный ремennым шкивом с мельничным колесом.

А спустя полтора года, 14 ноября 1920-го, по дороге из деревни Кашино в Яропонец приехали В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Владимир Ильич выступил перед крестьянами с речью. Затем завязалась беседа. Крестьяне рассказали о своем намерении построить настоящую ГЭС. Просили помочь в приобретении оборудования и материалов — в первую очередь турбины, медного провода.

Вскоре Владимир Ильич принял в своем рабочем кабинете в Кремле представителей крестьянского кооператива и отдал необходимые распоряжения о выделении яропольчанам дефицитных материалов.

И вот осенью 1922 года первая советская сельская гидроэлектростанция дала ток в четырнадцать деревень Волоколамского района. А в 1939 году она стала называться Яропонецкая ГЭС имени В. И. Ленина.

— Это прежде всего памятник, который мы обязаны бережно восстановить и сохранить для потомков, — рассказывает Б. Грознов, главный инженер проекта, сотрудник Всесоюзного проектно-исследовательского и научно-исследовательского института имени С. Я. Жука. — Нам пришлось провести настоящие историко-архивные исследования. Неценимую помощь в поисках нам оказали Центральный музей имени Ленина, Политехнический музей.

Плотина и остальные гидротехнические сооружения выполнены в бетоне и железобетоне, а искусная работа реставраторов придала им необходимый декор — внешний вид деревянных панелей.

Гидростанция даст ток не только мемориальной зоне: часть энергии, вырабатываемой здесь, поступит в сеть Мосэнерго.

...От Яропонецкого шоссе к зданию ГЭС-памятника про-

ложена автодорога. На одной из стен павильона, возле автостоянки экскурсанты увидят огромное мозаичное панно «Электрификация России». Неподдалеку, в парковой зоне — взметнувшись в небо памятную стелу в честь первой сельской гидроэлектростанции страны.

В строительстве ГЭС-памятника, кроме бойцов ССО московских вузов, были заняты представители всех республик нашей многонациональной Родины.

Борис КОРОВИН

На вопросы читателей отвечает ведущий специалист Госкомтруда СССР И. Н. Елисеенкова

Уважаемая редакция! Просим объяснить порядок оплаты труда работников гостиничного хозяйства, занятых на работе ночью.

По поручению
коллектива — **Л. НЕМОВА,**
ветеран труда,
Сочи

Прежде всего надо иметь в виду, что на доплату за работу в ночное время не могут претендовать те, у кого рабочий день не нормирован. А также работники, кому такая доплата официально включена в должностной оклад. В остальных же случаях сумма доплаты устанавливается исходя из того, в какой именно отрасли народного хозяйства вы работаете.

Например, у рабочих и младшего обслуживающего персонала во всех отраслях промышленности час ночной

работы «стоит» на 20 процентов дороже, чем аналогичный дневной, а у рабочих текстильной и хлебопекарной промышленности — на 50 процентов дороже.

В организациях, предприятиях жилищно-коммунального хозяйства работа в ночное время оплачивается иначе. Допустим, у вас повременная оплата труда, семичасовой рабочий день и один час работы «стоит» 60 копеек. Тогда каждый час ночной работы будет «стоять» уже на десять копеек дороже. При шестичасовом рабочем дне пропорции оплаты ночного труда такие же. Сдельщикам сверх заработка за каждый час ночной работы доплачивается соответственно $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{5}$ почасовой ставки.

Точно так же оплачивается ночной труд и на работах, где продолжительность ночной смены уравнивается с дневной. Например, в непрерывных производствах. А сверх сдельного заработка в этом случае доплачивают соответственно $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{5}$ часовой ставки за каждый час ночной работы.

Ночным считается время с десяти часов вечера до шести часов утра.

ОТ РЕДАКЦИИ. Юридическая консультация продолжает свою работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ — или на страницах журнала, или отдельным письмом.

«СМЕНА» — ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

«ТЯНЬ-ШАНЬ»

...Эти строки приобретают особый смысл, когда читаешь их в преддверии нашего всенародного праздника — 60-летия со дня образования СССР.

«Наша задача — осветить один из наименее доступных и почти неизвестных широкой массам районов — Центральный Тянь-Шань, территорию Киргизской АССР», — писал в ноябрьском 1932 года номере «Смены» Владимир Шнейдеров, кинорежиссер, начальник экспедиции. Здесь и далее ниже — строки из его путевого дневника.

«Вступили в горы, и лагерь наш принял боевой характер. Розданы патроны, каждый из членов экспедиции получил инструкцию на случай тревоги. Классовая борьба в ауле выбрасывает за его пределы кулаков и манапов. Часть из них бежит в горы и бродит здесь, совершая нападения... Район стал районом сплошной коллективизации, баям деться некуда, и это делает их ожесточенными... Но нас 16 человек, мы хорошо вооружены, а ребята у нас боевые — члены «Динамо»...»

«...Как меняется лицо горной Киргизии! Еще в 1928 году... бай и кулак правили родами. Советские организации нередко захватывались тайно родовыми вожаками. Партийные и комсомольские организации были засорены их агентурой.»

А теперь? То есть в 1932 году? Несмотря на то, что «было собрание колхозников, постановившее всем аулом — колхозом принять участие в съемках картины, которая покажет всему Союзу жизнь кочевого аула — колхоза на Тянь-Шане», экспедиция Шнейдерова столкнулась с «серьезнейшим затруднением». «Актеры» — киргизы, никогда не издавшие кино, категорически отказываются изображать баев. Они изгнали своих баев, и никто из них не позволит даже назвать себя баем...»

...НА ДВА СЛОВА

...Обычный двухэтажный дом на тенистой улочке в Старой Руссе стал недавно новым домом — музеем Ф. М. Достоевского. Сюда писатель приехал с семьей в 1876 году. Это было первое в жизни Федора Михайловича «собственное гнездо». До этого он жил где придется, никогда не имел своего до-

ма. Здесь написал роман «Подросток», завершил «Бесов», создал большую часть книги «Братья Карамазовы».

Во время войны дом был разрушен, а уже позже реставрирован силами староруссовцев, почитателей таланта писателя.

Леонид ГУРОВ,
Старая Русса

ЖЕГЛОВЫ

В начале века люди считали, что пятый океан удастся покорить с помощью аэростатов и дирижаблей. Одним из тех, кто вкладывал свой труд в дирижаблестроение, был Иосиф Иванович Жеглов. Он родился в 1897 году на Украине, в Донбассе.

В 1918 году, добровольно вступив в Красную Армию, он освоил специальность бортмеханика самолета. В составе 9-го авиационного отряда боролся с интервентами на Южном фронте. До 1928 года Иосиф Жеглов служил в первой эскадрилье имени Ильича.

В Долгопрудный, к дирижаблестроителям, Иосиф Иванович пришел, имея за

плечами шестнадцатилетний стаж работы на самолетах.

На первых советских воздушных кораблях «СССР В-2», «СССР В-3», «СССР В-6» летал с агитрейсами на Украину.

В августе тридцати восьмого года из сборочного цеха вывели новый корабль «СССР В-10» и пришвартовали на взлетной площадке. Предстояли ответственные заводские испытания. В числе семи членов экипажа был И. И. Жеглов. В испытательном полете 6 августа 1938 года при катастрофе дирижабля «СССР В-10» оборвалась и его жизнь.

Эстафету Иосифа Ивановича принял сын Александр, родившийся в 1918 году. На Долгопрудненском заводе Дирижабльстроя он был мотористом. Когда белофинны спровоцировали с нами войну, ушел на фронт бортмехаником скоростного бомбардировщика. В годы Великой Отечественной войны стал авиамехаником 16-го авиационного полка, охранявшего небо Москвы. Затем 1-й Украинский фронт, освобождение Польши...

Валерий Александрович, его тридцатилетний сын, также авиационный специалист — инженер.

Виктор ТУРЬЯН.
Фото
Владимира РУБАНА

Аптека ветеринара

Никелированный ящик со спиралью на крышке: что-то похожее на миниатюрный луноход — такой прибор можно увидеть сегодня в хозяйстве ветеринара. Это шприц для цыплят. Крошечному живому комочку сделать укол непросто, и электронный инъектор справляется с этим намного лучше человека. Он отмеряет нужную дозу лекарства и укол делает почти мгновенно, что очень важно в условиях громадных птицефабрик.

Ветеринария — ровесница медицины. Обеим наукам несколько тысячелетий от роду. У людей и у животных около ста общих болезней, и лечение их сходное. И даже символ у этих наук общий: змея, обвивающая чашу. Но у современной ветеринарии сейчас особые проблемы. Они связаны с созданием животноводческих комплексов, где под одной крышей содержатся тысячи животных. Инфекция, если она попадает сюда, будет спичкой в пороховой бочке.

В аптеке нынешнего ветеринара сто шестьдесят наименований биологических препаратов, две с половиной тысячи медикаментов. В его распоряжении современная техника: переносные рентгеновские аппараты, шприцы-автоматы, безыгольные инъекторы. Один только Лебедянский инструментальный завод выпускает более ста всевозможных приборов и инструментов. В пятнадцать стран мира экспортируется его продукция.

Новыми становятся методы лечения и профилактики. Например, ягнята романовской породы в первые дни своей жизни «загорают» на искусственном солнце. Оно укрепляет защитные свойства организма, которые ослабли за многие века культурного овцеводства. Существует лечение ультразвуком, кислородом. Помогает ветеринарам и ЭВМ. Всесоюзный институт гельминтологии предложил способ подсчитывать количество необходимых лекарств. Экономико-математическая модель, разработанная институтом, дает быстрый и точный ответ, сколько каких лекарств нужно отдельному хозяйству, району, области.

Елена ГОЛОВАНЬ

ТЕАТР ЛАБОРАНТА

...До вечера Наташа не расставалась с куклой, которую старшие братья подарили ей в день рождения. А потом решила: «Тебе одной скучно. Не грусти, Мальвина, скоро у тебя будет друг». Куклу Пьеро Наташа сделала сама. И поскольку все приключения Буратино и его друзей она уже хорошо знала, девочка решила придумать для своих маленьких друзей новые приключения.

И вот однажды Наташа пригласила своих братьев и родителей на первый кукольный спектакль. Она сама была и автором «пьесы», и режиссером-постановщиком, и единственным артистом-кукловодом. Дебют был успешным. Уже на следующий спектакль пришли соседские ребяташки...

Так родился кукольный театр Наташи Соколовой.

Прошли годы, а любовь к куклам не проходила. И по сей день регулярно после работы лаборант центральной лаборатории Каменск-Уральского металлургического завода Наталья Соколова спешит домой, к куклам. Ее театр давно перестал быть домашним. Наташа руководит на общественных началах детским кукольным театром при заводском Дворце культуры «Металлург».

— Может быть, никто из моих нынешних воспитанников и не свяжет свою судьбу с искусством, — говорит Наташа Соколова, — но я уверена, что любовь к нему они пронесут через всю жизнь.

На снимке: Н. Соколова со своими воспитанниками.

Евгений КОЛЕЗОВ.
Фото Игоря РОЗИНА

...НА ДВА СЛОВА!

Архитекторы все больше склоняются к мысли, что в больших городах первые этажи надо делать нежилыми. Я видел такие дома у нас в Москве, на проспекте Маршала Жукова, в Сокольниках. Там на первых этажах размещены службы быта, детские уголки, отделы жэк. А недавно 3-й домостроительный комбинат приступил к возведению еще одного такого дома в Тимирязевском районе, между Путейской улицей и Королевским шоссе. Это будет высотное шестисекционное здание. И, я думаю, хорошо бы в таких помещениях на первых этажах разместить еще и домашние мастерские с набором слесарных, столярных инструментов.

Александр ПЕТРОВ,
Москва

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

АВТОМАТ БЬЕТ БАКЛУШИ

Что же это такое — баклуши? И почему их бьют? Все очень просто. Баклуши — заготовки для деревянных ложек. Их «выбивают» из цельного деревянного бруса. И раньше на Калининской фабрике хозяйственно-бытовых изделий, что в Ташкенте, баклуши «били» двадцать два умельца. Но баклуш с каждым годом требовалось больше, и вот на помощь людям пришла автоматическая поточная линия.

Ложки получаются отменные. А главное — за механическим пожарком, который способен за год изготовить более трех миллионов изделий, присматривают всего два оператора.

Валерий ЛЕОНИДОВ

УВЛЕЧЕНИЯ

Кинооружие

Старшие пиротехники киностудии «Беларусьфильм» Ф. Никитенко и Д. Богданов имеют в своем распоряжении уникальный арсенал разнообразного оружия времен второй мировой войны: пистолеты, карабины, автоматы, пулеметы всех систем и калибров, пушки, минометы...

Но самое интересное, что весь этот арсенал «работает» и ныне. Ведь оба пиротехника — бывшие фронтовики, регулярно принимают участие в создании многих лент о Великой Отечественной войне. И в этих фильмах, конечно же, используются оружие из их коллекций.

Вот и ныне, когда идет подготовка к съемке новой ленты по сценарию Героя Советского Союза писателя В. Карпова «Взять живыми», оружие для разведчиков, будущих героев фильма, подбирают из арсеналов Никитенко и Богданова.

Олег МАЛОВ

мень живым и говорили о нем так: «Тот — теплый, а тот — холодный, тот — добрый, а тот —...»? Еще мастера говорят так: «Всегда беру тот камень для работы, который на меня смотрит». «Бросьте, — говорил я, — ведь есть же точная наука». «Не можем, — отвечали они, — мы же чувствуем, смотрит!»

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

НАБЛЮДЕНИЯ

ВОДА КАМЕНЬ ТОЧИТ

...Грохот Чичкана зовет тишину.

Река течет и течет. Грызет свои камушки, поглаживает их, сосет, как детский сад карамельку. И вот через два века, а может, и три, или через восемь, в камне появляется глаз. Или бровь. Еще лет через двести — круглая спина. Или хвост. Потом в глаз попадает соринка. Он сожмуривается, становится хитрым. А из старой толстой скалы-пирамиды на том берегу вдруг выпадает большой

кусок. И долго лежит квадратный, весь в белой пене...

А годы текут...

Наконец отстывает пена. Так падает покрывало с нового памятника. И когда-то тут проезжаю, например, я. Что я вижу?

Остановлюсь.

Посмотрю...

Подумаю...

И чувствую вдруг: возле костра сижу. Тепло. Мысли постепенно становятся такими же теплыми: «Хорошо жить на свете. Хорошо, что нет войны. Хорошо, что мама здорова, и жена, и сын, и я... Хорошо! Просто хорошо сидеть, смотреть, думать...»

...Почему дети всех времен и народов непременно играют в камушки?

Почему много взрослых людей хранит их в коллекциях?

Почему говорят в народе: «Тот камень хранит надежно от болезней, тот — от пожара, а этот — от неверного друга...»

Почему в некоторых деревнях и по сей день существуют свои главные камни, со своей старинной легендой и обязательным советом: «Посиди на нем, и пройдет тоска, злость, обида...?»

Почему мастера-камнерезы из давня и серьезно считали ка-

А ЧТО У ВАС?

лай Иванович Вилков работает в локомотивном депо Юдино слесарем. Возвращаясь после смены на велосипеде, Николай Иванович любит постройными приволжскими соснами, певучей красотой березовых роц. Наскоро поужинав, он спешит в свою мастерскую в предбаннике, подолгу пилит, режет, строгает. И получаются чудные рисунки, напоминающие знакомые перелески.

Это увлечение пришло к нему лет десять назад. С тех пор Николай Иванович не расстается с карандашом, дере-

вом и столярными инструментами. Появились резные ворота, засияли углы нового уже дома. Ни за что не поверишь, что небольшой домик справа от ворот — обыкновенный курятник. Только деревянный петушок намекает на то, что здесь живет домашняя птица. Для кур сделан замечательный «парадный вход», который мог бы украсить настоящий дворец. Качели установлены чуть в сторонке, поближе к тому месту, где играют соседские дети.

Мы по-хорошему позавидовали сыну

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД СЛЕСАРЬ ВИЛКОВ ВЗЯЛ В РУКИ СТОЛЯРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ. ЗА ЭТО ВРЕМЯ ЕГО ДОМ СТАЛ САМЫМ КРАСИВЫМ НА УЛИЦЕ.

Николая Ивановича, совхозному шоферу Владимиру, и дочери Наде, работающей в казанском производственном объединении «Тасма». Как радостно шагать от автобусной остановки к родному дому — такому красивому и приветливому! Ну, а для соседей пример Вилкова оказался заразительным. Они тоже взяли за топор и стамеску, стали украшать свои дома. Если так же пойдут дела и дальше, скоро вся улица будет похожа на сказочный город.

Римзиль ВАЛЕЕВ.

Фото Евгения УСПЕНСКОГО

ЛЮБО ПОСМОТРЕТЬ!

Выезжая из Казани по прямой, как рельсы в степи, улице поселка Залесный, водители сбавляют скорость возле одного из домов. Причудливые фронто-

ны, карнизы, затейливые линии оконных ставен, ворота — все это сделано добрыми и талантливыми руками. Знакомимся с хозяином дома. Нико-

Под редакцией
международного гроссмейстера
Алексея СУЗИНА

ПЕРВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ШАХМАТНУЮ КОРОНУ

Текущий год — год межзональных турниров. Их три. И первый из них завершился в Лас-Пальмасе. Успеха там добились гроссмейстеры Золтан Рибли (Венгрия) и Василий Смыслов. Оба они продолжают борьбу в матчах претендентов.

Запомнилась свежая творческая игра экс-чемпиона мира В. Смыслова. Уникальный случай, когда шахматист старше 60 лет сохраняет столь хорошую шахматную форму.

Следующая партия сыграна В. Смысловым в Лас-Пальмасе.

В. Смыслов — Ж. Суние Нето (Бразилия), Английское начало.

1. c4 Kf6 2. Kf3 e6 3. Kc3 Cb4 4. Фс2 0—0 5. a3 C:c3 6. Ф:c3 b6 7. e3 Cb7 8. Ce2 d6 9. b4 Kbd7 10. Cb2

Фе7 11. 0—0 e5 12. d3 h6 13. Kh4.

Начало интересного плана, ставящего целью расшатать оборонительные устои черных на королевском фланге и в центре, после чего временно затаившийся чернополюсный слон белых будет действовать с большим успехом.

13. ...d5 14. cd K:d5 15. Фс4 Lfd8 16. Cf3!

Игра Смыслова в этой партии очень поучительна. Она целеустремленна в стратегическом отношении и вместе с тем совершенна в тактическом воплощении.

16. ...c6 17. Kf5 Фf6 18. Kg3 a5 19. Lfс1 Фе7 20. Kf5 Фf6 21. Ce4 Фе6 22. C:d5!

Тонкое позиционное решение, вместе с тем основанное на точном расчете. В случае 22. ...cd 23. Фg4 Фf6 24. Лс7 Лab8 (24. ...Ca6 25. Лс6!) 25. Л:d7 Л:d7 26. K:h6+ Ф:h6

27. Ф:d7 белые остаются с лишней пешкой. Этот вариант подчеркивает, что у черных уже трудная позиция.

22. ...Ф:f5 23. Ce4 Фf6 24. f4! Фе7 25. fe K:e5 26. Фс3 f6 27. Фb3+ Kрh8 28. C:e5!

Еще один поучительный момент. Белые размывают свою гордость — чернополюсного слона. Но таким путем они ослабляют пешечную структуру в лагере черных и достигают еще большего позиционного перевеса.

28. ...fe 29. Лf1 a4 30. Фf7! Ф:f7 31. Л:f7 Лab8 32. b5!

Теперь материальный урон черных неизбежен. Еще последовало:

32. ...cb 33. C:b7 Л:d3 34. Cc6 b4 35. ab b5 36. Лa1 Л:e3 37. Лf8+ Л:f8 38. Л:f8+ Kрh7 39. C:b5 a3 40. Cc4 Лс3 41. Cд5. Черные сдались.

Любопытна также партия:

Т. Петросян — Л. Псахис. Английское начало:

1. c4 Kf6 2. Kc3 e6 3. Kf3 c5 4. g3 b6 5. e4 Cb7 6. Фе2 d6 7. d4 cd 8. K:d4 g6! 9. Cg2 a6 10. 0—0 Kbd7 11. Лd1 Фb8 12. a4! Cg7 13. a5 0—0 14. ab K:b6 15. Kb3 Лa7 16. Cf4!

Белые отлично разыграли дебют и достигли заметного преобладания в центре и на ферзевом фланге. Шаг за шагом Петросян наращивает свой дебютный перевес, завершая великолепную позиционную игру эффектной заключительной комбинацией.

16. ...e5 17. Ce3 Cc6 18. Ka5 Лa8 19. Фd3 Ce6 20. b3 Kc8 21. h3 h5 22. b4 Фс7.

Конечно, нельзя 22. ...Ф:b4? из-за 23. Лdb1, и черный ферзь оказывается пойманным.

23. Kd5 K:d5 24. cd Cd7 25. Лdc1

Фb8 26. Kc6 Фb7 27. Cf1 f5 28. Ф:a6!

Несложная, но эффектная и оригинальная комбинация, достойно завершающая борьбу.

28. ...Л:a6 29. C:a6 C:c6.

Нетрудно убедиться, что у черного ферзя нет полей для отступления. На 29. ...Фс7 решало 30. Ke7+, и далее 31. Лс7.

30. C:b7 C:b7 31. Лс7 Лf7 32. Лaс1 Ca6 33. b5! C:b5 34. Л:c8+ Kрh7, и черные тут же сдались.

К фаворитам межзонального турнира, кроме наших шахматистов, причислялись Ян Тимман (Нидерланды) и Бент Ларсен (Дания). Но оба они выступили неудачно. К сожалению, плохо играл и двукратный чемпион СССР последних лет Лев Псахис, оставшийся во второй половине турнирной таблицы.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.10.82. Подписано к печати 02.11., 26.11.82. А 01181. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2806. Заказ № 3364. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Юрия АНТОНОВА
Стихи Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

РОДНЫЕ МЕСТА

*В родных местах
ромашкой пахнет ветер
И до травинки вся земля—своя.
В родных местах
и солнце ярче светит
И серебристой голос у ручья.*

ПРИПЕВ:

*Пусть мне твердят,
что есть края иные,
Что в мире есть иная красота,
А я люблю свои места родные,
Свои родные, милые места!*

*В родных местах у неба цвет синее,
В родных местах просторнее луга,*

*Стволы берез—прямее и стройнее
И разноцветной радуги дуга.*

ПРИПЕВ.

*В родных местах
на капельках росинок
Горят зари веселой огоньки.
В родных местах все лучше и красивей—
От звезд ночных до утренней реки.*

ПРИПЕВ:

*Пусть мне твердят,
что есть края иные,
Что в мире есть иная красота,
А я люблю свои места родные,
Свои родные, милые места.*

К Р О С С В О Р Д

Составил М. МЕЛЬНИК,
Ужгород

По горизонтали:

6. Заросли приречного кустарника. 10. Месяц года. 11. Большие часы с музыкой. 12. Герой книг В. Арсеньева. 13. Деталь штамповочного инструмента. 15. Город в Ивано-Франковской области. 16. Автор оперы «Дубровский». 17. Воин армии в Монгольской Народной Республике. 19. Бурый игольчатый минерал. 20. Кисломолочный продукт. 22. Корнеплод. 27. Русский пролетарский поэт и революционер. 28. Газета японских коммунистов. 29. Государство в Африке. 30. Средневековый воин. 31. Летчик, Герой Советского Союза. 33. Отдел физики. 35. Технический прием в футболе. 36. Эфирномасличное растение. 39. Кондитерское изделие. 40. Озеро на границе Заира и Замбии. 41. Строевое устройство. 45. Морская промысловая рыба. 46. Древнеафинский оратор и публицист. 47. Полезное насекомое, опылитель растений. 48. Подвесное грузоподъемное устройство. 49. Спортивная игра. 50. Низкая стойка при спуске с горы на лыжах.

По вертикали:

1. Космический объект с мощным излучением. 2. Русский поэт XIX века. 3. Декоративный цветок. 4. Щелочной металл. 5. Одно из названий Трои. 7. Птица, вредитель пчел. 8. Русский народный музыкальный инструмент. 9. Литовский художник-керамист. 14. Характер, нрав человека. 15. Драгоценный камень. 18. Прибор в системе центрального отопления. 19. Антирелигиозное течение в европейской философии средних веков. 21. Следование пассажира без пересадки на промежуточных станциях. 22. Дневная бабочка. 23. Один из Алеутских островов. 24. Военная куртка. 25. Русская народная игра. 26. Указ, постановление древнеримского должностного лица. 31. Род двигателя. 32. Французский поэт и философ XX века. 34. Деятель Великой Французской революции. 35. Хищная амазонская рыба. 37. Южный плод. 38. Одно из главных произведений Аристотеля. 41. Небольшой городской сад. 42. Представитель основного населения автономной республики. 43. Химический элемент. 44. Штат Индии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 22

По горизонтали:

3. Турбина. 6. Спелеолог. 9. Припять. 10. Кербель. 13. Кариатида. 14. Ареал. 16. Рдест. 18. Косинусоида. 20. Александрит. 23. Почта. 24. «Тазит». 25. Кронштадт. 27. Опоссум. 29. Бинокуляр. 30. Садовский. 31. Кордоба.

По вертикали:

1. «Степь». 2. Коток. 4. Блесна. 5. Синхрофазотрон. 6. Стекло. 7. Гелард. 8. Велосипедистка. 11. Архитектор. 12. Биробиджан. 15. Аксуат. 17. Дакота. 19. Унжа. 21. Лаксус. 22. Иттрий. 26. Шервуд. 28. Маркс. 29. Бисау.

Знакомый
голос

«МОИ УРОКИ МУЗЫКИ»

Целый день, целый день, целый день занимаешься зубрежкой... А я хожу по городу одна», — пела на экране телевизора обаятельная тоненькая девушка с копной черных как смоль волос и задорно так покачивала головой: что же ты, дружок, сидишь-то, а? И было в ее интонациях, движениях, актерской игре

и вокальном мастерстве столько свежести, доверчивой доброты, искренности и оптимизма, что и песня и исполнительница внушали симпатию зрителям. Возник тот удивительный эмоциональный мост между певицей и аудиторией, который приносит песне популярность, а артистке — любовь и признательность почитателей эстрадной музыки. Вот так состоялось «открытие» моло-

дой певицы Ксении Георгиади на одном из туров Всесоюзного телевизионного музыкального конкурса «С песней по жизни». В этот день дебютантка была удостоена почетного «Приза популярности». В финале конкурса Георгиади завоевала звание лауреата.

Так сбылась ее мечта.

...Жила на берегу Черного моря, под Гаграми, веселая девчонка. Без тени страха бросалась она «ласточкой» с высоких прибрежных скал, часами могла не вылезать из воды и, не опасаясь обгореть, жариться под солнечными лучами. Но было у нее и другое занятие, серьезное, — музыкальная школа. Была мечта стать певицей, выступать с оркестром на профессиональной сцене. И еще был талант. Так считали все — учителя, соседи, друзья. В школе, дома, на пляже, на вечерах, в самодеятельности — всюду, где было можно и даже нельзя, девочка пела. Ксения словно преображалась в эти моменты: столько счастья, оказывается, в возможности подарить людям песню.

Может, и не в восторге были папа и мама Георгиади от выбора старшей дочерью своего жизненного пути, но препятствовать не стали. Окончив две школы — обычную, среднюю, и музыкальную, Ксения отправилась в Москву. Решила поступить во Всероссийскую творческую мастерскую эстрадного искусства. Успешно сдав вступительные экзамены, Ксения была зачислена в класс, руководил которым замечательный певец — с его именем связана целая эпоха в советской песенной лирике — Георгий Виноградов.

Фото
Валерия
ПЛОТНИКОВА

— Это было удивительное время, трудное и радостное одновременно, — вспоминает Ксения. — Виноградов преподавал нам не только основы вокального мастерства, умение держать себя на сцене непринужденно под «обстрелом» сотен глаз. Он заложил в души своих учеников чувство ответственности перед слушателями и зрителями.

Немало есть успехов и добрых начинаний в активе певицы. Слова «Поет Ксения Георгиади» можно прочесть на конвертах дисков-гигантов «Для вас, женщины» и с музыкой из кинофильма «31 июня», в журнале «Кругозор» и на сольной грампластинке. Песни в ее исполнении прозвучали в музыкальных фильмах «Солнце в авоське» и «Фея острова». За ее плечами многие сотни километров гастрольных поездок по родной стране и первые выступления за рубежом. В репертуаре Георгиади произведения Александра Зацепина, Алексея Мажукова, Владимира Мигули... Она солистка Росконцерта, выступает в сопровождении популярного ансамбля «Верные друзья».

Казалось бы, чего еще можно желать? Но певица очень трезво и настороженно относится к собственным успехам. Каждое ее выступление, запись на пластинку или пленку становится затем предметом самого тщательного разбора и анализа. И Ксения частенько не находит себе места: «Могла бы лучше...»

Георгиади очень критически относится к тому, что ей приходится исполнять перед многочисленной аудиторией. Ей особенно хорошо удаются драматические монологи: с болью и переживанием, на высокой ноте, зато честно, открыто, на одном дыхании. Много раз я следил за тем, как реагируют на такие волнующие песни люди, пришедшие на эстрадный концерт. И всякий раз не находил равнодушных. И это, как считает сама певица, главное.

Музыкальные критики и специалисты, говоря о творчестве Ксении Георгиади, выделяют разные стороны ее исполнительского дарования. Задушевность, образность, современность, артистизм... И еще — серьезное отношение к самому понятию «эстрадная песня», которое певица доказывает буквально каждым своим выступлением.

Ксения старается не повторяться в манере исполнения (сравните популярные «Уроки музыки» Вадима Ильина и «Ищу тебя» Александра Зацепина).

Каков уровень современной эстрадной песни? Какие произведения предлагаются сегодня популярному исполнителю? Есть ли у него право на выбор? Мы не раз говорили об этом с Ксенией Георгиади и приходили к такому выводу: да, велик еще поток хлынувших на эстраду «проходных» песен с претензией на «шлягеры». Встречаются среди них и откровенно низкопробные — «два прихлопа, три притопа», и средние, и конъюнктурные. Их авторов критикуют, но все же эти песни пусть не всюду, но звучат. Именно здесь, как нигде более, и сказывается профессионализм Ксении Георгиади — в ее принципиальности, строгом отборе, чувстве собственного достоинства и уважения к зрительским чувствам, вкусам и симпатиям.

Жизнь певицы — это не сплошные аплодисменты. Это — труд, помноженный на время.

Евгений МОСПАНОВ